

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДУМА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТОЛОГОВ

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

**Материалы IV Международной конференции,
посвященной 25-летию Законодательной Думы
Томской области
(Томск, 17–18 апреля 2019 г.)**

*Под редакцией проф., д-ра полит. наук
А.И. Щербинина*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

УДК 328/533

ББК 66

Р76

Парламентаризм: региональное измерение:

- Р76 Материалы IV Международной конференции, посвященной 25-летию Законодательной Думы Томской области / под ред. А.И. Щербинина, М.В. Подрезова, В.Г. Скочиловой. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 270 с.
ISBN 978-5-94621-814-6

В сборнике представлены материалы, отражающие актуальную проблематику международного и отечественного парламентаризма, его регионального уровня. Освещены темы генезиса, эффективного функционирования и основных тенденций представительной власти на современном этапе.

Для политологов, историков, правоведов, практиков парламентаризма.

УДК 328/533

ББК 66

Печатается по заказу Законодательной Думы Томской области, в соответствии с планами научной работы РАПН и РОП на 2019 г. и НОЦ «Институт политических исследований» (Лаборатория исследования проблем парламентаризма) Национального исследовательского Томского государственного университета на 2019 г.

ISBN 978-5-94621-814-6

© Томский государственный университет, 2019
© Законодательная Дума Томской области, 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Председателя Законодательной Думы Томской области О.В. Козловской	8
Абрамова М.Г. Парламентаризм на постсоветском пространстве: модернизация или традиционализм	11
Аванесова Е.Г. Религиозная проблематика в повестке дня региональных парламентов (на примере исламского субъекта РФ)	14
Авдеенок Д.Д. Результативность социально-образовательных проектов и законотворческих инициатив. Кейсы делегатов Детско-юношеского парламента города Томска	17
Анион С.Л. Дискуссии о франке КФА в африканском политическом пространстве	20
Ачкасов В.А. Мандат депутата парламента: свободный или императивный?	24
Барсуков А.М. Протестные сообщества в городах Сибири: политологическое измерение	28
Бахлова О.В., Зайцева Л.А. Государственное Собрание Республики Мордовия: содействие региональному развитию	31
Березняков Д.В., Козлов С.В. Верховная Рада Украины: «сильный» парламент в условиях «слабого» государства	34
Гайданка Е.И. Партийные аспекты генезиса региональной политической элиты: пример коммунальных выборов в Трнаве (Словакия)	37
Гамидов С.С. Азербайджанский парламентаризм: историческая основа парламентской культуры	40
Голдовская А.В. Роль представительных органов власти в процессе реализации государственной программы «Доступная среда» (на примере Томской области)	44
Гуревич Д.И. Проблемы парламентаризма и пенсионная реформа 2018 г.	48
Гусарская Е.Н., Кошкина С.Н. Внедрение методологии мониторинга правового поля как системы оценки, анализа и прогноза динамики законодательства и практики его применения	51
Дробченко В.А. Роль Томской городской думы в формировании Томского комитета общественного порядка и безопасности (март 1917 г.)	54

Дробченко В.А., Черняк Э.И. Томск, 1917 г.: создание регионального парламента	57
Егорова Е.Е. Парламентский имидж депутатов на примере партии «Единая Россия»	60
Еремина Е.Г. Детско-юношеский парламент города Томска как модель участия старшеклассников в формировании молодежной политики	63
Завершинский К.Ф. Парламентаризм в политической памяти современной России: специфика политической репрезентации	67
Захарова Т.В., Уфимцева Е.В., Елисеев А.М., Подопригора Ю.В. Анализ транспортной политики и ее влияние на социально-экономическое развитие университетских городов России и Франции	70
Злобин А.Н. Восстановление избирательных прав граждан в Центрально-Чернозёмной области в конце 20 – начале 30-х гг. XX в.	77
Золотарев А.Ю. У истоков парламентаризма	80
Ивлев С.В. Парламентаризм как механизм централизации государственной власти в современной России	83
Ирхин Ю.В. Этика парламентаризма: сравнительный анализ этических норм режимов парламентов зарубежных стран и России	86
Исаев Б.А. Роль социально-политических конфликтов в изменении партийной структуры парламентов	89
Керимов А.А. К вопросу о специфике современного парламентаризма	93
Кирдяшкин И.В. Парламентаризм как способ «когнитивного открытия» политической культуры	97
Кошкина С.Н., Остринская Л.И. Пути совершенствования информационной поддержки деятельности регионального парламента через моделирование процессов цифровой экономики	100
Краснощёров А.Ю. Город как площадка постсовременной гражданской культуры	103
Кузьмин И.А. К вопросу о формировании и функционировании системы просвещения в области прав человека	106
Мартинкович М. Развитие политико-партийного пространства в контексте местных выборов в Словацкой Республике (2010–2018 гг.)	110

Матвеева Е.В., Клейстер Р.Ю. Современная динамика функционирования института регионального парламентаризма (на примере Кемеровской области)	113
Матвеева Е.В. Социально-политический анализ структуры городских парламентов Сибирского федерального округа	116
Микаелян Н.А. Исламская тематика в парламентской коммуникации: региональное измерение	120
Мирошник В.А. Российский региональный парламентаризм: опыт и проблемы	123
Москальчук М.П. Роль молодежных организаций в гражданском образовании	127
Орлинская О.М. Исторические аспекты эволюции институтов парламентаризма в России	130
Остапец Ю.А., Остапец И.Ю. Партийное структурирование региональных легислатур в Украине в результате местных выборов 2015 г.	134
Палитай И.С. Образы современных парламентских партий в сознании россиян	138
Паныч А.В. О проблемах парламентаризма в современной России	142
Петренко М.С. Проблема отражения публичной сферы в современном российском парламентаризме	145
Подрезов М.В. Smart Government в условиях Smart City	148
Помигуев И.А. Принцип дисконтинуитета как механизм повышения парламентского влияния в системе разделения властей	151
Попов В.В., Харсеева О.В. Независимая экспертиза законодательства как одно из стратегических направлений регионального законотворчества в современной России (на примере Курской области)	154
Постол В.И. Парламентаризм и цифровая демократия: проблемы репрезентативности	158
Прокопенко А.Ю. Конструирование национального мира России в Посланиях Президента В. Путина Федеральному Собранию	163
Пустовойт Ю.А. Модернизация, городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах	166
Родионов Ю.П. Использование административного ресурса на выборах в Государственную думу начала XX в.: сибирский опыт	169

Сади С.С. Парламентаризм в Республике Тыва на современном этапе	174
Саг А.В. Региональный депутатский корпус: социокультурный контекст (на примере Республики Тыва)	180
Сдельников В.А. Язык законотворческой деятельности конгресса США как инструмент формирования негативного имиджа В.В. Путина	183
Селезнева А.В. Парламентская культура российских граждан: ценностные основания и образно-символическое содержание	187
Серебренникова А.К. К вопросу о российском парламентаризме: юридический аспект	192
Скочилова В.Г. Практики парламентаризма в России и социальное воображаемое	195
Соболева В.В. Повышение объективизации прогнозов развития гражданского общества за счет интеграции методологии Форсайта и технологии Блокчейн	199
Суханов В.А. Текст как источник создания, реконструкции и конструирования художественных версий истории в русской литературе второй половины XX века	202
Толкачев А.Е. Проблема кризиса института парламентаризма в российской и мировой практике	207
Тузовский А.С. Региональные легислатуры как площадки конкуренции бизнес-интересов: от неконгруэнтных практик к корпоративной публичной политике	211
Фан И.Б. Правительство как символический феномен	214
Фельдман П.Я., Федакин И.В. Специфика взаимодействия профессиональных союзов с региональными органами законодательной власти (на примере Томской области)	217
Харусь О.А. Социокультурные характеристики сибирских депутатов Государственной думы как индикатор электоральных настроений в начале XX века	221
Хахалкина Е.В. Противостояние парламента и кабинета в Великобритании на фоне Брекзита	226
Шашкова Я.Ю. Потенциал молодых депутатов законодательных (представительных) органов как молодежных политических лидеров (на примере регионов Юго-Западной Сибири)	229
Шкатулов К.О. Эффективность функционирования системы молодежных парламентов в современной России	234

Шкута Р.В. Власть в контексте межклановой борьбы: опыт Украины	237
Шпагин С.А. Формирование законодательных собраний российских регионов в контексте нового электорального цикла	240
Щербинин А.И. Парламент как театр: фрейм и образ	243
Щербинина Н.Г. От публичной сферы парламентской демократии к медиареальности постдемократии	254
Яровикова Ю.В. Концепция «мягкой силы» в деле межпарламентского сотрудничества: опыт российской дипломатии в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ)	265

**Приветственное слово
Председателя Законодательной Думы Томской области
О.В. Козловской**

Уважаемые участники конференции!

Приветствую Вас на Томской земле. Конференция – одно из ключевых мероприятий, посвященных 25-летию областного парламента.

За четверть века наша страна и область прошли непростой путь: от плановой к рыночной экономике; от старой системы власти к многопартийности, к новым институтам гражданского общества.

За 25 лет и в стране, и в регионах создано правовое поле, фундаментом которого стала принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации, наделившая субъекты РФ правом на образование законодательных органов власти и принятие областных законов.

Наш областной парламент за 25 лет принял 15,5 тыс. нормативных правовых актов и более 4,5 тыс. региональных законов, сформировав полноценное правовое поле.

Но главное – не количество законов, а их результаты. Основной критерий эффективности работы парламента – уровень и качество жизни наших земляков.

За эти годы область обеспечила прирост численности постоянного населения: средняя продолжительность жизни увеличилась более чем на восемь лет, сократилась смертность. Комплексный показатель развития региона ВРП увеличился почти в 40 раз, доходы бюджета – почти в 10 раз.

В регионе созданы современные предприятия, ведется активное строительство жилья, дорог, новых социальных объектов: больниц, школ, детских садов, спортивных сооружений. Это – результат совместной работы всех жителей области, бизнеса и, конечно же, всех ветвей власти. Законы, принятые Думой, всегда являлись правовым каркасом того, что делалось и делается в регионе.

Томская область известна в России как толерантный регион. Особенность нашего региона – конструктивное взаимодействие всех ветвей власти. Во многом это удается благодаря приоритетному развитию научно-образовательного комплекса. Неслучайно Томск сегодня претендует на звание студенческой столицы России, а в составе органов законодательной власти традиционно представлены ректоры и профессора практически всех томских университетов.

Другая особенность Томской области – направленность на создание условий для развития инновационной инфраструктуры и инновационных компаний. Томская область первой в стране приняла региональный закон об инновационной деятельности и региональную инновационную стратегию. Наш опыт разработки долгосрочной Стратегии развития региона совместно с бизнесом и научно-образовательным комплексом был одним из первых в стране. Первым был и федеральный проект «ИНО Томск». И пока в стране таких инновационных территориальных центров два – в Томске и Казани.

Сегодня в составе Законодательной Думы Томской области представлены четыре политические партии. Но главная партия, в которой состоим мы все, – это партия томичей. Партия, которая работает во благо и для процветания региона.

Я хочу выразить благодарность нашим партнерам по организации конференции – Национальному исследовательскому Томскому государственному университету, а также всем гостям и участникам конференции из МГУ, Высшей школы экономики, из других вузов страны за очень содержательные и

интересные дискуссии на секциях и «круглых столах», которые прошли в рамках конференции.

Уверена, что и пленарное заседание сегодня будет конструктивным и внесет свой вклад в развитие науки и практики парламентаризма.

Еще раз всем спасибо за участие.

Всем желаю мира и процветания, а также интересных встреч на университетских площадках Томска.

Козловская Оксана Витальевна,
Председатель Законодательной Думы Томской области

М.Г. Абрамова

Парламентаризм на постсоветском пространстве: модернизация или традиционализм?

В статье анализируются парламентские практики государств – членов СНГ. В эпоху постмодерна невозможно ограничиваться классическими рамками «демократия vs. диктатура», ибо условия глобализации вынуждают социум приспосабливаться, используя самые разнообразные, включая традиционные, институты и практики.

Ключевые слова: парламент, СНГ, народовластие, традиционализм.

В мировом политическом дискурсе принято характеризовать постсоветские республики как авторитарные режимы. Достаточно вспомнить такие определения политологов о российском политическом режиме: «электоральный авторитаризм», «персоналистский режим», «имитационная демократия», «государство победившей бюрократии», «раздаточная экономика» [1. Р. 28]. Представляется, что такой подход выглядит упрощенным.

Однако в эпоху постмодерна невозможно ограничиваться классическими рамками «демократия vs. диктатура», ибо условия глобализации вынуждают социум использовать самые разнообразные, в том числе традиционные, институты и практики (см.: [2]). Постсоветские государства включаются в контекст новых реалий в состоянии выраженной дифференциации по тем нормам, ценностям и установкам, которыми их граждане руководствуются в своей повседневной жизни [3. С. 8]. Принципы и институты управления в таких неконсолидированных обществах существенно отличаются от управления в политически однородных социумах. Достичь консолидации и стабильности можно, лишь учитывая самые массовые запросы населения и его национальные традиции.

В странах СНГ, где наблюдается верность национальным традициям, в наибольшей степени отличается институт парламентаризма, различные варианты которого в большой степени обладают характеристиками «современного традиционализма».

В республиках Центральной Азии и Азербайджане в названиях парламентов присутствует национальный элемент: Мажилис (Казахстан), Маджлиси Оли (Таджикистан), Жогорку Кенеш (Кыргызстан), Меджлис (Туркменистан), Милли Меджлис (Азербайджан), Олий Мажлис (Узбекистан)¹. Двухпалатный парламент есть в России, однако и в унитарных Беларуси, Казахстане, Таджикистане и Узбекистане парламент также состоит из двух палат². Везде в формировании второй палаты, которая считается палатой территориального представительства, непосредственное участие принимает президент. Так, в Беларуси он назначает восемь членов Совета Республики, в Казахстане – пятнадцать членов Сената «с учетом необходимости обеспечения представительства национально-культурных и иных значимых интересов общества», в Узбекистане – шесть членов Сената «из числа наиболее авторитетных граждан с большим практическим опытом и особыми заслугами в области науки, искусства, литературы, производства и других сферах государственной и общественной деятельности», в Таджикистане – четвертую часть верхней палаты, при этом каждый бывший президент становится ее членом пожизненно.

В Туркменистане есть особый политический институт: Халк Маслахаты (Народный совет). Это высший представительный орган Туркменистана, существовавший с 1992 по 2008 г., из 2 507 членов с «полномочиями высшей государственной власти и управления» по внесению изменений в конституцию. На уровне областей (веляятов), районов (этрапов) и городов существовали свои местные «халк маслахаты». В сентябре 2008 г. этот орган был упразднен, но в 2017 г. восстановлен. В Туркменистане парламент может передавать право издавать законы по

¹ Маджлис (majlis) в переводе с арабского языка – «собрание».

² Парламент Беларуси состоит из двух палат – Палаты представителей (110 депутатов) и Совета Республики (по 8 представителей от областей и столицы). Парламент Казахстана – из Мажилиса (107 депутатов) и Сената (по 2 представителя от областей и столицы). Парламент Таджикистана – из Маджлиси Милли (верхняя палата, Национальный Совет, 63 члена) и Маджлиси Намояндагон (нижняя палата, Палата представителей, 33 члена). Парламент Узбекистана – из Законодательной палаты (нижняя палата, 150 депутатов) и Сената (верхняя палата, по 6 представителей от областей).

отдельным вопросам президенту. В Кыргызстане ст. 52 Конституции предоставляет гражданам право проводить народные курултай (собрания) по вопросам, имеющим государственное и общественное значение, решения которых носят рекомендательный характер.

Таким образом, важнейшее влияние на стабильность и консолидацию политических режимов оказывает степень политической институционализации. В постсоветских республиках парламентская практика сочетается с традиционными досоветскими национальными практиками, что придает ей большую устойчивость и способствует консолидации общества.

Литература

1. Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War. Cambridge, 2010. 536 p.

2. Чирун С.Н. Опыт участия в работе пятой международной конференции в городе Торунь (Польша) по изучению постсоветского пространства Россия – Ближнее зарубежье – ЕС // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 229–239.

3. Горшков М.К., Петухов В.В., Андреев А.А., Бараш Р.Э., Дробижева Л.М., Мареева С.В., Мчедлова М.М., Петухов Р.В., Седова Н.Н., Тихонова Н.Е., Трофимова И.Н. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном). М.: Институт социологии РАН, 2015. 57 с.

M.G. Abramova

Parliamentarism in the post-Soviet space: modernization or traditionalism?

The article analyzes the parliamentary practices of the CIS member States. In the postmodern era, it is impossible to confine ourselves to the classical framework of "democracy vs. dictatorship", because the conditions of globalization force society to adapt, using a variety of, including traditional institutions and practices.

Key words: Parliament, CIS, democracy, traditionalism.

Е.Г. Аванесова

**Религиозная проблематика в повестке дня
региональных парламентов
(на примере исламского субъекта РФ)**

Особое внимание уделено исследованию влияния религии на политическую сферу Чеченской Республики, а точнее, поиску ответа на вопрос: каким образом религия влияет на формирование повестки дня регионального парламента? Эмпирическую базу исследования составили региональные нормативно-правовые документы и материалы официального сайта республиканского парламента.

Ключевые слова: парламентаризм, ислам, Чеченская Республика, влияние религии на политику.

В нескольких субъектах РФ мусульмане составляют абсолютное большинство населения, и одним из таковых является Чеченская Республика, где приверженцев ислама 96%. Такой конфессиональный состав территории не может не влиять на работу органов государственной власти региона, не исключая и деятельности местного парламента.

Конституция Чечни провозглашает ее светским государством, в котором «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», а «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [1]. Это положение является декларативным в силу ряда причин. Во-первых, для ислама не характерно отделение религии от политики, он изначально был ориентирован на решение мирских, в том числе и политических задач. Во-вторых, республика взяла курс на строительство Исламского государства, о чем говорят многочисленные факты: обязательное ношение женщинами платка, наличие шариатских судов, приравнивание деятельности госслужащих к деятельности религиозной и т.д. Тон задает глава Чечни Рамзан Кадыров, являющийся членом суфийского ордена кадирия.

С принятием Конституции ЧР 23 марта 2003 г. начинается новый этап в истории чеченского парламентаризма [2]. На сего-

дняшний день это однопалатный парламент, состоящий из 41 депутата. В повестке дня регионального парламента, помимо социальной и экономической, наличествует и религиозная проблематика. Она прослеживается в следующих видах деятельности:

– **законотворческая деятельность.** Парламент Чечни одобрил поправки в республиканский закон «Об образовании» [3], разрешающие учащимся носить одежду, которая соответствует их религиозным убеждениям. Этот закон вызвал большой общественный резонанс, так как, по мнению ряда экспертов, он противоречит федеральному законодательству;

– **законодательные инициативы.** Одним из законопроектов, которые внес региональный парламент в Госдуму РФ, был закон о запрете упоминания в СМИ национальной и религиозной принадлежности террористов;

– **мероприятия по профилактике терроризма и религиозного экстремизма.** В Чечне, помимо традиционного суфийского ислама, наличествует и ваххабизм, adeпты которого занимаются вербовкой молодежи, втягиванием населения в ряды незаконных вооруженных формирований. Члены парламента проводят многочисленные встречи с населением, разъясняя основы законодательства по борьбе с религиозным экстремизмом [4];

– **чтение проповедей в мечетях республики.** В своей проповеди депутаты Парламента говорят «о важности изучения и соблюдения предписаний священного Корана» [5];

– **проведение круглых столов по религиозным вопросам.** Одно из последних заседаний было посвящено обсуждению темы «Роль религиозных организаций в противодействии угрозам и вызовам экстремизма».

Таким образом, парламентарии не свободны от влияния религии на их деятельность, что отражается в повестке дня законодательного органа власти Чеченской Республики.

Литература

1. Конституция Чеченской Республики // Консорциум Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819051373> (дата обращения: 30.03.2019).
2. Хасмагоматов Э. Чеченский парламентаризм: история и современность // Парламент Чеченской Республики: официальный сайт. URL: <http://www.parlamentchr.ru/about/history> (дата обращения: 27.03.2019).

3. О внесении изменений в закон Чеченской Республики «Об образовании в Чеченской Республике» // Парламент Чеченской Республики: официальный сайт. URL: <http://www.parlamentchr.ru/dokumenty/legislation/2017/5201-16-gz-ovnesenii-izmenenij-v-zakon-chechenskoj-respubliki-ob-obrazovanii-v-chechenskoj-respublike> (дата обращения: 31.03.2019).

4. Иналкаева К.С. Анализ состояния и тенденций развития законодательства Чеченской Республики // Парламент Чеченской Республики: официальный сайт. URL: <http://www.parlamentchr.ru/press-centre/analytics/271-analiz-sostoyaniya-i-tendentsij-razvitiya-zakonodatelstva-chechenskoj-respubliki> (дата обращения: 27.03.2019).

5. Депутаты прочитали проповеди в разных мечетях республики // Парламент Чеченской Республики: официальный сайт. URL: <http://www.parlamentchr.ru/press-centre/news/9125-deputaty-prochitali-propovedi-v-raznykh-mechetyakh-respubliki> (дата обращения: 29.03.2019).

E.G. Avanesova

Religious issues in the agenda of regional parliaments (on the example of the Islamic subject of the Russian Federation)

Particular attention is paid to the study of the influence of religion on the political sphere in the Chechen Republic, or rather the answer to the question: how does the confessional composition of the subject affect the work of the regional parliament. The empirical base of the research was constituted by regional regulatory documents, materials of the official site of the republican parliament.

Key words: parliamentarism, Islam, Chechen Republic, the influence of religion on politics.

Д.Д. Авдеенок

**Результативность социально-образовательных
проектов и законотворческих инициатив.
Кейсы делегатов Детско-юношеского парламента
города Томска**

Анализируется проблематика результативности проектной деятельности школьников.

Ключевые слова: законотворческая инициатива, социально-образовательный проект, Детско-юношеский парламент г. Томска.

Ориентиры на создание условий для развития правовой и политической культуры молодежи через участие в различных формах самоорганизации, самоуправления, общественно-значимой деятельности обозначены сегодня во многих стратегических документах образования и воспитания.

Функционирующий в г. Томске орган представительства интересов школьников «Детско-юношеский парламент» (ДЮП) является действенным механизмом обеспечения участия детей в общественной жизни, в решении вопросов, затрагивающих их непосредственно.

Об этом свидетельствуют кейсы делегатов ДЮП о реализованных социально-образовательных проектах и законотворческих инициативах.

Кейс 1. «Обращение граждан»

Проект «Опасный долгострой». Инициаторы – учащиеся школы № 36 г. Томска. Проект представлен на городском фестивале ДЮП «Школа самоуправления», в финале областного этапа всероссийской акции «Я – гражданин России» и на совместном заседании в Думе г. Томска в декабре 2015 г.

Проблема: наличие заброшенного долгостроя – места для «опасного экстрима» вблизи с образовательным учреждением.

Результат. Решение Думы г. Томска о консервации объекта. В октябре 2016 г. Администрацией города Томска объявлен аукцион по определению подрядной организации с целью про-

ведения работ по консервации объекта незавершенного строительства, расположенного по адресу: г. Томск, Иркутский тракт, 91/4, с целью недопущения проникновения посторонних лиц, в том числе несовершеннолетних детей.

Кейс 2. «Социально-образовательный проект».

Проект «Право – часть жизни». Инициаторы – делегаты шести образовательных организаций. Проект – лауреат II степени всероссийской акции «Я – гражданин России», I степени Всероссийского конкурса «Инновационные технологии в правовом просвещении по вопросам прав и свобод граждан, форм и методов их защиты».

Представлен на совместном заседании в Думе г. Томска в декабре 2017 г.

Проблема: низкий уровень правовой грамотности школьников.

Результат. Разработан и проведен чемпионат для школьников по решению правовых кейсов (очная и дистанционная форма) в партнерстве с Департаментом образования Администрации г. Томска, ассоциацией молодых юристов ЮИ ТГУ, аппаратом Уполномоченного по правам ребенка в Томской области.

Кейс 3. «Законотворческие инициативы».

Проблема: трудоустройство студентов, а именно изучение реализации инициативы о возможности студентам официально вести дополнительные занятия (кружки) в школах и учреждениях дополнительного образования.

Летом 2017 г. Президент РФ предложил обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих определение порядка и условий допуска студентов, обучающихся по специальностям и направлениям подготовки профессионального образования, в том числе в области педагогики и образования, и специалистов-практиков, не имеющих профессионального образования в области педагогики и образования, к осуществлению образовательной деятельности в общеобразовательных организациях и организациях дополни-

тельного образования детей. На официальном сайте Государственной Думы РФ делегаты ДЮП нашли информацию о том, что поручение президента должно быть выполнено к 1 декабря 2017 г. Однако на сайте Правительства в разделе «поручения президента» на сегодняшний день информации по данному законопроекту нет.

В декабре 2018 г. делегаты ДЮП и Молодежный совет г. Томска инициировали обращение в Правительство РФ, которое было перенаправлено в Министерство просвещения. На 25 февраля 2019 г. законопроект находился на правовой и антикоррупционной экспертизе. ДЮП и Молодежный совет отслеживают принятие данного законопроекта и его реализацию в регионе.

Представленные кейсы демонстрируют, что деятельность Детско-юношеского парламента как органа представительства интересов школьников в коллаборации с Управлением по молодежной политике Администрации г. Томска, Комитетом по делам молодежи Думы г. Томска, Молодежным советом г. Томска, Томским региональным представительством молодежного отделения Российского общества политологов, Уполномоченным по правам ребенка Томской области не только результативна, но и способствует расширению образовательного пространства в области гражданского образования томских школьников.

D.D. Avdeyonok

The effectiveness of social and educational projects and legislative initiatives. Cases of delegates of the Tomsk Children's and Youth Parliament

The problem of the effectiveness of the project activities of schoolchildren is analyzed.

Keywords: lawmaking initiative, social and educational project, Children's and youth parliament of Tomsk.

С.Л. Анион

Дискуссии о франке КФА в африканском политическом пространстве

Статья посвящена дискуссионным проблемам использования франка КФА в африканском политическом пространстве и анализу результатов валютной политики Франции в отношении африканских стран.

Ключевые слова: франк КФА, африканское политическое пространство.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время, согласно данным газеты «RFI Afrique», опубликованным 30.08.2017, франк КФА используют около 115 миллионов человек [1]. Сохранение колониальной валюты, навязанной Францией после Второй мировой войны, вызывает множество вопросов как у граждан, так и среди парламентариев. Франк КФА остается единственной колониальной валютой, используемой до сих пор.

Франк КФА¹, созданный 25 декабря 1945 г. [2], со второй половины 40-х гг. XX в. стал валютой Зоны франка в составе Западноафриканского экономического и валютного союза (УЕМОА) и Экономического и монетарного сообщества стран Центральной Африки (СЕМАС). Позднее, по достижении независимости во второй половине 60-х гг. выделяется сообщество Западной Африки и сообщество стран Центральной Африки:

– «La communauté financière africaine»² (Бенин, Мали, Букина-Фасо, Нигер, Гвинея-Бисау, Кот-Д'Ивуар, Сенегал, Того);

– «La coopération financière en Afrique Centrale»³, (Габон, Камерун, Конго, ЦАР, Чад, с 1984 г. – Экваториальная Гвинея).

Регулирование политики франка осуществляют два банка: в Сенегале и в Камеруне⁴. Третьим актором этой денежной системы является Банк Франции. Согласно Колониальному пакту,

¹ Первоначально – «Франк французских колоний Африки».

² «Африканское финансовое сообщество».

³ «Финансовое сотрудничество в Центральной Африке».

⁴ Центральный банк государств Западной Африки (ВСЕАО); Банк государств Центральной Африки (ВЕАС).

Французское общественное казначейство гарантирует конвертируемость франков КФА и Коморских островов в любую другую валюту; 50% резервов франка КФА и 65% резервов коморского франка должны быть депонированы на счета Государственного казначейства во Франции; ставка паритета между франком КФА или коморским франком и евро фиксирована – с 1999 г. 1 евро равен 655,957 франкам КФА [3. С. 140]; переводы капитала в Зону франка свободны и бесплатны. Эта система, полагает французская сторона, призвана стабилизировать финансы африканских государств, ее использующих, выступая инструментом «солидарности и развития». Однако из 15 стран Зоны франка 13 классифицируются как бедные страны и страны с крупной задолженностью перед МВФ [4]. Банкноты КФА печатаются во Франции за тысячи километров от центральных банков африканских стран. В 2016 г. численность населения Франции составляла около 67 млн чел., а ВВП – 2,465 трлн долл. Ей в этом «партнерстве» противостоят 15 стран с населением 157 млн чел., чей суммарным ВВП составляет всего 166 млрд долл. То есть Франция в 15 раз богаче, чем эти 15 стран, чью экономику она контролирует через денежную систему Зоны франка, посредством присутствия ее директоров в совете администрации: три – в УЕМОА, два – в СЕМАС.

Дискуссии по франку КФА не прекращались с момента его создания как в гражданском обществе, входящих в зону государств, так и на уровне руководителей африканских стран. Сенегальский экономист Ндонго Самба Силла считает, что настало время отказаться от франка КФА, наследия французской колонизации, которое тормозит развитие Африки [5]. Он привел неопровержимый факты: франк КФА не способствует экономическому развитию стран, так как из 14 государств зоны Франка 10 классифицируются ООН как наименее развитые страны; экономический уровень 4 (Камерун, Кот-д'Ивуар, Габон, Конго) ниже, чем в 1990-х гг.; из 11 стран, находящихся в нижней части Индекса человеческого развития 2015 г. (ПРООН), который учитывает доход на душу населения, уровень образования и ожидаемую продолжительность жизни при рождении, 6 являют-

ся частью зоны FCFA. Франк КФА не способствует коммерческой интеграции (в 2014 г. торговля в Зоне франка составляла менее 10% от общего объема экспорта и импорта стран-членов; для УЕМОА и СЕМАС этот показатель составляет соответственно 19% и 7,1%) [5].

Большинство африканских государств хотят иметь полный контроль над своими деньгами либо создать собственную валюту, что вызывает различные виды дискуссий, приводящих к конфликтам между африканскими и французскими парламентариями. Французская сторона оказывает сильное сопротивление. Нынешняя система соответствует финансовым и политическим интересам государства и ряда влиятельных игроков, и, похоже, они не могут представить свои отношения с африканскими странами в свободной зоне иначе, чем на условиях неокOLONиального господства. Что касается африканских лидеров, то они оказываются между молотом и наковальней. Большинство из них знает, что франк КФА не позволяет их странам «взлететь» [6], но, как подчеркнул Идрисс Деби, у них не хватает смелости навязать свои взгляды французским собеседникам. Это объясняется тем, что за последние шестьдесят лет африканские лидеры, которые критиковали франк КФА, были подвергнуты Парижем санкциям или даже убиты, как президент Того Сильван Олимпио. Но сегодня граждане все больше осознают, что система CFA несправедлива и неэффективна. Контроль, осуществляемый французским правительством, оправдывать все сложнее. Как справедливо отмечали французская журналистка Фанни Пиджо и сенегальский экономист Ндонго Самба Силла, все больше и больше африканских социальных движений требуют отказа от франка КФА [7].

За новую денежную систему, свободную от контроля со стороны Франции, выступают и другие экономисты и оппозиционные политические партии. Дебаты о франке КФА пересекают границы, затрагивая всю Францию и выходя за ее пределы. 2 февраля 2019 г., по просьбе France Inter, Марин Ле Пен прокомментировала обвинения вице-президента Совета министров Италии Луиджи Ди Майо, согласно которому Франция, помимо других стран, является источником нынешних миграционных

движений, обогащаясь благодаря франку КФА [8]. Многие представители других партий (Натали Арто, Жак Чеминаде, Жан-Люк Меланшон, Филипп Путу, Бенуа Хамон) придерживаются того же мнения. Франк КФА представляется сегодня самой парадоксальной, самой критикуемой в Африке валютой, хотя и стабильной и даже одной из самых сильных на континенте. Тем не менее она остается колониальной валютой. Сильная и стабильная валюта не является гарантией развития. Ни одно государство не развивалось, не имея полного контроля над своей экономикой, своей валютой, поскольку валюта является неотъемлемым элементом суверенитета.

Литература

1. Goreux L. L'aide le banque modiale aux pays de la zone Franc. Washington: Ed. Departement de l'evaluation des operations, banque mondiale, 2001.
2. Cantener A. Comprendre le Franc CFA en quatre questions // Fri Afrique. URL: <http://www.rfi.fr/afrique/20170830-comprendre-le-franc-cfa-quatre-questions> (дата обращения: 01.05.2019).
3. Новокшонова Л.В. Глобализация и регионализация в валютной сфере экономики. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2014. 140 с.
4. Pigeaud F. La France ve devoir se resoudre a lacher le franc CFA // Bondy-Blog. URL: <https://www.bondyblog.fr/reportages/au-pouvoir/fanny-pigeaud-la-france-va-devoir-se-resoudre-lacher-le-franc-cfa/> (дата обращения: 01.05.2019).
5. Monnaie. Il faut mettre fin au franc CFA // Courrier international. URL: <https://www.courrier.international.com./article/monnaie-il-faut-mettre-fin-au-franc-cfa> (дата обращения: 01.05.2019).
6. Dieng C. Idriss Deby appelle les pays africains à débarrasser du Franc CFA // Le Nouvel Afrika. URL: <https://www.afrik.com/idriss-deby-appelle-les-pays-africains-a-se-debarrasser-du-franc-cfa> (дата обращения: 01.05.2019).
7. Pigeaud F. Une question économique et politique. Franc CFA : sortir du statu quo // Humanite. URL: <https://www.humanite.fr/une-question-economique-et-politique-franc-cfa-sortir-du-statu-quo-661448> (дата обращения: 01.05.2019).
8. Le Pen M. Franc CFA inconvenient Afrique // Sputnik France. URL: <https://fr.sputniknews.com/France/20190211039990168-marine-le-Pen-franc-CFA-inconvénient-afrique/> (дата обращения: 14.04.2019).

C.L. Anion

Discussions about Franc CFA in the African political space

The article is devoted to the discussion problems of the use of the CFA franc in the African political space and the analysis of the results of French monetary policy towards African countries.

Key words: CFA Franc, African political space.

Мандат депутата парламента: свободный или императивный?

В статье рассматриваются основные моменты дискуссии по поводу принципов, на которых должны строиться отношения между избирателями и депутатами представительного и законодательного органа государства. Приводятся аргументы «за» и «против» как свободного, так и императивного мандата.

Ключевые слова: депутаты парламента, избиратели, «свободный мандат», «императивный мандат», либеральная демократия, легитимность власти.

Среди оснований законности и легитимности государственной власти важнейшую роль играет идея ее представительности. В борьбе за право представительства рождался и парламентаризм. Согласно либеральному пониманию представительства депутат парламента – это не делегат, защитник и ходатай своих избирателей. Такая трактовка принципов взаимоотношений между избирателями и их представителями, по всей видимости, впервые отчетливо сформулирована Э. Берком в речи перед своими избирателями в 1774 г.: «Парламент – это не собрание послов, представляющих различные и враждебные друг другу интересы, которые каждый из них должен поддерживать в качестве проводника и защитника в борьбе с другими проводниками и защитниками. Парламент – это собрание для обсуждения вопросов одного народа, имеющего один общий интерес» [1. С. 3].

В результате становление парламентаризма в его классических формах связывалось с переходом к «свободному» мандату депутатов. Не будучи единственной, эта точка зрения становится самой признанной не только на Западе, но и среди российских либеральных авторов еще в XIX в. И сегодня определяющее значение имеет «институт профессионального политического опосредования», в котором нашли воплощение две важнейшие идеи либеральной демократии. С одной стороны, это положение, согласно которому ни один человек не вправе управлять другим человеком без согласия последнего. С дру-

гой – довод о том, что поскольку вся совокупность граждан не в состоянии непосредственно участвовать в управлении, их разнообразные интересы могут быть представлены в системе власти особыми уполномоченными, политиками-профессионалами, которым делегированы соответствующие прерогативы и права. Причем представители отвечают за интересы всей общности, включая и меньшинство, не вручавшее им мандата на власть.

Однако в противовес принципу делегирования полномочий, когда депутаты становятся фактически независимыми от избирателей, был сформулирован принцип «повелительного императивного мандата». Реализация этого принципа предполагает, что каждый избиратель является держателем своей доли суверенитета и только эта доля передается избранному депутату. В согласии с такой постановкой проблемы депутат, сохраняя зависимость от избравших его граждан, должен строить работу с обязательным учетом пожеланий и воли своего электората. Сторонники этого принципа исходят из идеи Ж.Ж. Руссо о неделимости народного суверенитета, согласно которой передавать можно только власть, но не суверенитет: «Депутаты народа, следовательно, не являются и не могут являться его представителями; они лишь его уполномоченные» [2. С. 67]. Принцип императивного мандата был воспринят К. Марксом, который, в свою очередь, опирался на опыт Парижской коммуны. Именно в соответствие с учением Маркса о праве народа давать указы своим представителям, в нашей стране до принятия Конституции СССР 1936 г. депутаты Советов всех уровней избирались от трудовых коллективов и, будучи их делегатами, могли быть досрочно отозваны, т.е. действовал принцип императивного мандата. После 1936 г., когда перешли к системе избрания депутатов Советов от территориальных округов, система «наказов избирателей» и право отзыва депутата были сохранены и считались одним из преимуществ «советской демократии». Впрочем, отзыв депутатов имел место крайне редко и осуществлялся не избирателями, а по решению руководящих органов правящих партий. До тех пор пока представительные органы оставались элементом политического декора авторитарного режима, это

никак не сказывалось на их эффективности. В условиях демократизации положение изменилось. Стало ясно, что, лишённые самостоятельности в отношениях с избирателями, парламентарии просто не могут справляться со своими обязанностями.

Многие левые политики и исследователи стран Запада ранее также были сторонниками «императивного мандата». Сегодня ратуют за него только политики-популисты. Являются приверженцами этого принципа и некоторые российские правоведы, и политики (например, С.М. Миронов). Так, Д.А. Ковачев утверждает: «Конституционное закрепление такого свойства избирательного права граждан, как отзыв избранных депутатов высшего представительного органа, означает по существу предоставление возможности избирателям исправить допущенную ими во время выборов ошибку. Это, несомненно, укрепляет демократизм избирательной системы» [3. С. 11]. Однако дело в том, что императивный мандат на практике вовсе не исходит от народа-суверена, содержащиеся в нем указания на деле основываются на интерпретации «народной воли» самими избранниками. Поэтому логически не противоречивая и единая «народная воля» – это не более чем фантазия. Не случайно, обращаясь к иллюстрациям в пользу предпочтительности императивного мандата, мы находим у Ковачева ссылку только на Конституцию Вьетнама – явно не самого демократического государства, к этому можно добавить конституционные положения Венесуэлы, КНДР и Республики Куба.

В России право отзыва депутатов представительных органов государственной власти, органов местного самоуправления предусмотрено в Московской, Псковской, Тверской областях и Алтайском крае. На постсоветском пространстве только законодательства Беларуси и Узбекистана предусматривают возможность отзыва депутата, т.е. содержат признаки императивного мандата.

В то же время конституции многих стран Запада прямо запрещают императивный мандат. Правда, здесь право отзыва депутатов иногда закреплено на местном и региональном уровнях. Так, в США отзыв выборных должностных лиц предусмотрен в зако-

нодательстве 15 штатов, а также федерального округа Колумбия. Однако этот институт применяется очень редко [4. С. 23].

Нельзя забывать, что реализация принципа «ничтожности императивного мандата» и степень автономии представителей от представляемых менялись во времени. Если в XIX в. «представитель обладал свободой мнения и принятия решений», то в XX в. «...представитель более не обладает свободой; частичная независимость правящих претерпела изменения в институциональной структуре представительного правления и стала прерогативой группы, образуемой представителями (то есть парламентской группой) и партийным руководством» [5. С. 265–266]. Сегодня же к избранию приводят довольно размытые и неопределенные обязательства, что также увеличивает «пространство свободы» депутатов парламента.

Литература

1. Орнстин Н. Роль законодательных органов в демократическом обществе. М.: Издание НДИ, 1994. 230 с.
2. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.
3. Институты конституционного права иностранных государств / отв. ред. Д.А. Ковачев. М.: Городец-издат, 2002. 496 с.
4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. М.: Бек, 1996. Т. 2. 757 с.
5. Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2008. 322 с.

V.A. Achkasov

The parliamentary mandate: free or imperative?

The article deals with the main points of the discussion about the principles on which the relations between electorate and deputies of representative and legislative governmental bodies should be built. The arguments 'for' and 'against' both free and imperative parliamentary mandates are provided.

Keywords: parliamentary deputies, electorate, free parliamentary mandate, imperative parliamentary mandate, liberal democracy, legitimacy.

А.М. Барсуков

**Протестные сообщества в городах Сибири:
политологическое измерение¹**

Статья посвящена теоретико-методологическим проблемам исследования протестов в городах Сибири. Показано, как и каким образом, протестные сообщества формируют повестку. Проведен анализ причин роста протестной активности в городах Сибири.

Ключевые слова: протест, локальная политика, региональные и локальные политические режимы.

В условиях социально-экономических и политико-институциональных изменений рост активности протестных сообществ в современной России многими исследователями рассматривается через призму анализа факторов радикализации протестов в поле политики [1. С. 144–157]. Российский исследователь Н. Розов отмечает, что в России произошло наслаение трех кризисов: глобальный экономический, кризис базовых институтов и социально-политический с массовыми протестами [2. С. 41]. Протесты 2011–2012 гг. актуализировали необходимость изучения протестного потенциала в регионах и городах Сибири с учетом изменения параметров протестной активности и возрастания роли символических акций [3. С. 66]. Опираясь на теории региональных и городских режимов, были поставлены задачи по изучению мотивов и причин участия в протестных сообществах в сибирских городах: Новосибирске, Томске, Кемерово и Барнауле. Город в некотором смысле, по мнению Н.Г. Щербининой, является символическим конструктом, в котором возрастает потребность в коммуникации и символическом обмене [4. С. 41–52]. Количественные и качественные методы позволили провести в 2018 г. пилотажное исследование и сформулировать проблемы методологического характера и обозначить перспективы исследования.

¹ Исследование проводится в рамках поддержанного РФФИ проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18-011-0866.

Гипотеза о том, что основой протестного движения в городах выступают активисты, сосредоточенные на решении локальных территориальных проблем, пока не нашла своего подтверждения. В основе протеста – протестные объединения с федеральной повесткой (пенсионная реформа, доступ к участию в выборах, коррупция). Активисты регулярно проводят свои публичные мероприятия, привлекают внимание средств массовой информации и участников, дают возможность для выдвижения своих требований представителям объединений с неполитической повесткой дня: автомобилистам, экологам, противникам той или иной застройки, обманутым дольщикам и т.д. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется в крупных городах.

По итогам первого года исследования городов Сибири мы выяснили существенные различия в формировании и функционировании протестных сообществ. Однако по итогам полевых исследований можно говорить о том, что предполагаемые нами ключевые характеристики городов (мегаполис, научно-образовательный центр, промышленный и аграрный город) не оказывают существенного влияния на организацию коллективных действий. Скорее можно говорить о комплексах локальных проблем, стимулирующих протестную активность населения.

Тем не менее можно отметить рост протестных настроений, что проявляется в увеличении числа митингов, количества митингующих, числе задержанных, в результатах различных электоральных мероприятий по формированию органов власти. В то же время российские исследователи отмечают тенденцию к локализации протестов [5, 6].

Стимулом для организации протестного мероприятия чаще всего выступают действия конкретных экономических или политических субъектов. Однако эти действия в свою очередь являются решением некоторого комплекса проблем, существующих на разных уровнях пространства соединения локальных, региональных, национальных и глобальных процессов.

Таким образом, промежуточные итоги изучения протестных сообществ в городах Сибири позволили сделать вывод о том, что существует социальный запрос на решение проблем развития го-

родов и регионов, но на уровне местного самоуправления локальные режимы зачастую стремятся к централизации в решении проблем социальных протестов, что зачастую влияет на структуру и эволюцию локальных режимов [7].

Литература

1. Костюшев В.В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 144–157.
2. Розов Н.Н. Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 34–46.
3. Солодников В.В. Потенциал социальных протестов в современной России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 63–71.
4. Щербинина Н.Г. Образ города как символический конструкт // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 41–52.
5. Орлов Д., Салаватова А. Эффект масштаба: как локальный протест в России обретает новое качество // Региональная политика–2018: сборник статей и аналитических докладов. М.: Грифон, 2018. С. 247–251.
6. Нейжмаков М. Локальный протест-2018: структура, вызовы, реакция властей // Региональная политика-2018: сборник статей и аналитических докладов. М.: Грифон, 2018. С. 251–257.
7. Чирикова А.Е., Ледеяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 414 с.

Barsukov A.M.

Protest communities in Siberian cities: political dimension

The article is devoted to theoretical and methodological problems of investigating protests in the cities of Siberia. It shows how protest communities shape the agenda. Research was undertaken on causes of the growth of protest activity in the cities of Siberia.

Keywords: protest, local policy, regional and local regimes.

О.В. Бахлова, Л.А. Зайцева

**Государственное Собрание Республики Мордовия:
содействие региональному развитию¹**

Исследуется роль Государственного Собрания Республики Мордовия в сфере содействия развитию региона. Обосновывается необходимость ее усиления. Выделяются главные направления деятельности регионального парламента.

Ключевые слова: Государственное Собрание, пространственное развитие, Республика Мордовия.

Залог сбалансированного развития территорий и страны – конструктивное взаимодействие институтов федерального и регионального уровней с учетом особенностей регионов, местных сообществ, их потенциала, этнокультурных параметров. Совершенствование системы управления, создание «точек роста» обусловливают сопряжение усилий субъектов в разных областях, действующих в установленных рамках. Принципиальное значение в их формировании и корректировке имеют представительные (законодательные) органы. Сложная форма устройства и асимметричность Российской Федерации при рассмотрении проблемных вопросов побуждают обратить пристальное внимание на уровень ее субъектов. Объективно актуализируется роль региональных парламента, которые должны, соответствуя требованиям федерального права, находить законодательные решения, адекватные потребностям и возможностям своих регионов. Несмотря на ограничители политического и иного плана (доминирование «исполнительной вертикали», персонификацию губернаторской власти и пр.), они располагают инструментарием, позволяющим добиваться как минимум продвижения к успеху. Не исключение – Государственное Собрание Республики Мордовия (РМ) – дотационного региона, не обладающего солидной

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

ресурсной базой, но демонстрирующего стремление к обновлению и созиданию.

Институт парламентаризма в Мордовии эволюционировал в непростой обстановке. Каждый созыв Госсовета реагировал на серьезные вызовы. Так, задача преодолеть экономический кризис и обеспечить внутреннее пространственное развитие способствовала реализации реформы межбюджетных отношений, ориентированной на увеличение самодостаточности сельских и поселковых администраций. Республиканский опыт использовался при разработке общероссийской муниципальной реформы.

Прорывом в создании законодательных условий для регионального развития можно считать принятие Государственным Советом РМ четвертого созыва ряда актов (например, Закона Республики Мордовия от 26 мая 2010 г. «О государственной поддержке сельского хозяйства в Республике Мордовия») [1]. Инновационное развитие республики коррелируется с деятельностью технопарка [2].

Следует выделить Закон Республики Мордовия от 1 октября 2008 г. «О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года». Миссией Стратегии признано формирование инновационно-технологического узла межрегионального электротехнического кластера. Внесенные в 2017 г. изменения акцентировали необходимость преодоления территориальных диспропорций [3]. В республике располагается 6 монопрофильных населенных пунктов, включенных в Перечень монопрофильных муниципальных образований РФ. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. здесь возможно образование территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Первым моногородом, получившим такой статус, стала Рузаевка.

Таким образом, в республике заложены правовые основы территориального развития. Можно утверждать, что в целом региональный парламентаризм состоялся как институт политической системы, выполняющий позитивные функции. Сейчас важнейшей задачей для законодателей выступает реализация

Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» [4]. Участие Мордовии в приоритетных федеральных проектах на перспективу предполагает повышение качества законодательного сопровождения.

Литература

1. О государственной поддержке сельского хозяйства в Республике Мордовия: Закон Республики Мордовия от 26.05.2009 г. № 41-3 // Консультант-Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW314&n=18980#0055932665879957044> (дата обращения: 30.03.2019).

2. О технопарке в сфере высоких технологий в Республике Мордовия: Закон Республики Мордовия от 24.08.2011 г. № 43-3 (с изм. и доп.) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/8964915/> (дата обращения: 30.03.2019).

3. О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года: Закон Республики Мордовия от 01.10.2008 г. № 94-3 (в ред. от 19.06.2017 г. № 46-3) // Консорциум Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819073683> (дата обращения: 30.03.2019).

4. Послание Главы Республики Мордовия В.Д. Волкова Государственному собранию Республики Мордовия от 27.03.2019 г. // Государственное Собрание Республики Мордовия. URL: <http://gsrm.ru/upload/medialibrary/def/def8c025223f95b408f3d4745d2fa2bf.docx> (дата обращения: 30.03.2019).

O.V. Bakhlova, L.A. Zaytseva

State Assembly of the Republic of Mordovia: the promotion of regional development

The role of the State Assembly of the Republic of Mordovia in promoting the development of the region is studied. The necessity of its strengthening is substantiated. The main activities of the regional Parliament are highlighted.

Keywords: State Assembly, spatial development, Republic of Mordovia.

Д.В. Березняков, С.В. Козлов

Верховная Рада Украины: «сильный» парламент в условиях «слабого» государства

В статье рассматривается роль Верховной Рады Украины в институциональном дизайне современного украинского государства. Авторы приходят к выводу, что в условиях радикального ослабления институт государства как автономного и дееспособного актора парламент выступает пространством институализированного торга различных олигархических групп.

Ключевые слова: Украина, Верховная Рада Украины, «слабое» государство, автономность и дееспособность государства, олигархи.

Прошедшая с момента распада Советского Союза четверть века политического развития отчетливо демонстрирует стабилизацию устойчивых траекторий развития постсоветских политических режимов. В этой связи можно выделить определенные институциональные факторы, которые задают эту устойчивость в каждом конкретном случае. В этой связи роль парламента в институциональном дизайне постсоветских режимов, с нашей точки зрения, является важным маркером, позволяющим не только осуществлять межстрановые сравнения, но и прогнозировать логику дальнейшего развития в кратко- и среднесрочной перспективе.

Если в большинстве постсоветских государств парламенты, как правило, являются подчиненными и находятся в сильной зависимости от президентской власти, то украинский случай демонстрирует нам пример иного рода. По сути, Верховная Рада Украины является пространством институализированного торга различных олигархических групп, которые не заинтересованы в наличии сильной президентской власти. Такая ситуация складывается на рубеже 1990–2000-х гг., когда на региональном уровне формируются финансово-промышленные группы, которые в дальнейшем предпринимают попытки распространить свое влияние на всю территорию страны, прежде всего, через получение доступа к рычагам принятия решений, основными среди которых являются институт президентства и парламент.

В сложившейся конфигурации сил политические партии стали выступать не в качестве части гражданского общества, отражающей интересы разных его сегментов, а как «политические машины, выстроенные вокруг бизнес-структур или лидеров» [1. С. 73]. Усилившись, олигархические кланы вступили в борьбу за «захват государства», поскольку сложившийся к концу 90-х гг. консолидированный неопатримониальный режим Л. Кучмы рассматривался ими как ключевой сдерживающий фактор реализации их групповых интересов. В этой перспективе «оранжевая революция» может быть рассмотрена как победа коалиции ряда олигархических групп второго порядка, изменившая модель неопатримониального господства.

По сути, речь идет о том, что эта победа ФПГ явилась ярким свидетельством радикального ослабления института государства, которая предполагала частичную утрату им *автономности* и *дееспособности*. Эти понятия были введены в науку в рамках неовеберинской исследовательской парадигмы Т. Скочпол (см.: [2]). Автономность предполагает способность государства формулировать собственные интересы даже вопреки воли различных социальных групп. Дееспособность определяется как способность государства осуществлять стратегические решения по достижению своих целей в обществе. В рамках подобного подхода логично делить государства на «сильные» (те, которые способны реализовывать национально-государственные интересы) и «слабые» (не способные действовать независимо).

Именно «сильный президент» был единственным, по сути, гарантом соблюдения существующих «правил игры», которые навязывались всем акторам. В его отсутствие ведущие игроки сделали ставку на максимизацию собственного присутствия на политическом и экономическом полях с использованием в числе прочего и неконвенциональных стратегий¹.

¹ Наиболее яркими примерами подобных действий являются неконституционный роспуск Верховной Рады В. Ющенко в апреле 2007 г., политически мотивированное судебное преследование Ю. Тимошенко и Ю. Луценко, а также использование оппозицией вооруженного мятежа для свержения В. Януковича в феврале 2014 г.

Таким образом, территориально фиксированные олигархические группы осуществили «захват государства» через захват парламента, который в сложившейся системе стал выполнять стабилизирующую функцию реализации их интересов. Попытки 4-го и 5-го президентов Украины В. Януковича и П. Порошенко усилить собственную власть натолкнулись на сопротивление олигархических групп, использовавших парламент для блокирования стремления названных президентов вернуть себе роль ключевого вето-игрока.

Таким образом, «сила» украинского парламента состоит в том, что он консервирует устойчивые расколы, не позволяя выработать и осуществлять политику, направленную на централизацию страны и формирование единой политической культуры.

Литература

1. Гарань А. Украина: плюрализм «по умолчанию», революция, термидор // Pro et Contra. 2011. Т. 15, № 3/4. С. 62–77.

2. Skocpol T. Bringing the State Back in: Strategies of Analysis in Current Research // Bringing the State Back in / P. Evans et al (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 3–37.

D.V. Bereznyakov, S.V. Kozlov

The Verkhovna Rada of Ukraine: “strong” parliament in “weak” state

The article considers the role of the Verkhovna Rada of Ukraine in the institutional design of the modern Ukrainian state. The authors come to the conclusion that in the conditions of radical weakening of the institution of the state as an autonomous and capable actor, the Parliament acts as a space of institutionalized bargaining of various oligarchic groups.

Keywords: Ukraine, the Verkhovna Rada of Ukraine, “weak” state, state autonomy and state capacity, oligarch.

Партийные аспекты генезиса региональной политической элиты: пример коммунальных выборов в Трнаве (Словакия)

Рассмотрены институциональные особенности формирования местной политической элиты с учетом партийной конъюнктуры в регионе. На примере коммунальных выборов в Трнаве (западная Словакия) определяется незначительная ротация элит, монопартийность и культивирование института независимых кандидатов.

Ключевые слова: региональный парламентаризм, политико-партийное структурирование, западная Словакия.

Интенсивное развитие местного парламентаризма в постсоциалистической стране традиционно следует считать институциональным признаком высокого уровня эффективности местной демократии. В этом контексте рассмотрим политико-партийные ориентации местного электората по результатам коммунальных и парламентских выборов в западнословацком г. Трнава последних пяти избирательных кампаний (общая хронология: 2002–2018 гг.).

Уровень электорального участия может свидетельствовать о заинтересованности общественности в процедуре формирования управленческой элиты. Дифференциация в явке избирателей на местных и национальных выборах временами различается почти вдвое в пользу парламентских выборов (показатели Трнавского района с центром в г. Трнава: парламентские выборы 2012 г. и коммунальные выборы 2014 г.); минимальный разрыв колеблется в районе 20% (2006 г.) [1].

Для постсоциалистической Словакии в первые 15–17 лет независимости партийная система развивалась с признаками плюрализма, формируя для избирателя альтернативу в идеологическом выборе. Но с 2010 г. в политическом пространстве Трнавы апробируется *электоральная практика «независимых кандидатов»*. Дело в том, что на следующих выборах 2014 (почти половина общих депутатских мест – 48,8%) и 2018 гг. (90,32%) неза-

висимые кандидаты занимают лидерскую позицию. По сути, сформировался «феномен независимых кандидатов», который, с наших позиций, наделен двойственной политической природой. С одной стороны, департизация регионального политического пространства свидетельствует о близкой связи электората с местными кандидатами, не обремененными партийным контролем. В то же время высокий уровень недоверия общественности к партийным структурам несет в себе потенциальные угрозы – как популистское культивирование политической незаангажированности, так и реальное ослабление контрольных функций общественности за деятельностью региональных элит [2. Р. 59].

Выберем три институциональные особенности, которые характеризуют политико-партийный генезис региональной политической элиты.

1. *Монопартийность на местном уровне.* Фактически каждые коммунальные выборы фиксируют доминирование одной политической силы в составе городского собрания Трнавы. Особенно показательные результаты в 2002 г. с 96,7% депутатских мест у христианских демократов, а на последних выборах 2018 г. – 90,32% мандатов получили независимые кандидаты. В сравнении с местным уровнем разнятся результаты национальных парламентских выборов. В основном электоральная поддержка распределяется между тремя партийными субъектами, а максимальный результат в 2010 г. зафиксирован у социал-демократов SMER-SD – 34,59%.

2. *Дифференциация в политико-идеологических источниках политической элиты.* На протяжении 2002–2014 гг. местное собрание Трнавы сформировано в основном представителями правоцентристов (KDH, SDKÚ-DS), начиная с 2014 г. и в наши дни доминируют независимые депутаты. Диаметральные противоположные предпочтения местного электората на парламентских выборах: в ходе четырех избирательных кампаний (2006–2016 гг.) победу празднуют левоцентристы SMER-SD; только на выборах 2002 г. первыми оказались христианские консерваторы SDKÚ-DS.

3. *Незначительная ротация высшего управленческого слоя местной элиты.* Общая неизменность политических симпатий

электората Трнавы прослеживается в избрании мэра города. По партийной принадлежности в последние 17 лет у пяти глав города три репрезентируют христианских демократов KDH, а два последних мэра были избраны из числа независимых кандидатов. Также слабая ротация на посту мэра заметна в контексте традиции пролонгации каденции на второй срок: в 2002–2010 гг. полномочия мэра дважды подряд исполнял Штефан Божнак (партийные коалиции на базе KDH); в 2014 и 2018 гг. на пост мэра дважды избирался Петер Брочка (независимый кандидат).

Таким образом, влияние партийного фактора на формат местной политической элиты в Трнаве минимизируется, особенно в последние две избирательные кампании 2014 и 2018 гг. Политико-идеологическую основу региональной политической элиты составляют независимые кандидаты, что, в свою очередь, ставит перед словацкой партийной системой новые вызовы в уровне политической легитимности.

Литература

1. Volby a referendá. Štatistický úrad Slovenskej republiky // Statistický úrad Slovenskej republiky. URL: <http://volby.statistics.sk/> (дата обращения: 15.03.2019).
2. Martinkovič M. Phenomenon of independent candidates in the regional elections in Slovakia from 2001 to 2017 // Politicus. 2018. № 2. P. 55–60.

Y.I. Haydanka

Party Aspects of the Regional Political Elites Evolution (on the example of local elections in Trnava (Slovakia))

The article elucidates institutional peculiarities of local political elites establishment from the perspective of the local party environment. Taking into account the local elections results in Trnava (western Slovakia), the author observes a slight political elites rotation, mono party system and cultivation of the independent candidate concept.

Keywords: regional parliamentarism, political and party configuration, western Slovakia.

С.С. Гамигов

Азербайджанский парламентаризм: историческая основа парламентской культуры

В статье описана история парламентаризма Азербайджанской Демократической Республики, которая являлась исторической основой создания парламентской культуры в современном Азербайджане. Изучение демократического принципа построения власти в республике, созданной в 1918 г., является важным аспектом в понимании исторического становления общества и власти в Азербайджане.

Ключевые слова: история парламентаризма, парламентская культура, международный парламентаризм, азербайджанский парламентаризм.

На сегодняшний день история азербайджанского парламентаризма насчитывает 100-летний опыт, а провозглашение Азербайджанской Демократической Республики 28 мая 1918 г. имеет исключительное историческое значение для молодого государства в лице современного Азербайджана.

В мае 2019 г. будет отмечаться 101-летие Азербайджанской Демократической Республики, первой парламентской республики исламского мира. Провозглашение Азербайджанской Демократической Республики в 1918 г. стало началом одного из самых запоминающихся периодов истории азербайджанской государственности. В то время шаги, предпринятые в сфере демократического государственного строительства, образования, культуры и экономики, были одним из основных направлений деятельности молодой республики. Следует отметить, что парламентская культура на мусульманском Востоке началась с Азербайджанской Демократической Республики, где впервые на Востоке женщины получили право голосовать. Таким образом, Азербайджанская Демократическая Республика стала первой мусульманской страной, строящей государственность на светской основе [1. С. 145].

После провозглашения республики 28 мая 1918 г. с принятием Декларации независимости Национальным советом Азербайджана одной из главных задач в области государственного стро-

ительства были создание государственных структур и нормальное функционирование государственного аппарата [2]. В короткие сроки были созданы высшие органы власти Азербайджанской Демократической Республики, и одним из важных шагов, предпринятых в этом направлении, стало создание парламента.

Парламент Азербайджана начал свою деятельность с 7 декабря 1918 г. и был высшим органом национального и партийного представительства. С созданием парламента началось осуществление парламентаризма и разделения властей, которые являлись основными принципами верховенства закона в республике. Парламент функционировал как многопартийная система. Деятельность парламента и его органов регулировалась «Наказом» (руководством), принятым 17 марта 1919 г. Наказ, действующий в качестве Устава парламента, предусматривал организацию работы законодательного органа, рассмотрение повседневных вопросов, правила работы комиссий и т.д.

Высшим исполнительным органом Азербайджанской Демократической Республики было правительство (Совет министров), сформированное и подотчетное парламента. Создание правительства зависело от межпартийных отношений в стране и отражало соотношение политических сил в парламенте. Поскольку ни одна партия в парламенте не имела абсолютного большинства, правительство было сформировано на основе коалиции с участием большинства партий. Система была построена таким образом: председатель парламента выдвигал кандидатуру премьер-министра, и если тот выигрывал выборы, набрав большинство голосов, то утверждался на пост премьер-министра, а при недоверии парламента правительство уходило в отставку; согласно закону «О депутатах парламента» член парламента, который не присутствовал в парламенте в течение месяца или около того, не отчитывался перед парламентом, должен был быть лишен членства в парламенте.

Одним из важнейших принципов правового государства является отделение исполнительной власти от законодательной. Во времена Азербайджанской Демократической Республики были предприняты конкретные шаги для соблюдения такого

важного принципа демократического управления. С этой точки зрения было предусмотрено положение о том, что государственные служащие не имели право быть одновременно членами парламента.

Важным принципом и показателем построения демократического общества в Азербайджане была отмена в соответствии законодательством республики цензуры СМИ, что означало полное соблюдение прав и свобод человека, которая регламентировалась Хартией прессы, принятой 30 октября 1919 г.

В политической системе Азербайджана были партии и организации, представляющие все идеологические взгляды того периода (либеральные, социалистические, националистические, центристские). Эти партии и организации также действовали в направлении интересов и идеологии своих партий и групп.

В Республике были предприняты значительные шаги с точки зрения обеспечения национальных и политических прав граждан. И эти прогрессивные шаги являлись не результатом какого-либо внешнего давления и диктатуры, международных и геополитических условий, а результатом воли парламента Азербайджана. Следует иметь в виду, что эта политика проводилась в то время, когда не было международных прав и свобод человека, прав национальных и религиозных меньшинств, а также влиятельных норм и документов статутного права. В Республике было создано полиэтничное и многоконфессиональное общество в рамках единого государства. Власть республики сохранила существующую религиозную и этническую стабильность в стране и создала современные стандарты мультикультурализма, что является основой для политики современного Азербайджана, где 2016 г. был объявлен годом «мультикультурализма» [3].

Одним из наиболее важных аспектов, на который следует обратить особое внимание, это то, что Декларация независимости закрепила право всех граждан на равенство, вне зависимости от пола или гражданской и национальной принадлежности. В целом проводимая Азербайджанской Республикой линия по обеспечению гендерного равенства продемонстрировала приверженность Азербайджана общечеловеческим ценностям. Азер-

байджанская Демократическая Республика с первых дней своего существования, опираясь на принципы народной власти и равенства людей, обеспечивала одинаковые права всем гражданам страны, устраняла расу, национальность, религию и классовое неравенство. Законы, принятые в течение года парламентом республики, позволили укрепить независимость национального государства, быстро продвинуться в политическом и экономическом развитии.

Изучение истории парламентаризма в Азербайджане является важным аспектом, так как, обретя независимость в 1991 г., Азербайджанская Республика провозгласила приверженность ценностям и традициям Азербайджанской Демократической Республики, объявив себя политическим наследником Народно-го фронта, что является важным аспектом и основой в создании и развитии молодого государства в лице современной Азербайджанской Республики.

Литература

1. Гасанлы Д. Азербайджан на перекрестке эпох: первая попытка интеграции в свободный мир (1917–1920) // Кавказ и глобализация. 2009. № 3 (4). С. 140–161.

2. Акт о независимости Азербайджана от 28 мая 1918 года // Azerbaijan. URL: <http://www.azerbaijan.az/portal/History/HistDocs/Documents/ru/04.pdf> (дата обращения: 31.03.2019).

3. Жериборов Д.С. Концепция мультикультурализма в современной политике Азербайджана // Научный диалог. 2017. № 7. С. 95–102.

S.S. Hamidov

Azerbaijani parliamentarianism: historical basis of parliamentary culture

In the article the author discusses the history of parliamentarism of the Azerbaijan Democratic Republic, which was the historical basis for the creation of parliamentary culture in modern Azerbaijan. Study of the democratic principle of building power in the Azerbaijan Republic, established in 1918, is an important aspect in understanding the historical formation of the society and the authorities in the Republic of Azerbaijan.

Key words: history of parliamentarism, parliamentary culture, international parliamentarism, Azerbaijani parliamentarism.

А.В. Голдовская

Роль представительных органов власти в процессе реализации государственной программы «Доступная среда» (на примере Томской области)

Анализируется реализация государственной программы «Доступная среда» в Томской области. Оценивается вклад органов власти в реализацию программы и поиск путей повышения эффективности исполнения принятых решений.

Ключевые слова: инвалид, доступная среда, парламент.

На сегодняшний день вопрос создания доступной среды для людей с инвалидностью является крайне актуальным. Значительные изменения в отношении инвалидов в нашей стране связаны с ратификацией Конвенции о правах инвалидов в 2012 г. [1]. Ратификация данного документа свидетельствует о принятии страной обязательств по его реализации, а именно «...обеспечение полного участия лиц с ограниченными возможностями здоровья в гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни общества, ликвидацию дискриминации по признаку инвалидности...» [2].

Одним из ключевых инструментов в реализации Конвенции на территории РФ является Государственная программа «Доступная среда». В 2011 г. данная госпрограмма была разработана и утверждена на срок с 2011 по 2015 г. [3], но по истечении 5 лет была продлена до 2020 г. [4]. И в конечном итоге Президент РФ поручил продлить программу минимум до 2025 г. [5]. По словам В.В. Путина, за годы реализации госпрограммы «Доступная среда» удалось создать безбарьерную среду, однако позитивных сдвигов в этой сфере пока недостаточно.

Необходимо отметить, что данная федеральная программа имеет соответствующий региональный вариант со своей спецификой. Так, в 2013 г. Администрацией Томской области (ТО) было принято постановление «Об утверждении государственной программы ТО «Доступная среда на 2014–2016 годы» [6]. Одна-

ко в 2014 г. данное постановление утратило силу в связи с принятием Постановления «Об утверждении государственной программы «Социальная поддержка населения Томской области», в состав которой вошла «Доступная среда» уже в качестве подпрограммы [7].

В Томской области программа «Доступная среда» направлена на создание условий для беспрепятственного доступа людей с инвалидностью и других маломобильных групп населения к приоритетным объектам и услугам. Ответственным исполнителем выступает Департамент социальной защиты населения ТО. Однако не только исполнительные органы участвуют в создании безбарьерной среды для инвалидов в Томской области, но также и депутаты Думы участвуют в принятии решений в ходе реализации программы. В первую очередь представители парламента решают вопросы по финансированию программы. Так, на сегодняшний день 70% средств по программе «Доступная среда» выделяется из бюджета области [8]. С 2014 г. на эти цели бюджеты всех уровней предусматривали 320 млн рублей, что свидетельствует о высокой заинтересованности власти в решении проблемы недоступности среды. Также на это указывают их дальнейшие планы по реализации программы, а именно в апреле 2019 г. было принято решение о направлении 15 млн рублей на реабилитацию детей-инвалидов [9].

Помимо финансовых вопросов депутаты ставят перед собой задачу по разработке дальнейших перспектив развития программы, а также принимают участие в выборе наиболее эффективных методов достижения поставленной цели. Так, в 2018 г. депутаты Думы рекомендовали мэрии учитывать мнение инвалидов при создании доступной среды в городе. Этот вопрос обсудили на заседании комитета по социальным вопросам городской Думы [10].

Таким образом, в процессе реализации федеральной программы «Доступная среда» удалось добиться значительных результатов. Безбарьерная среда появилась на 105 приоритетных для инвалидов объектах, в их числе социальные центры, больницы, учреждения культуры, транспорт [11]. Однако, несмотря

на то, что повсеместно устанавливаются пандусы, реконструируются здания, учреждения, транспортные средства, прилегающие территории, детские площадки, тротуары, переходы улиц и многое другое, зачастую не устанавливается контроль за качеством проектной документации на строительство и реконструкцию зданий и сооружений. В связи с этим некоторые средства доступной среды становятся непригодными для использования. Одной из наиболее острых проблем является транспортная недоступность. Так, в начале 2019 г. Агентство новостей ТВ2 провело эксперимент «Дождись низкопольного автобуса», который не увенчался успехом, в связи с тем что подобный транспорт так и не удалось дождаться [12].

Таким образом, хотелось бы чтобы представители депутатского корпуса брали на свой личный контроль реализацию подобных проектов, дабы избежать несоответствия результатов деятельности, прописанных на бумаге и реальной ситуации, а также неэффективного расходования бюджетных средств.

Литература

1. О ратификации Конвенции о правах инвалидов: Федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ // Университет ИМТО. URL: <http://edu.ifmo.ru/file/pages/207/konvenciyaroinvalidam.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

2. Конвенция о правах инвалидов // Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге. URL: http://ombudsmanspb.ru/files/files/OON_02_site.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

3. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2015 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 17.03.2011 № 175 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2011/03/28/dostupnaya-sreda-site-dok.html> (дата обращения: 20.03.2019).

4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы: Постановление Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189921/ (дата обращения: 20.03.2019).

5. Путин обещал продлить «Доступную среду» до 2025 года // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/12/05/putin-obeshchal-prodlit-dostupnuiu-sredu-do-2025-goda.html> (дата обращения: 20.03.2019).

6. Об утверждении государственной программы Томской области «Доступная среда» на 2014–2016 годы: Постановление Администрации Томской области от 24.12.2013 № 563а // Консорциум Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467911280> (дата обращения: 31.03.2019).

7. Об утверждении государственной программы «Социальная поддержка населения Томской области на 2015–2020 годы»: Постановление Администрации Томской области от 01.12.2014 № 447а. // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=174115816&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 01.04.2019).

8. «Дума Томска: создавать доступную среду нужно совместно с инвалидами» // Городской портал Томск.Ру. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467911280> (дата обращения: 31.03.2019).

9. Томская область в 2019 году направит 15 млн рублей на реабилитацию детей-инвалидов // Сетевое издание «Интерфакс-Россия». URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/news.asp?id=1018641&p=1> (дата обращения: 01.04.2019).

10. Доступная среда // Администрация Томской области. URL: <http://family.tomsk.gov.ru/ru/departament/podvedomstvennyye-uchrezhdeniya/ogksu-dlya-umstvenno-otstalyh-detey-tungusovskiy-detskiy-dom-internat-> (дата обращения: 08.03.2019).

11. В 2018 году Томская область потратит на «Доступную среду» 17 миллионов рублей // Департамент социальной защиты населения Томской области. URL: <https://dszn.tomsk.gov.ru/news/front/view/id/26448> (дата обращения: 08.03.2019).

12. Эксперимент «Дождись низкопольного автобуса» провалился // Агентство новостей ТВ2. URL: <http://tv2.today/Istorii/Eksperiment-dozhdis-nizkopolnogo-avtobusa--provalilsya> (дата обращения: 08.03.2019).

A.V. Goldovskaya

The role of representative authorities in the implementation of the state program "Accessibility" (on the example of the Tomsk region)

The implementation of the state program "Accessibility" in the Tomsk region is analyzed. The contribution of the authorities to the implementation of the program is assessed. The ways to improve the efficiency of execution of decisions are sought.

Key words: disabled, accessibility, parliament.

Проблемы парламентаризма и пенсионная реформа 2018 г.

В статье анализируются причины общественной критики власти на основе рассмотрения деятельности парламентариев; показаны результаты исследования наиболее резонансных законов – пакета Яровой и закона о повышении пенсионного возраста.

Ключевые слова: парламентская деятельность, критерии эффективности, общественная критика.

Согласно утверждению П.С. Шараева и А.И. Щербинина «место и роль парламента в системе государственной власти, его характер представительства, профессиональность и, в конечном счете, ответственность парламентария перед электоратом во многом зависят от тех, кто выбирает» [1. С. 196–205].

На данный момент имеется избранная населением Российской Федерации в 2016 г. Государственная Дума, состоящая из 450 депутатов. Несмотря на то что Государственная Дума была избрана гражданами, доверие к ней не высокое. От того, как реализуются интересы избирателей, зависит доверие к органу государственной власти и к депутатам. В 2017 г. процент доверия граждан Государственной Думе составлял 33%, в 2018 – 23% (см.: [2]). Данный показатель свидетельствует о низком доверии граждан к органам законодательной власти – одной из проблем парламентаризма в современной России.

Критериями эффективности парламентской деятельности [3. С. 268–269] являются:

- интересы граждан, доминирующее положение среди которых занимают интересы самой большой группы населения – трудящихся, источника могущества и процветания государства;
- экономические возможности удовлетворения интересов: экономическое обеспечение социальной сферы, культуры;
- правовые гарантии и санкции реализации: обеспечение потребностей, гарантированное нормативными актами; административная ответственность государственных служащих за неисполнение обязанностей;

– исторический опыт борьбы трудящихся за свои интересы: чем чаще органами власти поднимается тот или иной острый вопрос, тем более возмущены граждане, так как складывается мнение, что их позиция не учитывается;

– патриотическое единство общества в борьбе за свои интересы: объединяющие народ ценности, недопущение чуждых нравственных принципов и норм.

С. Магнуссон выделяет следующие критерии эффективности закона [4. С. 67–74]:

– опубликован не только в официальных изданиях, но и в наиболее читаемых гражданами;

– написан так, чтобы граждане без затруднений могли прочитать и понять;

– не противоречит общественным стандартам, т.е. должен быть принят обществом.

Помимо вышеуказанных критериев эффективности парламентской деятельности будут использоваться следующие: информирование о рассмотрении законопроекта, персонализация законопроекта.

Для выявления универсальных причин и указания способов решения проблемы недоверия граждан органам власти были рассмотрены следующие законы: антитеррористический «пакет Яровой» (2016) и закон о повышении пенсионного возраста (2018) как наиболее критикуемые.

На основании проведенного исследования сделан вывод, что «пакет Яровой» и закон о повышении пенсионного возраста совпадают по ряду признаков, вызывающих общественную критику:

1. Экономические возможности реализации интересов: последствием принятия обоих законов граждане увидели потерю собственных средств, противоречащую личным интересам.

2. Наличие правовых гарантий и санкций реализации в законодательстве, а точнее, их отсутствие.

3. Публикация в наиболее читаемых изданиях, понятность текста закона. Это дает возможность гражданам разобраться в условиях и механизмах реализации законов.

4. Единство народа в борьбе за свои интересы: против обоих законов проходили массовые выступления, объединившие граждан.

5. Противоречие закона общественным стандартам: оба закона, по мнению граждан России, ущемляют их права, в них видят угрозу собственным интересам.

6. Персонализация: рассмотренные законы ассоциируются с конкретными личностями, что дает возможность предположить дальнейшую наиболее сильную критику законопроектов тех же инициаторов.

Литература

1. Шараев П.С., Щербинин А.И. Некоторые проблемы парламентаризма в современной России // Парламентаризм в России: курс лекций. Томск, 2007. С. 196–205.

2. Институциональное доверие от 04.10.2018 // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru> (дата обращения: 10.12.2018).

3. Романов Р.М. Российский парламентаризм. История и современность. М.: Союз, 2000. 331 с.

4. Оценка законов и эффективности их принятия: материалы междунар. семинара (г. Рязань, 16–17 декабря 2002 года) / отв. ред. Г.П. Ивлиев, Я.В. Ильина. М.: Издание Государственной Думы, 2003. 152 с.

D.I. Gurevich

Problems of parliamentarism and pension reform 2018

The article analyzes reasons of public criticism of the authorities on the basis of a research of parliamentarians' activities. The article reflects results of the research of the most resonant laws: the Yarovaya's package and the law on raising the retirement age.

Keywords: parliamentary activity, performance criteria, public opinion.

Е.Н. Гусарская, С.Н. Кошкина

**Внедрение методологии мониторинга правового поля
как системы оценки, анализа и прогноза динамики
законодательства и практики его применения**

Анализ концептуальной проблематики трансформации контрольно-надзорной деятельности по совершенствованию правового регулирования в сфере государственного и муниципального контроля показал роль депутатских проверок (мониторинга) причин, влияющих на эффективность реализации законов для их информента.

Ключевые слова: парламентаризм, инновации, анализ правоприменения, мониторинг.

Особое значение на современном этапе развития общественно-политической сферы приобретает информационно-аналитическое обеспечение процесса законотворчества в регионе, так как эти подготавливающие и принимающие законодательные акты парламенты – серьезная политическая сила, способствующая реализации мероприятий государственных антикризисных программ. Усложнение общественных процессов сейчас происходит с возросшей скоростью, а экономический рост требует инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. И задача парламента – создать отвечающую требованиям времени систему законодательных актов, способствующих инновациям (нововведениям). Авторами рекомендуется методология мониторинга правового поля как системы оценки, анализа и прогноза состояния и динамики законодательства и практики его применения с целью выявления их соответствия ожидаемому результату правового регулирования.

Для обеспечения качества законов важен и необходим депутатский контроль подготовки нормативной базы к принятым законам. Отчеты о проведенных депутатских проверках должны публично озвучиваться, чтобы у ведомств было понимание о темпах разработки подзаконных актов. Следует поручить комитету по контролю и регламенту проведение мониторинга и ана-

лиза правоприменения с позиции реализации норм закона. Пример проверок – работа делегации временной комиссии Совета Федерации по совершенствованию правового регулирования в сфере государственного и муниципального контроля, осуществившей сбор, анализ и обобщение информации о состоянии правового регулирования в этой сфере в Омском регионе. Первоначально оценивалась практика решения острых социальных вопросов на примере реализации федеральных программ в регионе. В приоритете были проанализированы расселение аварийного фонда, обеспечение жильем детей-сирот, социальная поддержка многодетных семей, развитие спортивной инфраструктуры. Пример реализации там федеральной программы обеспечения детей-сирот квартирами – микрорайон «Амурский-2». Современные уютные квартиры в малоэтажных домах закуплены за счет областного и федерального бюджетов: за последние 5 лет в регионе квартиры по этой федеральной программе (доказавшей эффективность в регионе) получили более 2 200 человек [1]. Этот результат совместной работы сможет способствовать внесению поправок в Федеральный закон «О государственном и муниципальном контроле в РФ».

Региональный контроль – это лишь незначительная часть контрольных мероприятий из общего числа проверок в регионе, большинство из которых должны составлять проверки федеральных органов. Надо устранить дублирование контрольных полномочий в некоторых сферах между региональными и федеральными органами контроля, в других – между региональными и муниципальными органами власти. Трансформация контрольно-надзорной деятельности очень актуальна. Реально снизить количество разного рода проверок за счет внедрения риск-ориентированного подхода, развития системы профилактических мероприятий. Но для реализации намеченных задач требуются прозрачность и понятность этой системы информанта. В отношении всех видов регионального государственного контроля можно утвердить административные регламенты. К примеру, Томская область достигла шестой позиции в рейтинге реформирования системы надзора и контроля: показатель регио-

на – 98,4%, при среднем уровне по стране – 85,4% [2]. Это говорит об эффективности внедрения целевой модели совершенствования контроля и надзора в регионе в соответствии с формулой «умного города»: где умны власть, сообщество и технологии [3].

Рекомендуемая нами скоординированная деятельность всех органов власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции, будет содействовать экономическому росту и инновациям и обеспечит необходимый уровень безопасности, баланс интересов государства, граждан и бизнеса. Внедрение такой системы позволит через мониторинг и анализ контролировать реализацию действующих, а также устранять несовершенство и пробелы во вновь принимаемых законах, что будет отвечать сути правового государства.

Литература

1. Экспертный центр электронного государства: официальный сайт. URL: <http://d-russia.ru/> (дата обращения: 02.03.2019).
2. Федеральная служба государственной статистики по Омской области: официальный сайт. URL: <http://omsk.gks.ru/> (дата обращения: 02.03.2019).
3. Щербинин А.И. «Умные города» – тренд XXI века: вызовы времени и российские практики // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 179–191.

E.N. Gusarskaya, S.N. Koshkina

Implementation of the methodology for legal field monitoring as a system of assessment, analysis and forecast of the legislation state and dynamics and law enforcement

The analysis of conceptual problems of transformation of control and Supervisory activity on improvement of legal regulation in the sphere of state and municipal control showed the role of Deputy inspections (monitoring) of the reasons influencing efficiency enforcement law enforcement.

Keywords: parliamentarism, innovations, law enforcement analysis, monitoring.

В.А. Дробченко

**Роль Томской городской думы в формировании
Томского комитета общественного порядка
и безопасности (март 1917 г.)**

Охарактеризована деятельность Томской городской думы после свержения самодержавия, реконструирован процесс создания нового органа управления городом и губернией – Томского комитета общественного порядка и безопасности, проанализированы отношения между думой и комитетом в марте 1917 г.

Ключевые слова: власть, местное самоуправление, дума, комитет.

Последние дореволюционные выборы в городскую думу в Томске были проведены в ноябре 1913 г. Из 62 гласных было немало известных и уважаемых в городе лиц. В январе 1914 г. новая дума приступила к работе, городским головой был избран врач П.Ф. Ломовицкий. В своей деятельности дума большое внимание уделяла вопросам городского благоустройства, образования, культуры, благотворительности.

Сразу после свержения самодержавия Томская дума оказалась в центре событий, происходивших в городе. 2 марта 1917 г., когда в Томске были получены официальные телеграммы о событиях в столице, около 7 часов вечера у здания городской управы собралась огромная толпа, которая «постепенно начала просачиваться в само здание, вскоре наполнив весь зал и отдельные помещения... Там и здесь раздавались голоса, требующие, чтобы к народу вышли гласные городской думы» [1. 4 марта].

Еще с утра губернатором В.П. Дудинским было созвано экстренное совещание по поводу происходящих событий, в котором участвовали чиновники губернской администрации и городской голова П.Ф. Ломовицкий. А в 8 часов вечера началось экстренное заседание городской думы. Оно проходило при большом стечении народа, среди которого были представители политических партий и общественных организаций.

После оглашения Ломовицким телеграмм из Петрограда выступили несколько гласных, которые охарактеризовали свержение самодержавия как великий праздник. Яркую речь произнес С.В. Александровский, он сравнил происходящие события с Великой французской революцией [2. С. 254–255]. Присутствовавший в зале большевик А.В. Шотман предложил избрать специальный комитет для руководства народным движением и поручить ему вести текущую работу с последующим докладом думе. Гласные поддержали это предложение. Комитет решено было сформировать в составе 10 человек: пяти гласных и пяти представителей общественности.

Для выдвижения кандидатур в члены комитета были проведены закрытые обсуждения по отдельности гласными и представителями демократических организаций. На продолжившемся заседании думы был оглашен состав комитета общественного порядка и безопасности (КОБа). В него вошли гласные С.В. Александровский, Б.М. Ган, К.Р. Эман, Н.В. Патрушев, П.В. Соколов, от демократических организаций – А.В. Шотман, А.Ф. Иванов, В.П. Денисов, В.И. Анучин и Е.В. Захаров. Председателем комитета был избран Б.М. Ган [3. С. 34].

4 марта томские газеты опубликовали обращение комитета к гражданам города, в котором указывалось, что комитет был образован городской думой по распоряжению Временного правительства. Комитет призвал граждан к спокойствию и соблюдению порядка. Сразу же за обращением комитета публиковалось «объявление» губернатора, в котором указывалось, что распоряжения комитета обязательны для всех жителей Томска [1. 4 марта; 4. 4 марта]. Начальником Томского гарнизона полковником Бироном еще 3 марта был издан приказ о признании Временного правительства и о поддержке Томского временного комитета общественного порядка и безопасности [5. С. 6–7].

Комитет сразу же развил бурную деятельность. Им были освобождены из тюрем политические заключенные, началось формирование милиции. 4 марта Б.Н. Ган с отчетом о деятельности комитета выступил на чрезвычайном собрании городской думы. Дума, выразив «глубокую благодарность комитету за его

ответственную и энергичную работу», дополнительно избрала в его состав еще 10 гласных. На расходы комитета думой решено было открыть кредит, а необходимые суммы выдавать ему авансом [1. 5, 7 марта].

Состав КОБа быстро пополнялся за счет включения в него представителей различных организаций и учреждений. После отстранения от управления делами губернатора (5 марта) Томский КОБ распространил свою власть на всю губернию. Ни о какой подотчетности городской думе речь более не шла. Да и сама дума на власть не претендовала. Ее деятельность была направлена на решение хозяйственных вопросов, на заседаниях думы вопросы политического характера в повестку не вносились.

Таким образом, после свержения самодержавия городская дума, приняв прямое участие в формировании комитета общественного порядка и безопасности, придала ему определенную степень легитимности, что позволило комитету взять в свои руки всю полноту власти в городе, а затем и во всей губернии.

Литература

1. Сибирская жизнь. Томск, 1917.
2. Шотман А.В. Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 252–277.
3. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 2: Март 1917 – май 1918 г.: в 2-х ч. Ч. 1: Март–август 1917 г. / сост. Э.И. Черняк, В.А. Дробченко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 416 с.
4. Утро Сибири. Томск, 1917.
5. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.): сб. докл. матер. Томск: Зап.-Сиб. изд-во, 1957. 569 с.

V.A. Drobchenko

The role of the Tomsk city Duma in the formation of The Tomsk Committee of public order and security (March 1917)

The activity of the Tomsk city Duma after the overthrow of the autocracy is characterized, the process of creating a new governing body of the city and the province – Tomsk Committee of public order and security is reconstructed, the relations between the Duma and the Committee in March 1917 are analyzed.

Keywords: power, local self-government, Duma, Committee.

Томск, 1917 г.: создание регионального парламента

Охарактеризована первая в стране после свержения самодержавия реформа местного самоуправления, проведенная в масштабах Томской губернии, проанализирована деятельность регионального парламента – Томского губернского народного собрания, определена его роль в трансформации власти в губернии.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформа, выборы, парламента.

После свержения самодержавия власть в Томске и губернии перешла к Временному комитету общественного порядка и безопасности (КОБу). Он был сформирован 2 марта 1917 г. гласными городской думы и представителями политических партий в составе 10 человек. Но уже к концу марта число членов комитета возросло до 165 человек, представлявших свыше 70 организаций города [1. 25 марта].

В первые мартовские дни 1917 г. такие комитеты были сформированы по всей стране. Созданные на волне революционного подъема, они представляли собой демократическую коалицию, пытавшуюся реализовать идею классового мира. Однако отсутствие какой-либо правовой базы, регламентировавшей деятельность КОБов, вело к тому, что они сами определяли свои функции, действовали исходя из местных условий, а среди их членов оказалось немало случайных людей.

КОБы создавались как временные органы, поэтому вопрос о формировании власти на местах приобрел особую значимость с первых дней революции. По свидетельству одного из руководителей Томского КОБа А.В. Шотмана, «чуть ли не в первый же день в комитете возникла мысль созвать... учредительное народное собрание Томской губернии» [2. С. 271]. Уже 13 марта было опубликовано постановление «О порядке выборов народных собраний и исполнительных комитетов», в котором была определена вертикаль власти в рамках губернии с учетом принципа разделения властей. Законодательная власть сосредоточи-

валась в руках сельских, волостных, уездных, городских и губернского народных собраний, а исполнительная – в соответствующих исполнительных комитетах.

Однако инициатива Томского КОБа не нашла поддержки в центре, поскольку там уже шла разработка законодательных актов о формировании органов регионального и местного управления. Против поспешного проведения выборов выступили местные кадеты и областники, которых поддержал губернский комиссар Е.Л. Зубашев.

Томский КОБ, несмотря на все препоны, продолжил курс на скорейшее проведение выборов. 11 апреля общее собрание его членов, указав, что «проект о выборах в народные собрания ни в чем не противоречат объявленным Временным правительством основным положениям реформы местного самоуправления», постановило «в интересах скорейшей организации местной власти, укреплении свободы и поддержания порядка» провести выборы в Томске 16 апреля 1917 г. [1. 14 апр.]. Местным властям рекомендовалось провести выборы так, чтобы избранные в губернское народное собрание успели прибыть в Томск к моменту его открытия – 20 апреля 1917 г.

В этой ситуации Е.Л. Зубашев, дабы не обострять обстановку в городе, обратился в правительство с просьбой дать согласие на проведение выборов «для объединения классов и успокоения сомневающихся» [Там же. 13 апр.].

Избирательная кампания в губернии широко развернулась уже с конца марта. Выборы проводились на основе прямого, равного, тайного голосования, к ним допускались все лица, достигшие 18 лет. Впервые на равных с мужчинами в них участвовали женщины. Это были первые в стране демократические выборы, проведенные на основе нормативного акта, разработанного на региональном уровне. 20 апреля 1917 г. в актовом зале библиотеки Томского университета открылось губернское народное собрание. Из 522 избранных депутатов на заседаниях присутствовало не менее 300. Из них большинство – крестьяне. Томский статистик В. Нагнибеда, проанализировав состав делегатов, пришел к выводу, что он в целом отражает структуру населения губернии [1. 13 мая].

Работа собрания растянулась почти на месяц – до 18 мая. Делегаты обсудили вопросы о власти, о войне, о земле, об автономии Сибири, приняли ряд постановлений, касающихся наиболее острых вопросов местной жизни. Постановлением «О народных собраниях и исполнительных комитетах в Томской губернии» от 30 апреля определялись структура власти в губернии и функции самоуправлений.

Собранием был избран исполнительный комитет губернского народного собрания, которому Томский КОБ и передал власть в губернии [1. 28 мая].

Губернское народное собрание, ставшее первым в стране региональным парламентом, обеспечило создание в масштабах губернии легитимных властных структур, закрепило власть в руках социалистической коалиции, подтвердило курс на дальнейшую демократизацию жизни, содействовало относительно мирному протеканию политического процесса в рамках губернии на протяжении всего 1917 г.

Литература

1. Голос свободы. Томск, 1917.
2. Шотман А.В. Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. 1927. № 2–3. С. 252–277.

V.A. Drobchenko, E.I. Chernyak

Tomsk, 1917: creation of a regional Parliament

The article describes the first reform of local self – government in the country after the overthrow of the autocracy, carried out on the scale of the Tomsk province, analyzes the activities of the regional Parliament-the Tomsk provincial people's Assembly, defines its role in the transformation of power in the province.

Keywords: local self-government, reform, elections, Parliament.

Е.Е. Егорова

Парламентский имидж депутатов на примере партии «Единая Россия»

Рассматриваются составляющие имиджа депутата. Освещается не только внешний вид, но и основные качества депутатов. Обозначается положительный имидж депутатов. Показана роль имиджмейкеров и психологов в процессе формирования имиджа. Проанализирован парламентский имидж партии «Единая Россия».

Ключевые слова: имидж, образ, парламентский имидж, партия «Единая Россия».

Ни для кого не секрет, что формирование положительного имиджа является неотъемлемой частью успеха политика. Если рассматривать имидж как явление динамическое, то можно отметить его важность и значимость при осуществлении парламентской политики и законотворческой деятельности. Важную роль в создании и корректировке имиджа играют не только имиджмейкеры, но и психологи, которые представляют общую динамику характеристик имиджа относительно граждан и преподнесения его в СМИ (см.: [1]).

Под имиджем мы понимаем искусственно созданный образ, который формирует в сознании людей определенные эмоционально окрашенные представления, которые появляются в результате общественных отношений, о том или ином политическом деятеле. Имидж складывается как стихийно, так и сознательно, с продуманной стратегией формирования положительного образа. Из этого следует, что имидж отражает интересы аудитории, что говорит о его динамичности и гибкости, так как его можно корректировать в зависимости от целей, которые ставит перед собой депутат. Но нельзя забывать о том, что имидж работает на депутата, а значит, отражает в первую очередь его интересы, следовательно, можно считать имидж неким связующим звеном в отношениях политик–аудитория.

Парламентский имидж содержит как личностные, так и профессиональные качества политика, что включает в себя не толь-

ко непрерывную работу всей команды, но и саморазвитие депутата. Рассмотрим некоторые качества, которыми должен обладать депутат: природные качества, к которым можно отнести харизму, темперамент, талант и т.п.; социально-психологические – характер, красноречие, коммуникабельность; наличие нравственных ценностей, умение решать парламентские конфликты; достижения в «профессиональной» парламентской деятельности, ответственность (см.: [1]).

Парламентский имидж всегда основывается на целях, которые преследует депутат, ими могут быть, как победа на парламентских выборах, так и приобретение популярности среди определенных слоев общества. Исходя из этого, необходимо учитывать не только внешний вид, стиль одежды и манеру поведения, но и все вышеперечисленные качества и характеристики, на которые обращает внимание электорат.

Рассмотрим парламентский имидж депутатов на примере партии «Единая Россия». Она позиционирует себя и воспринимается электоратом как «партия власти».

Одной из важных для парламентского имиджа является лидерская черта или черта победителя. Их присутствие просматривается как у председателя партии, так и депутатов, которые занимают лидирующие позиции в большинстве регионов страны. На публике они ведут себя спокойно и сдержанно, демонстрируя уверенность в своих словах и действиях. Наличие харизмы и обаяния также способствует позитивному настрою граждан по отношению к депутатам партии «Единая Россия». В одежде депутаты, как правило, придерживаются классического стиля, так как это всегда производит положительное впечатление.

Помимо этого, депутат всегда должен быть доступен и открыт для избирателей. Очень важно показать, что его волнуют проблемы населения и он готов и будет их решать. Обычно решение каких-либо задач освещается в СМИ, что тоже способствует формированию имиджа депутатов. А значит, коммуникация с представителями СМИ может существенно повлиять на дальнейшую судьбу политика, поэтому необходимо проявлять дружелюбие и рассудительность при взаимодействии с ними.

Например, «Единая Россия» активно взаимодействует с населением, организуя различные «горячие линии», а приемная председателя партии занимается обращениями граждан и решением возникающих проблем. Взаимодействие со СМИ, организацию пресс-конференций и формирование через них общественного мнения о деятельности депутатов осуществляет Департамент взаимодействия со СМИ ЦИК Партии «Единая Россия».

Таким образом, можно сделать вывод, что парламентский имидж депутатов складывается из его действий, манеры поведения на публике, внешнего вида, коммуникаций, которые они выстраивают в процессе своей деятельности и наличия ценностных установок. Грамотное сочетание и доступность этих качеств поможет заслужить доверие у граждан, а также обеспечит успешную карьеру депутату. Наличие у «Единой России» этих составляющих способствует тому, что она на протяжении многих лет занимает лидирующие позиции.

Литература

1. Кибак И.А. Участие психолога в формировании имиджа законодательной власти // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/uchastie-psihologa-v-formirovanii-imidzha-zakonodatelnoy-vlasti> (дата обращения: 05.05.2019).
2. Шестопап Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров: сб. статей / под ред. Е.Б. Шестопап. М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.
3. Щербинина Н.Г. Эффективный политический имидж: между теорией и практикой // Политический маркетинг. 2001. № 12. С. 54–58.

E.E. Egorova

Parliamentary image of deputies on the example of the party "United Russia"

We consider the components of the image of the deputy. Not only the appearance but also the main qualities of the deputies are covered. Denotes a positive image of deputies. The role of image makers and psychologists in the process of image formation is shown. Analyzed the parliamentary image of the party "United Russia".

Keywords: image, image, parliamentary image, United Russia party.

Е.Г. Еремина

**Детско-юношеский парламент города Томска
как модель участия старшеклассников
в формировании молодежной политики**

Анализируется проблематика представительства интересов школьников в молодежной политике. Основной акцент сделан на деятельности такого института гражданского образования, как детско-юношеский парламент г. Томска.

Ключевые слова: гражданское образование, Детско-юношеский парламент г. Томска, молодежная политика.

Важной тенденцией в развитии качества образования является формирование компетенций, востребованных в современной социальной жизни и экономике. В государственной программе РФ «Развитие образования на 2013–2020 годы» отмечается, что «в молодежной среде слабо развита культура ответственного гражданского поведения, отсутствуют стремление к общественной деятельности, навыки самоуправления».

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. актуализирует гражданское воспитание как средство для «создания условий для воспитания у детей активной гражданской позиции, гражданской ответственности, основанной на традиционных культурных, духовных и нравственных ценностях российского общества; развития правовой и политической культуры детей, расширения конструктивного участия в принятии решений, затрагивающих их права и интересы, в том числе в различных формах самоорганизации, самоуправления, общественно значимой деятельности» [1].

В принципах новой молодежной политики: признание интересов и потребностей учащейся молодежи как особой социальной группы и сбалансированности ее законных интересов и прав с интересами и правами других социальных групп общества в целом; привлечение молодых граждан непосредственно или через молодежные и детские объединения к участию в формиро-

вании и реализации программ, касающихся молодежи и общества в целом; поддержки социально значимых инициатив молодежи.

На обеспечение формирования российской гражданской идентичности обучающихся, духовно-нравственного развития, воспитания обучающихся направлен Федеральный государственный образовательный стандарт.

В Национальный проект «Образование» включено направление «Социальная активность».

Решение задачи гражданского воспитания старшеклассников целесообразно реализовывать, используя практико-ориентированные образовательные программы.

Такой подход («обучение действием») отражен в томской городской программе дополнительного образования и воспитания школьников «Детско-юношеский парламент города Томска». Программа актуализирует задачи практической реализации системы представительства прав и интересов школьников как особой социальной группы, а также осуществление гражданских инициатив молодежи.

Реализуя практико-ориентированные программы по гражданскому образованию, Томский дворец творчества детей и молодежи имеет многолетний опыт формирования у школьников гражданской ответственности, инициативности и правового самосознания.

С 1996 по 2009 г. реализовано несколько целевых программ, подкрепленных методически и нормативно, среди которых: «Школа молодого лидера», «Новая цивилизация», «Академия лидерских наук», «Детско-юношеский парламент» (научные руководители: заведующий кафедрой политологии НИ ТГУ, профессор А.И. Щербинин, руководитель ресурсного научно-методического центра непрерывного образования ГБПОУ «Воробьевы горы» В.Г. Игишев).

С 2010 по 2015 г. ДТДиМ реализовал городскую программу дополнительного образования и воспитания школьников «Детско-юношеский парламент» в статусе муниципальной инновационной площадки.

В рамках МИП:

– была разработана современная модель участия школьников в формировании новой муниципальной молодежной политики;

– апробированы механизмы и технологии взаимодействия ДЮПа, старшеклассников общеобразовательных учреждений муниципального образования с представителями органов исполнительной и законодательной власти, общественными советами города и области (технология представительства).

Комитет по спорту и молодежной политике Думы г. Томска официально курирует деятельность ДЮП; Управление молодежной политикой томской администрации выделяет грантовый пул на реализацию социальных проектов органов ученического самоуправления в рамках целевой программы «Молодежь Томска».

Ежегодно на совместном заседании с депутатами Думы г. Томска участники программы представляют итоги реализации проектов, получивших финансовую поддержку, актуализируют школьные проблемы, требующие интегративного участия в их решении.

Это свидетельствует о том, что администрация города, области не просто готова услышать предложения школьников, она участвует в их реализации. Задача дополнительного образования – помочь школьникам в оперативном режиме активно включаться в формирование новой молодежной политики.

В 2016 г. ДТДиМ присвоен статус базовой образовательной организации, участвующей в реализации регионального проекта «Развитие гражданского образования в образовательных организациях Томской области на 2016–2020 годы» и Центра гражданского образования.

Старшеклассники, прошедшие «школу парламента», становятся лидерами, способными к хорошей самоорганизации и организации школьного социума, приобретают практический опыт социального партнерства и участия в решении реальных проблем; у них формируется инновационная компетентность – способность к инициированию и реализации новых подходов решения актуальных проблем в изменяющихся условиях современности, как никогда востребованная в Томской области.

Литература

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 01.03.2019).

E.G. Eremina

Children's and youth parliament of Tomsk as a model for the participation of high school students in shaping youth policy

The problem of the representation of the interests of schoolchildren in youth policy is analyzed. The main focus is on the activities of such an institution of civic education as the "Children's and youth parliament of the city of Tomsk".

Keywords: civic education, Children's and youth parliament of Tomsk, youth policy.

**Парламентаризм в политической памяти современной России:
специфика политической репрезентации**

Важным направлением изучения культуры парламентаризма является изучение символизации переговорных практик. Принципиальным для такой стратегии исследования является изучение специфики основных символических форм политической памяти, представленных в дискурсе солидарности.

Ключевые слова: парламентаризм, переговорные практики, политическая память, символические фигуры.

Несмотря на рост политико-культурных исследований в предметной области функционирования российских институтов представительства и продуктов их законотворческой деятельности, сохраняется актуальность критических замечаний о парламентской культуре как «символической провинции политической культуры» и слабой изученности феномена парламентской культуры в отечественной политической науке (см.: [1]).

Отчетливо прослеживается доминирование традиционной для отечественной политологии теоретической дискуссии и идеологической риторики по поводу приоритетности той или иной нормативной модели развития парламентаризма в современной России и, соответственно, нормативных моделей публичного поведения депутатов в институтах законодательной власти. Константой подобных дискуссий, независимо от позитивистских или конструктивистских позиций авторов, являются ремарки о том, что публичное поведение, действия депутатов в представительных органах власти, должно соответствовать нормам парламентской этики и гражданского служения тем, кто делегировал им право выступать от их лица. Эмпирические констатации отклонений реального поведения депутатов от подобных «должных» нормативных установок и негативного в связи с этим восприятия гражданами их деятельности «уравновешиваются» выводами о необходимости стимулирования личной ак-

тивности граждан и их права на акции гражданского неповиновения.

Не подвергая сомнению продуктивность ценностно-нормативных рефлексий по поводу семантического содержания парламентской культуры и ее роль в политической культуре России, важно учитывать их методологические ограничения. Политическая культура – не только ценностные ориентации и этические кодексы поведения парламентариев и граждан. Все эти идеальные конструкты действительны тогда, когда они включены в коммуникативные, символические системы коллективных представлений о политике и составляют семантически значимую компоненту национальной идентичности, не сводимую к рациональной прагматике групповых интересов.

Перспективным представляется видение специфики эволюции парламентской культуры современной России как компонента политической памяти – «коммуникативной прагматики» [2], производящей «события», связанные с культурной спецификой форм политической солидарности и символизацией переговорных институтов как на уровне государства, так и в различных территориальных пространствах. Обращение к понятию *политическая память*, по мнению автора тезисов доклада, позволяет анализировать политическую культуру, культуру парламентаризма более комплексно, артикулируя роль и значение пластов политической повседневности, участвующих в социальном конструировании политической действительности.

Способы символической репрезентации представительных институтов в Интернете на официальных сайтах свидетельствуют о «бедности» их семантического содержания, сводимой к тривиальной констатации учредительных актов либо к сатирической иконографии в публичных сетях по случаю «девиантного» поведения «представителей народа». Существующие в современной России «места памяти», сопряженные с процессами институционализации и символизации переговорных практик, как правило, связаны либо с событиями дореволюционного прошлого имперской России, либо с ветшающими мемориалами эпохи Советов. Политико-символическое пространство постсо-

ветской России являет семантический вакуум символических репрезентаций, обладающих потенциалом политической «солидаризации» – фигур «героического», «жертвенного», «преступного» [3] в связи с драматизмом становления переговорных практик современного российского парламентаризма. В реалиях пространственно-временной дифференциации современных политических коммуникаций растет значимость символических практик политической памяти по продуцированию и поддержанию символических «фигураций» (см.: [4]) переговорных практик на уровне политической повседневности. Изучение интегративной роли «молчаливого знания» в переговорном процессе [5. С. 18, 30] и способов его символизации на региональном уровне может стать важным измерением драматургии парламентской культуры современной России.

Литература

1. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Парламентская культура: коммуникативный аспект // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 68–70.
2. Alexander J.C., Giesen B., Mast J.L. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance // Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual. London and New York: Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.
3. Giesen B. Triumph and Trauma. London: Paradigm publishers, 2004. 208 p.
4. Olick J.K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2016. 517 p.
5. Сергеев В.М. Народовластие на службе элит. М.: МГИМО-Университет, 2013. 265 с.

K.F. Zavershinskiy

Parliamentarism in the political memory of modern Russia: specificity of political representation

An important direction of the study of the parliamentary culture is the study of the practices of symbolizing negotiation. The principal for such a strategy of studying is the study of the specifics of the basic symbolic forms of political memory represented in the discourse of solidarity.

Keywords: parliamentarism, practices of negotiation, political memory, symbolic figures.

**Т.В. Захарова, Е.В. Уфимцева,
А.М. Елисеев, Ю.В. Подопригора**

Анализ транспортной политики и ее влияние на социально-экономическое развитие университетских городов России и Франции¹

Статья посвящена исследованию особенностей транспортной политики университетских городов, выявлению ее роли в социально-экономическом и культурном пространстве современного университетского города. Рассмотрены мировые практики и тренды и определены проблемы общественного городского транспорта в области проведения транспортной политики университетских городов. Проведен сравнительный анализ системы общественного транспорта на примере ряда сибирских и французских университетских городов. Выделены основные позитивные тенденции развития общественного транспорта университетских городов.

Ключевые слова: университетские города, транспортная политика, городской общественный транспорт, усовершенствование системы оплаты.

Во всем мире идет процесс формирования «умных городов». А.И. Щербинин отмечает: «*Было*: грязная энергетика, грязный воздух, затратное тепло- и водоснабжение. *Будет*: чистая возобновляемая энергетика, транспорт на чистых двигателях, зеленое строительство» [1. С. 185]. Вучик Вукан утверждает, что «в то время как в одних странах проводится в целом логичная транспортная политика, скоординированная с развитием и ростом городов, в других – принимаются контрпродуктивные меры, часто ведущие к столкновению интересов и целей» [2. С. 3].

Устойчивые транспортные системы городов обеспечивают мобильность населения, повышают конкурентоспособность агломерации, облагораживают экономический климат и качество жизни, улучшают социальное самочувствие населения [3, 4]. Автомобили, с одной стороны, благодаря своей маневренности,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Социально-экономическая и культурная среда современного университетского города: сравнительный анализ Томска, Новосибирска, Монпелье и Бордо», № 18-510-22001.

повсеместной доступности дилерских сетей, наличия топливной инфраструктуры, придания социальной значимости владельцу пользуются повышенным спросом у потребителей. С другой стороны, автомобили имеют целый ряд отрицательных последствий: загазованность воздуха, сказывающаяся на здоровье горожан, пробки, аварийность, дорогое обслуживание, повышение цен на топливо и т.д.

Транспортная политика региональных и муниципальных властей включает решение широкого круга проблем: развитие дорожных сетей, совершенствование работы общественного транспорта, обновление парка транспортных средств, развитие пешеходного и велосипедного передвижения, организация городского парковочного пространства, улучшение экологической стороны транспортных средств [5].

Проблема экологизации транспорта активно решается как в мире, так и в России: транспорт переводится на газомоторное топливо, наращивается выпуск гибридных автомобилей, используется топливо нового поколения – в России с 2014 г. введено Евро-5; активно возвращаются трамваи, троллейбусы, вводятся электробусы, которые соединяют достоинства как троллейбуса, так и автобуса.

Городской общественный транспорт является важным элементом транспортной инфраструктуры университетских городов. Между городом и университетами устанавливаются разнообразные функциональные взаимосвязи: социальные, научно-технические, инновационные, производственные, общественно-политические, инфраструктурные, транспортные и др. [6].

Рассмотрим особенности транспортной политики и системы общественного транспорта на примере двух французских городов – Бордо и Монпелье, являющихся во Франции весьма привлекательными для учебы, и двух российских городов с высокими показателями студентификации – Томска и Новосибирска.

Монпелье – это жемчужина на юге Франции, один из образовательных центров, следовательно, молодежный город, где каждый четвертый – студент. Здесь имеется 26 музеев, 80 фонтанов, много парков, огромный Ботанический сад. Машин в

центре города практически нет, он подарен пешеходам, большая часть личных автомобилей остается на парковках по окраинам или за пределами города. В городе развита автобусная сеть – около 30 маршрутов по всему городу. Трамваи в Монпелье называют «достопримечательностью на колесах». Они имеют живописное наружное цветовое оформление в соответствии со своим маршрутом (белые чайки, цветы), причем в вагонах очень комфортно благодаря низкопольности, автоматическим дверям и кондиционерам, что придает им особую привлекательность как среди жителей, так и среди гостей [7]. Популярным видом транспорта в Монпелье являются и велосипеды, причем сеть проката включает в себя около 50 станций.

Бордо считается не только образовательной, но и винодельческой столицей Франции, город окружен тысячами гектаров виноградников. Университет Бордо, куда вошли 7 самостоятельных вузов и 3 технических школы, обладает самым крупным пригородным кампусом в Европе, там учится 50 тысяч студентов, примерно 10% из них – иностранцы. Транспортная система Бордо включает автобусные маршруты, трамвайные линии, речные трамваи и сеть проката велосипедов. Большая часть центра города является пешеходной [8]. Особенностью трамвайной системы г. Бордо является использование нижнего (наземного) токосяема в историческом центре города, чтобы не повредить исторические здания. Уникальная система электропитания, разработанная для трамваев в г. Бордо, помогла французскому городу попасть в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Яркими примерами сибирских университетских городов являются города Томск и Новосибирск, включенные в число 100 лучших студенческих городов мира по данным британской компании Quacquarelli Symonds [9]. Томск в 2018 г. поднялся с 91-го на 74-е место, Санкт-Петербург улучшил свои позиции и поднялся на 76-е место, а Новосибирск занял 96-е место. Москва заняла 15-е место по данному показателю. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга в рейтинге QS фигурируют только эти два сибирских города.

Томск – старейший в Сибири крупный образовательный, научный и инновационный центр, объявленный недавно студен-

ческой столицей России (всего в Томске 16 вузов и 7 академических институтов). В городе заложены основы инновационного развития: создана особая экономическая зона технико-внедренческого типа, разработана «Стратегия инновационного развития 2020», реализован проект «ИНО Томск 2020», проводятся инновационные мероприятия – Инновус и Юновус, томские университеты (ТГУ и ТПУ) активно участвуют в программе «5 в 100». В 2013 г. в Томске стартовал проект «Учись в Томске», направленный на привлечение в город студентов, магистрантов и аспирантов из регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья [10]. Бренд Томска укрепляется, и он приобретает статус мирового научного центра.

По состоянию на 2018 г. система общественного транспорта в г. Томске представлена троллейбусными, трамвайными и автобусными маршрутами. Автобусы работают на бензине, дизельном топливе и природном газе. С 2015 г. в городе появились низкопольные и полунизкопольные экологичные (ГАЗ и Евро-5) модели автобусов средней вместимости. Сформулированы приоритетные направления развития системы городского пассажирского транспорта г. Томска в современных условиях [11], в том числе предусмотрено соответствие объектов транспортной инфраструктуры облику города, совершенствование дизайнерских решений и др.

Новосибирск – третий по численности населения город России (на 2018 г. 1,613 млн чел., по данным Росстата), имеет статус «столицы Сибири», является крупным промышленным центром, важную роль в развитии города играют инновации, наука и образование (35 вузов и 43 академических института) [12].

Новосибирск является крупным транспортным центром России и Сибири. Есть аэропорт, Новосибирский метрополитен, трамвайные и троллейбусные линии, железнодорожные сети с вокзалами и посадочными платформами, маршруты и причалы водного транспорта по Оби, маршрутные такси.

Для решения проблем пассажирского транспорта разработаны муниципальные программы и есть концепция развития общественного транспорта [13]. Запланировано развитие электрического и экологически чистого транспорта, частичное замеще-

ние маршрутных такси автобусами большой вместимости с низким расположением пола; формирование транспортно-пересадочных узлов; совершенствование системы оплаты проезда; повышение престижа работы в транспортной отрасли.

Рассматривая доступность транспортных услуг в университетских городах с социально-экономической точки зрения, необходимо остановиться на системе оплаты проезда и предоставления студенческих транспортных скидок. Опыт развитых стран показал активное использование смарт-карт, играющих роль проездных билетов, в расчетах на перевозки [14]. В 135 странах мира (карты оформляются и в России) действует международная студенческая карта (международный проездной) – карта «ISIC». Карта заменяет удостоверение личности и дает право на ряд скидок при оплате билетов на автобус, поезд, самолет, в хостелах, кафе, музеях, скидки на покупки в магазинах и при он-лайн заказах. В России в разных регионах действуют разные программы предоставления транспортных студенческих льгот. Например, в г. Москве студенты могут получить социальную карту москвича – специализированную смарт-карту, на которую они зачисляют средства, чтобы расходовать их для оплаты проезда в муниципальном транспорте с 50-процентной скидкой. В г. Новосибирске действует студенческая карта – персонализированная бесконтактная пластиковая карта студента, предназначенная для оплаты стоимости проезда в общественном транспорте по льготным тарифам. Оплатить проезд по студенческой карте можно на маршрутах, подключенных к системе «Электронный проездной – Новосибирск». Менее развита система транспортных льгот в г. Томске. Студентам предлагается приобрести единый студенческий проездной (825 руб.) либо трамвай / троллейбус (550 руб.). Среди плюсов системы транспортных льгот г. Томска можно указать лишь студенческий маршрут № 60, предоставляющий льготный проезд студентам по городу.

Социально-экономическая и культурная среда современного университетского города обладает особой уникальностью. Увеличение пешеходных зон, наличие комфортных условий для

пешеходов, создание велоинфраструктуры, введение платных парковок, контроль над тем, чтобы автомобили не занимали тротуары, вытеснение личных автомобилей из центра города постепенно меняет ситуацию. Городское пространство становится достоянием университетского города, а общественный транспорт – важной составляющей бренда университетского города [15]. Устойчивое и эффективное функционирование общественного транспорта – одна из необходимых предпосылок улучшения качества социально-экономического и культурного пространства университетского города.

Литература

1. Щербинин А.И. «Умные города» – тренд XXI века: вызовы времени и российские практики // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 179–191.
2. Вучик Вукан Р. Транспорт в городах, удобных для жизни // ВикиЧтение. URL: <https://culture.wikireading.ru/39837> (дата обращения: 30.03.2019).
3. Измайкова А.В., Мачерет Д.А. «Экологический императив» и инновационное развитие транспорта // Мир транспорта. 2016. Т. 14, № 5. С. 20–31.
4. Сиваков В.В., Тихомиров П.В., Любутин А.А. Развитие гибридных автомобилей // Новые материалы и технологии в машиностроении. 2017. № 26. С. 91–96.
5. Кропп А.Е., Блохин А.Н. Экология окружающей среды и транспорт: проблемы и решения // Технология колесных и гусеничных машин. 2014. № 1 (11). С. 20–24.
6. Колесова О.В., Оплаканская Р.В., Фрейдин Е.О. Основные тренды развития университетских городов Сибири (на примере Томска, Новосибирска, Иркутска и Красноярска) // Могущество Сибири будет прирастать? Сборник докладов международного научного форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов»: в 4 т. 2018. С. 189–192.
7. Транспорт города Монпелье // Vo-franciu. URL: <https://vo-franciu.ru/transport-vo-francii/monpele-transport/> (дата обращения: 30.03.2019).
8. Транспорт города Бордо // French Trip. URL: <http://frenchtrip.ru/cities/bordeaux/transport-v-bordo/> (дата обращения: 30.03.2019).
9. Рейтинг лучших университетских городов мира // TopUniversities. URL: www.TopUniversities.com (дата обращения: 30.03.2019).
10. Севостьянов А.В. Позиционирование инновационного города: философия и практика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 66–75.

11. Отчет об исполнении муниципальной программы «Развитие общественного пассажирского транспорта в городе Томске на 2014–2020 гг.» за 2017 г. // Город Томск: официальный портал муниципального образования. URL: www.admin.tomsk.ru (дата обращения: 30.03.2019).

12. Новосибирск в цифрах // Официальный сайт города Новосибирска. URL: <http://novo-sibirsk.ru/about/numbers> (дата обращения: 30.03.2019).

13. Проект программы комплексного развития транспортной инфраструктуры города Новосибирска на 2018–2030 гг. // Официальный сайт города Новосибирска. URL: <http://novo-sibirsk.ru> (дата обращения: 30.03.2019).

14. Лободанова Д.Л., Самсон И., Курле К. Комфортность среды как фактор инновационного развития города / под ред. Д.Л. Лободановой. М.: Дело, 2013. 180 с.

15. Инякова Е.Г. Транспортная инфраструктура как элемент развития территориального бренда // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2016. № 32. С. 125–129.

T.V. Zaharova, E.V. Ufimtseva, A.M. Eliseev, Y.V. Podoprigora

Analysis of transport policy and its impact on the socio-economic development of the university cities of Russia and France

The article is devoted to the study of the features of the transport infrastructure of the University city, the identification of its role in the socio-economic and cultural space of the modern university city. The best world practices and trends in the construction of transport infrastructure of the university city are considered. The problems of urban passenger transport in University cities are defined. The experience of countries with fully developed public transport, including France, was studied. The comparative analysis of transport infrastructure on the example of Siberian and French university cities is carried out in fragments. The main trends in the development of transport infrastructure of university cities are highlighted.

Keywords: university cities, transport infrastructure, urban public transport, improvement of payment system.

А.Н. Злобин

**Восстановление избирательных прав граждан
в Центрально-Чернозёмной области
в конце 20 – начале 30-х гг. XX в.**

В статье рассматривается практика лишения значительных групп населения СССР права участия в избирательном процессе, исследуются попытки жителей Центрально-Чернозёмной области оспорить решения органов советской власти о лишении их избирательных прав.

Ключевые слова: лишенцы, крестьяне, выборы, советы, избиратели

Конституция РСФСР 1925 г., как и Конституция 1918 г., в ст. 14 содержала положение, дававшее государству возможность лишать избирательного права, как отдельных лиц, так и целые социальные группы, интересы которых не совпадают с интересами и планами пролетариата как класса-гегемона. В конце 20 – начале 30-х гг. население страны рассматривало Советы как реальные органы власти, а выборы в них – как реальную возможность влиять на политику государства. А.Ю. Саран отмечает: «Порой крестьяне на местах даже брали проведение избирательных кампаний в свои руки» [1. С. 181]. По справедливому мнению Т.В. Ченской, «1929 г. внес свои корректировки в избирательный процесс. В эту предвыборную кампанию государство уже делает ставку на бедноту, причем продвигая ее как в сельские советы, так и приветствуя ее в качестве электората» [2. С. 47].

В Центрально-Чернозёмной области подготовительные работы к проведению кампании по перевыборам Советов начались 5 октября 1930 г. В декабре 1930 г. – январе 1931 г. прошли выборы сельских и городских Советов [3]. Ошибки при составлении списков лишенцев, а также тот факт, что лишение избирательного права воспринималось многими как незаслуженное наказание и большая несправедливость, приводили к многочисленным попыткам оспорить статус лишенца. В делах окружных избирательных комиссий и Комиссии при Облисполкоме ЦЧО по рассмотрению заявлений о восстановлении в избирательных

правах сохранились материалы по рассмотрению жалоб граждан на несправедливое лишение избирательных прав.

Интересным представляется дело 19-летнего Белозерцева Н.А., который, как сказано в справке Комиссии, живет на иждивении у нигде не работающей, живущей на средства, доставшиеся от мужа, матери, лишенной избирательных прав как жена бывшего торговца лесом, применявшего наемный труд [4. Л. 19]. Жалобу Белозерцева Комиссия удовлетворила и постановила материал выделить для пересмотра. При этом просьба матери истца (вдовы торговца) осталась не удовлетворенной [Там же]. Также интересен случай восстановления в избирательных правах бывшего помещика Бенедиковского Н.Н. В выписке из протокола Комиссии указывается, что он был лишен избирательных прав как не проявивший лояльность к советской власти, имеет 5 десятин земли, дом, две коровы, лошадь. По всей видимости, мотивом, побудившим комиссию восстановить Бенедиковского в избирательных правах, стала его многолетняя служба в качестве следователя, начавшаяся еще до революции [4. Л. 55].

В других подобных случаях бывшим дворянам в восстановлении статуса избирателя, как правило, отказывали. Например, за восстановлением избирательных прав обратился Деев В.М. сын помещика, который имел до революции 100 десятин земли, 4 хаты, 4 амбара, двор каменный большой, 6 лошадей, 2 коровы 35 овец. В материалах дела отмечается, что Деев живет вместе с отцом в том же доме что и до революции, имеются лошадь, жеребенок, корова, водяная мельница. Характерно, что комиссия отказала в данном случае на основании того, что Деев живет на нетрудовые доходы, что говорит о формальном подходе к разрешению такого рода дел [4. Л. 23]. На этом же основании получила отказ и бывшая помещица Григорьева О.П., работающая школьной учительницей и не имеющая никакого имущества [4. Л. 25].

Формальный подход очевиден также при рассмотрении дела Урываева В.С., который являлся сыном бывшего земского начальника, а его жена – дочерью бывшего полицмейстера. Несмотря на то что Урываев в 19–20 гг. служил в Красной армии,

на хозяйственных должностях, в избирательных правах восстановлен не был как член семьи лиц, лишенных избирательных прав, однако эту норму можно было бы к нему применить только в том случае если бы он находился в зависимости от родственников лишенцев [4. Л. 26].

Как видим, некоторым людям удавалось при подаче апелляций добиваться справедливости, однако это зависело скорее от случая или благорасположения членов комиссий, рассматривавших ходатайства. Системного подхода к принятию решений не было. Жалоб было много, и комиссии, не успевая их рассматривать по существу, часто подходили формально, не вникая в суть дела и юридические тонкости.

Литература

1. Саран А.А. Выборы 1929 г. в Советы Центрально-Чернозёмной области // Управленческое консультирование. 2016. № 11 (95). С. 179–185.
2. Ченская Т.В. Крестьянские настроения в период пере выборов в советы 1926, 1929 (на примере Орловской губернии/области) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2016. № 4. С. 44–55.
3. ГАОПИ ВО. Ф.130. Оп.1. Д. 668. Л. 157–160 об.
4. ГАВО. Ф.1439. Оп. 2. Д. 98.

A.N. Zlobin

Restoration of electoral rights of citizens in the Central black earth region in the late 20s – early 30s of the XX century

The article discusses the practice of deprivation of large segments of the Soviet population the right to participate in the electoral process, it analyzes the attempts of the inhabitants of the Central Chernozem region to challenge the decision of the Soviet authorities about the deprivation of their voting rights.

Keywords: deprived, peasants, elections, councils, voters.

А.Ю. Золотарев

У истоков парламентаризма

Анализируется процесс формирования английского парламента. Показаны его особенности и факторы, среди которых выделяются вотивирование налогов и опора на прецеденты.

Ключевые слова: Англия, Средние века, парламент, налоги, прецеденты.

Как известно, родиной парламентаризма является Англия. Представительное учреждение под названием «парламент» непрерывно функционирует в этой стране начиная с последних десятилетий XIII в. История его возникновения может представлять интерес и для современных законодателей и политиков.

Ответить на вопрос, когда был созван первый английский парламент не так просто. Процедура его созыва, которая действовала на протяжении Средних веков, была кратко описана в п. 14 «Великой Хартии вольностей» (1215 г.): архиепископов, епископов, аббатов и великих баронов король приглашал личным письмом (с течением времени за ними закрепилось звание лордов, сформировавших отдельную палату), остальных своих вассалов – «огулом» через шерифов графств [1. Р. 318]. Их состав и нормы представительства сначала не были конкретизированы, на протяжении 60–90-х гг. XIII в. неоднократно менялись, пока не пришли к модели, продержавшейся вплоть до XIX в.: по два рыцаря от графства, по два бюргера от города) [4. Р. 220–223]. Однако в Великой хартии за этим совещанием не было закреплено название «парламент». Оно стало обычным во время борьбы Генриха III со своими баронами (1258–1267 гг.), которые, созывая сессии совета, время от времени приглашали туда представителей от рыцарства и городов, за которыми закрепилось наименование «общины» (отсюда и название нижней палаты парламента). При этом парламентами, начиная с правления Генриха II (1154–1189), время от времени назывались совещания короля со знатью своего королевства, которые чаще всего обозначались иными словами (*concilium*, *conventus*, *concilium placitum*). На них обсуждались самые разные вопросы, напри-

мер, они могли выступать в качестве высшего суда королевства [З. Р. 75–76].

Однако для характеристики таких совещаний как того истока, из которого вырос институт парламентаризма, принципиально важным является такое их полномочие, как согласие на взимание королем со своих подданных экстраординарных платежей, из которых со временем выросла английская система налогообложения. Великая хартия вольностей говорит о них именно в этом контексте: она запрещает без согласия «всеобщего совета королевства» королю брать так называемые помощи и щитовые деньги. И хотя в последующие десятилетия ассамблеи того состава, какой предусматривался Великой хартией, не созывались, полномочие давать согласие на введение новых сборов и налогов за ними стало постепенно закрепляться. Важнейшее значение имел «большой совет» (*magnum concilium*) в феврале 1225 г. Тогда 32 епископа и аббата и 32 светских барона в результате девятидневных дебатов дали согласие на то, чтобы в королевстве был уплачен налог в 1/15 движимого имущества для финансирования войны с королем Франции [Ibid. P. 107–108].

Следует, однако, отметить, что мышление средневекового человека всегда апеллировало к прецедентам. Соответствующая норма в Великой Хартии и ее последующая реализация во время совета 1225 г. появились не на пустом месте. И прежде бывали случаи, когда королю приходилось спрашивать согласия церковных иерархов и баронов на взимание экстраординарных сборов: взимание Генрихом II Саладиновой десятины на свой крестовый поход в 1188 г.; для выкупа из плена Ричарда I в 1193–1194 гг.; на войну с французским королем в 1197 г.; на помощь Святой земле в 1207 г. [Ibid. P. 119–126]. Примечательно, что в 1197 г. мы в первый раз встречаемся со случаем, когда требования короля были отвергнуты. Объединяет их еще и то, что суммы, подлежащие взиманию, были огромны. Например, Саладинова десятина составляла 70 тыс. фунтов, а выкуп за короля Ричарда – 100 тыс. фунтов, при том что обычные доходы королевской казны составляли около 20 тыс. фунтов в год [2. Р. 34]. Собрать такие деньги привычным путем не было никакой возможности, поэтому английские короли

были вынуждены обращаться к подданным за помощью. Это создало серию прецедентов, сначала закрепленных нормативно в Великой хартии, а затем подтвержденных ее исполнением на «большом совете» 1225 г. (кстати, условием согласия на утверждения затребованного от имени короля сбора было подтверждение им Великой Хартии). Поскольку норма об одобрении подобных сборов «общим советом королевства» «сосуществовала» в Великой хартии с нормой о том, что этот совет должен состоять не только из духовной и светской знати, но и прочих королевских вассалов, ее воплощение в создание представительства от них были вопросом времени. Когда же новый орган власти оформился, он получил и новое имя – «парламент».

Таким образом, мы видим: возникновение института парламента в Англии было длительным процессом, длившимся по меньшей мере столетие (с конца XII по конец XIII в.); главной функцией парламента, благодаря которой он и возник, было вотиrowание налогов и сборов; большую роль в формировании института английского парламента сыграли прецеденты.

В заключение хотелось бы сказать, что исторический опыт формирования института парламентаризма может быть полезен и сейчас, особенно в части укрепления системы разделения властей через более активное использование законодательными органами власти своих полномочий в сфере бюджетной политики.

Литература

1. English historical documents. Vol. 3, 1189–1327 / ed. by H. Rothwell. London: Eyre and Spottiswood, 1975. XXIV. 1032 p.
2. Holt J.C. Magna Carta and medieval government. London: Hambledon press, 1985. 316 p.
3. Maddicott J.R. The origins of the English Parliament, 924–1327. Oxford: Oxford university press, 2010. XV. 526 p.
4. Stubbs W. The constitutional history of England. Vol. 2. Oxford: Clarendon press, 1877. VII. 626 p.

A.Yu. Zolotarev

At the beginning of parliamentarism

The article deals with a history of formation of English Parliament. Its peculiarities and determining factors are revealed and tax voting and use precedents are among them.

Keywords: England, Middle Ages, Parliament, taxes, precedents.

С.В. Ивлев

Парламентаризм как механизм централизации государственной власти в современной России

В статье рассматриваются проблемы соотношения централизации и децентрализации в процессе реализации законодательной власти в современной России. Основной акцент сделан на проблеме стабилизации политической системы через деятельность законодательной власти.

Ключевые слова: парламентаризм, власть, социальное взаимодействие, государство.

Проблема централизации и децентрализации государственной власти в современных условиях реализации процесса управления приобретает практическую актуальность. Во-первых, вопросы централизации политической системы связаны с усилением исполнительной ветви власти. На сегодняшний день данная ветвь во многом контролирует власть законодательную. И, во-вторых, парламент как институт представительной власти должен выполнять не только законодательную функцию, но и выражать мнения общества.

Парламент как политический институт является механизмом централизации и децентрализации в организации управления государством, что становится одним из механизмов стабильности и развития демократических институтов в стране. В федеративном государстве необходимы элементы централизации, поскольку именно они готовы обеспечивать суверенитет, общность государства. В то же время федеративное устройство, основанное на разделении власти по вертикали, предполагает значительное развитие нецентрализованных векторов в системе управления государством. Как указано в научных работах, «...наиболее совершенные модели современного федерализма характеризует такая система отношений, при которой государственная власть, сохраняя ее единство и субординационный характер построения, делится между центром и составными частями и функционирует внутри государства на основе сочетания самоуправления и партнерства» [1. С. 15].

Парламентаризм – это структура взаимодействия исполнительной и законодательной власти в осуществлении государственной власти, которая характеризуется в рамках концепции разделения власти при значительной роли парламента. Парламент должен выполнять наиболее значимые функции для общества, а именно представительские, выражая мнения граждан.

Однако законодательная власть в России на данный момент не всегда способна сохранять централизацию ввиду того, что сама является и средством, и объектом централизации. Следует учитывать то, что становление и развитие парламентаризма в России стало особенно сложным, многоэтапным, противоречивым и драматическим процессом.

Централизация государственной власти возможна в разных проявлениях и способах. Для современной России актуализируется вопрос о разграничении предметов ведения и полномочий между Федеральным центром и субъектами Федерации, а также о распределении предметов ведения и полномочий между федеральным законодательным органом и парламентами субъектов Федерации. В теории федерализма можно выделить два типа федеративных отношений: централизованный и нецентрализованный. В условиях централизованного федерализма власть может, с одной стороны, децентрализовать свои функции, а с другой стороны, их аннулировать (рецентрализовать). В основе распределения компетенций при нецентрализованном федерализме лежит принцип субсидиарности, при котором рецентрализация недопустима.

На современном этапе формирования федерализма государственной власти необходимо развитие централизованных, иерархических взаимодействий. Однако на данный момент принятая в России модель распределения компетенций, основанная на выделении совместного ведения РФ и ее субъектов, создает возможность вводить механизмы централизации в управлении государством и, одновременно, осуществить рецентрализацию предметов ведения с помощью их регулирования в федеральных законах. Необходимо отметить, что оставшиеся у субъектов Федерации предметы ведения и полномочия не обеспечены необходимым финансированием.

Таким образом, выявляется неоднозначность проявления централизация государственной власти в Российской Федерации для формирования демократических институтов, а именно парламентаризма. Укрепление и централизация исполнительной власти должны сопровождаться процессом совершенствования организации и деятельности федерального и региональных парламентов параллельно с созданием механизмов, поддерживающих различные властные центры в равновесном состоянии.

Литература

1. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2000. 304 с.

S.V. Ivlev

Parliamentarism as mechanism of centralization of state power in modern Russia

The article deals with the problems of centralization and decentralization in the implementation of legislative power in modern Russia. The main emphasis is placed on the problem of stabilization of the political system through the activities of the legislature.

Keywords: *parliamentarism, power, social interaction, state.*

Этика парламентаризма: сравнительный анализ этических норм и режимов парламентов зарубежных стран и России

Дан сравнительный анализ этических принципов и норм парламентаризма зарубежных стран и России. Показаны и проанализированы четыре основных параметра (фактора) парламентского этического режима. Главный акцент сделан на проблеме становления и развития этических принципов парламентаризма в современных условиях.

Ключевые слова: этика парламентаризма, этические нормы и режим.

Парламентская этика представляет собой разновидность профессиональной этики, регулирующей отношения, возникающие в ходе законотворческой, контрольной и иной парламентской и внепарламентской деятельности. Основная ее особенность состоит в том, что она регулирует отношения не только внутри корпуса парламентариев, но и с обществом и избирателями, заинтересованными в эффективной работе законодательного органа. Большое значение имеют не только характер проводимой парламентом политики, его воздействие на общественно-политическую ситуацию, но также и то, какие отношения складываются между депутатами внутри парламента, каков их морально-этический облик, принципы поведения. Особая важность внешнего поведения человека в публичной сфере состоит в том, что негативное впечатление избирателей, даже будучи ошибочным, подрывает веру в парламентаризм. Цена веры в демократию – соответствие поведения парламентариев и иных государственных деятелей высоким этическим стандартам.

Специфика должности парламентария состоит в том, что он постоянно встает перед этическими дилеммами, ему часто приходится делать нелегкий выбор между интересами страны, интересами избирателей собственного округа, интересами политическими и личными. Кроме того, парламентарии являются объектом пристального внимания средств массовой информации, политических организаций и общественности в целом. Поэтому,

прежде всего, сами парламентарии заинтересованы в том, чтобы иметь свод правил поведения и декларирования финансовой информации, который позволит им принимать верные решения и защитить себя от ложных обвинений. Следование подобному этическому режиму должно в идеале стать «второй натурой» парламентариев [1].

Эффективный полноценный этический режим призван быть для парламентариев своего рода лоцией для благополучного плавания в бурных водах большой политики. Этические кодексы задают такую систему нравственных ориентиров, которые содержат ясные рекомендации по поведению в «щекотливых» ситуациях, ясно обозначают область нравственных «табу» для парламентариев. Поскольку возможные конфликты в парламентской среде, в том числе конфликт интересов, имеют морально-этическую сторону, то использование парламентариями кодексов этики, может способствовать решению указанных проблем [2].

Сравнительный обзор этического опыта как зарубежной парламентской деятельности, так и российской показывает, что для установления и развития всеобъемлющего парламентского этического режима необходимы следующие факторы:

1) наличие общего «кодекса поведения» и/или свода принципов деятельности парламентариев, имеющих моральную силу;

2) принятие «этического кодекса» парламентариев, включающего конкретные этические нормы (в том числе четкие и прозрачные правила декларирования информации о доходах парламентариев, дополненные развернутой инструкцией с примерами «проблемных ситуаций»);

3) наличие специального органа (комитета), отвечающего за применение этических правил на практике и консультирующего парламентариев по вопросам морально-этического характера;

4) существование курсов или программ подготовки кадров по проблемам этики парламентаризма в ведущих научно-учебных центрах, а также формирование этической цифровой платформы парламентаризма (с уровня региона).

Эффективный этический режим парламентаризма означает, что парламентарии не только обязательно декларируют свои доходы, но и делают это своевременно. Жесткое ограничение по времени дисциплинирует тех, к кому они предъявлены, поэтому в большинстве стран существуют временные рамки и дополнительные параметры для декларирования финансовой информации.

В современной России, как и во многих зарубежных странах, сформировался этический режим парламентаризма, который содействует повышению эффективности парламентской деятельности. Переход к цифровой экономике и управлению повышает требования к эффективности и прозрачности парламентского этического режима.

Литература

1. Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург: Ин-т философии и права Уральского отд. РАН, 2016. 340 с.

2. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 дек. 2010 г // Официальные документы в образовании. М., 2011. № 36.

Yu.V. Irhin

Ethics of parliaments: comparative analysis of the parliaments ethics norms and treatments in the foreign countries and Russia

The article is made comparative analysis of the parliaments ethics norms and treatments in the foreign countries and Russia. Showed and analyzed four basic factors of the parliaments ethics regimen. Main accent made on the problem rise and development of the ethic basics and principles parliaments in modern time.

Keywords: ethics of parliaments, ethics norms and treatments.

Б.А. Исаяев

Роль социально-политических конфликтов в изменении партийной структуры парламентов

На основании теории Липсета–Роккана и собственных работ автора анализируются формирование и трансформация партий и партийной системы России, центрального и региональных парламентов. Сделан вывод, что в современных условиях новые партии продолжают оказывать существенное влияние на изменение парламентского ландшафта.

Ключевые слова: социально-политические конфликты, новые социально-политические расколы, российские противостояния, парламент, партийная структура парламента.

Важной частью парламента является партийная система, через которую, собственно, и образуются все действующие органы парламента: его руководство, фракции, постоянные и временные комитеты и комиссии.

Партийная система страны не принадлежит в полной мере парламента, а включена в него своей головной частью – парламентскими фракциями. Другая часть парламентских партий находится в гражданском обществе и черпает из него не только социальную энергию для своей деятельности, но и конкретные социальные факты для принятия новых законов и преобразования парламента ландшафта [1. С. 63–64].

Сеймур Липсет и Стен Роккан в 1967 г. выделили четыре основных социальных раскола (cleavage), ставших факторами формирования определенных типов политических партий и партией европейских стран, а именно: 1) центр – периферия; 2) государство – церковь; 3) сельское хозяйство – промышленность; 4) собственники – рабочие [2. С. 228].

Комбинация этих расколов придавала определенное своеобразие парламента ландшафту каждой европейской страны. В дальнейшем с переходом к постиндустриальному и информационному обществу в европейских странах, включая Россию, наблюдается существенное изменение социальной структуры, отношений между городом и деревней, между центром и пери-

ферией. Это не только подчеркивает роль размежеваний, указанных в теории Липсета–Роккана, но и, по нашему мнению, дополняет их новыми конфликтами:

– во-первых, *экологическим конфликтом*, под действием которого с 1980-х гг. в Европе формируются экологические партии [З. С. 430]. В России также существует несколько партий защиты окружающей среды, созданных в 1990–2010-х гг.: Российская партия Зеленых (РПЗ), в которую вошла региональная Партия Зеленых Петербурга, леворадикальная Лига Зеленых партий (ЛЗП), Российская экологическая партия (РЭП) и др. В современной России, ввиду наличия у нее огромных природных ресурсов, не находящихся под угрозой уничтожения, экологические партии и движения еще не проявили себя как фактор трансформации политической и парламентской системы, но их политический потенциал постоянно растет;

– во-вторых, расколом *демократия – авторитаризм*, т.е. противостоянием между сторонниками дальнейшей демократизации и приверженцами несменяемости и авторитетности руководства. В России под действием этого конфликта сформировались, с одной стороны, несколько партий и движений демократической направленности (Демократическая партия России, Демократический выбор России и др.), с другой – партий авторитарной направленности (ЛДПР и др.);

– в-третьих, расколом *глобализация – антиглобализация*, который формирует, с одной стороны, партии, выступающие за дальнейшее развитие процесса глобализации, с другой – протестные движения антиглобалистов. Этот раскол в России еще не сформировал организованную политическую партию, хотя российские антиглобалистские группы участвовали в акциях протеста, в том числе в составе протестного движения 2011–2013 гг.;

– в-четвертых, расколом *коренные жители – мигранты*, который проявляет себя как противостояние между населением стран, принимающих мигрантов, и гастарбайтерами и формально может считаться следствием предыдущего конфликта. Но в последнее время он так быстро разрастается, что приобрел са-

модостаточность. В России этот конфликт находится в латентной стадии, хотя эпизодически и проявляет себя явно.

Указанные в теории Липсета–Роккана и появившиеся за последующие пятьдесят лет социальные размежевания для адекватного понимания партийного генезиса в каждой стране должны быть дополнены своими, особенными расколами, вызванными действием собственных социально-политических проблем [4. С. 62].

В России это, во-первых, противостояние демократов и коммунистов середины 1980–2000-х гг. по поводу смены политической, идеологической, экономическо-социальной системы, причем активной и наступающей стороной, выступающей за перемены, были демократы, а активной, но обороняющейся стороной, ратующей за сохранение старой советско-коммунистической системы, – коммунисты.

Второе российское противостояние 2010-х гг., которое сегодня мы можем наблюдать, отражает социально-политический конфликт между новыми российскими «патриотами» и старыми российскими «либералами», защищающими идеологические устои Запада. Второе российское противостояние вряд ли можно назвать большим, ибо силы явно неравны: патриоты во всех идеологических спорах, устраиваемых на различных каналах радио- и телевидения, побеждают с явным преимуществом.

Если первое противостояние вызвало к жизни демократические политические партии и смену всей партийно-политической и парламентской системы, то второе, ввиду его малой интенсивности, широты охвата, повышенных порогов партийной деятельности, не стало существенной политической силой, не создало влиятельных политических партий.

В заключение следует отметить: несмотря на то, что «старые» расколы и соответствующие им «старые» партии оказали решающее влияние на процесс российского парламентаризма и смену партийно-политической системы в России (1991 г.), «новые» общеевропейские и собственно российские расколы, поляризующие современное российское общество, практически не повлияли на его парламентскую и партийную структуру, как в центре, так и в регионах. Но действие «новых» факторов партийного

генезиса продолжается и накапливается, так что в дальнейшем оно может проявиться в трансформации как партийных, так и парламентских структур.

Литература

1. Исаев Б.А. Теория политической системы // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С. 57–69.

2. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем: Сб. науч. тр. / ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина, А.Н. Кулик. М.: РАН; ИНИОН; Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. полит. науки; Рос. ассоц. полит. науки, 2004. С. 204–234.

3. Исаев Б.А. Практическая партология. Генезис партий и партийно-политических систем. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. 514 с.

4. Сейле Д.-Л. Применимы ли размежевания Роккана к Центральной Европе? (Реферат) // Политическая наука. Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем: Сб. науч. тр. / ред. и сост. Е.Ю. Мелешкина, А.Н. Кулик. М.: РАН; ИНИОН; Центр социал. науч.-информ. исслед. отд. полит. науки; Рос. ассоц. полит. науки, 2004. С. 56–63.

B.A. Isaev

The role of socio-political conflicts in changing the party structures of parliaments

Based on the theory of Lipset-Rokkan and own developments of the author examines the formation and transformation of political parties and the party system in Russia, central and regional parliaments. Concluded that new parties continue to exert considerable influence on changing the parliamentary landscape.

Keywords: socio-political conflicts, new socio-political divisions, the Russian opposition, the Parliament, the party structure of the Parliament.

К вопросу о специфике современного парламентаризма

Существует мнение о том, что парламентаризм исчерпал свою историческую миссию. Однако сегодня институт парламентаризма существует в политической системе большинства стран мира. Естественно, в каждом обществе данный институт имеет свою специфику, что актуализирует проблему, поднятую в данной статье.

Ключевые слова: парламентаризм, исполнительная власть, политические партии, уровень доверия к парламентаризму.

Современный парламентаризм испытывает немало трудностей, вызванных как объективными, так и субъективными причинами, которые определяют его специфику.

Во-первых, современный парламентаризм функционирует в условиях дисбаланса полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти в пользу последней. Исполнительная власть через патронируемое ею партийное представительство контролирует парламентские процедуры, подчиняя их своему влиянию. Например, «в вопросе контроля над расходами правительства английский парламент не всегда имеет возможности узнать о суммах или источниках правительственных займов или о том, на что конкретно были израсходованы деньги» [1. С. 279]. С целью сохранения контроля над парламентским учреждением исполнительная власть не отказывается и от неформальных методов – к примеру, стимулирование членов парламента посредством рекомендации на должности, обещание карьерного роста или других преференций.

Кроме того, исполнительная власть располагает всеми необходимыми ресурсами, которые позволяют ей оперативно реагировать на любую ситуацию в обществе. Поэтому в обыденном сознании создается искаженный образ исполнительной власти, всемогущей, реально управляющей силы, создающей законы. Значительную роль в формировании негативного отношения к парламентаризму и укреплении положительного образа испол-

нительной власти в массовом сознании играют СМИ, в особенности те, которые находятся в непосредственной зависимости от органов исполнительной власти.

Во-вторых, взаимоотношения между парламентом и политическими партиями строятся таким образом, что именно политические партии занимают доминирующее положение в политической жизни общества.

Очевидно, парламентские процедуры практически во всех развитых странах полностью контролируются политическими партиями, что существенно повышает их значение и авторитет. Партийные мероприятия получают больше внимания со стороны СМИ, нежели парламентские учреждения. Акцентирование внимания на партийной жизни делает парламент менее заметным в официальной политике. Эта специфика также проявляется через практику воздействия на парламент различных групп давления, которые добиваются проведения через парламент выгодных для себя законопроектов.

В-третьих, данные многочисленных социологических опросов свидетельствуют о повсеместном снижении доверия к парламентским институтам. Так, по данным Международного межпарламентского союза, в США самый низкий показатель доверия к Конгрессу был отмечен в ноябре 2011 г. и составлял 9%. В Восточной Европе, например, в 2009 г. парламенту доверяли в Латвии – 11%, Литве – 8%, в Западной Европе рейтинги одобрения колебались от 46% в Германии до 21% в Испании [2. С. 11]. Данная особенность парламентаризма раскрывается через изучение структуры ценностей общества. В экономически развитых государствах с устойчивой политической системой и развитым гражданским обществом граждане ориентированы на достижение личного успеха и мало интересуются политикой. Западное общество, характеризующееся индивидуализацией жизни, идеализирует успехи индивида, высоко оценивает личные достижения. На этом фоне победа президента для западного человека является олицетворением стремления к достижению поставленной цели, и неслучайно общественное мнение более благосклонно к

исполнительной власти, особенно в переходных периодах, нежели к законодательным органам.

В-четвертых, специфику парламентаризма на современном этапе также определяют наднациональные способы осуществления политики и управления через международные организации и транснациональные корпорации, которые существенно ограничивают парламент в его полномочиях, особенно в вопросах внешней политики. В условиях глобализации исполнительная власть все активнее идет на компромиссы в переговорах с другими странами, объясняя свою линию как проявление заботы о национальных интересах и гибкости в переговорных процессах.

В-пятых, на специфике современного парламентаризма отражаются и его собственные недостатки. К недостаткам, которые не являются системными, можно отнести факты коррупции, преобладание личных, узкогрупповых интересов в ущерб общенациональным, разрыв со своими избирателями. В качестве недостатка парламентаризма можно назвать и его неэкономичность, поскольку прямые и косвенные расходы на формирование, содержание и обеспечение его деятельности с каждым годом растут. Эти трудности, которые порой дискредитируют парламентаризм, преодолимы.

В заключение отметим, что «несмотря на имеющиеся трудности, институт парламентаризма таит в себе огромный конструктивный потенциал. В большинстве стран современного мира парламентские институты стали органической частью государственного механизма. Попытки подменить институт парламентаризма, сосредоточить всю полноту власти в руках исполнительной власти – это шаг назад, в условиях неоднородности общества чреватый социальными конфликтами с непредсказуемыми последствиями» [3. С. 36].

Литература

1. Кин Д. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс – Традиция. 2001. 400 с.
2. Глобальный парламентский отчет: Изменяющийся характер парламентского представительства. Ташкент: Vaktria press, 2012. 133 с.

3. Керимов А.А. Современный парламентаризм: особенности и проблемы развития // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 30–36.

A.A. Kerimov

On the specifics of modern parliamentarism

There is a view that the parliamentary system had exhausted its historic mission. However, today the institution of parliamentarism exists in the political system of most countries of the world. Naturally, in each society this institution has its own specifics, which actualizes the problem raised in this article.

Keywords: parliamentary system, Executive power, political parties, the level of confidence in the parliamentary system.

И.В. Кирдяшкин

**Парламентаризм как способ «когнитивного открытия»
политической культуры**

Анализируется парламентаризм как способ «когнитивного открытия» политической культуры, открытия обществу, познания его в контексте процессов эволюции сознания, образов мышления и деятельности человека.

Ключевые слова: парламентаризм, когнитивные истоки политической культуры.

Парламентаризм как одна из современных идеологий и символических форм политической жизни общества является производной политической культуры. Она, в свою очередь, выступает частью общества как закрытой на уровне смыслов и форм, возможностей самовоспроизводства системой коммуникаций. При этом данная закрытость, относящаяся и к политической культуре как процессу символизации способов коммуникации, не герметична. Она связана с общественной жизнью через открытость сознания индивида, которая, как считает Н. Луман, трансцендирует любой социальный опыт [1. С. 294–295]. В этом плане парламентаризм придает политической культуре возможность «когнитивного открытия», т.е. выступает ее многообразным, имеющим множество настроек и методов способом познания общества, переработки новой информации.

В этом плане парламентаризм как рассредоточенное символическое пространство проявления, место встречи и взаимопроникновения разных проекций организации власти в социуме, позиций его «наблюдения» выполняет роль способа «когнитивного открытия» политической культуры, познания общества, происходящего в контексте эволюции сознания, познавательных свойств личности. Поэтому данная «открытость» селективна, соразмерна личности человека. «Открытость» осуществляют структуры сознания, детерминированные окружающим, повседневным символическим пространством становления личности,

в которое она «погружена» на уровне социальных взаимодействий, когнитивно-образовательных и телесных практик, общественно-идеологического контекста жизни человека в социуме. При этом инструментами познания политической культурой общества выступают, в том числе, создаваемые правовые регламенты и договорные схемы соотношения разных «позиций наблюдения» общества в парламентской деятельности, выступающие видоизменяющейся оптикой видения, интерпретации социальности.

В этом плане парламентаризм выступает одним из способов самокоррекции политической культуры, инициирующимся ростом разнообразия, одновременности, увеличением векторов эволюции и символических посредников образования познавательных свойств граждан. При всем этом вышеуказанная самокоррекция и акт познания общества событийны. Они происходят в контексте возникновения определенных тематик социальных коммуникаций, которые предопределяют политические события как единичные, сингулярные отклонения от нормы в работе политической организации общества, в парламентской практике. Как считают исследователи, базовым истоком политического события выступает ситуация, когда на коллективном уровне проблематизируются, оспариваются фундаментальные нормы человечности, морали и права, а втянутые в событие люди вынуждены занимать ту или другую сторону [2. С. 16]. Данные ситуации возникают под давлением дифференциации образов мышления и деятельности индивидов, быстрых темпов развития технологической компоненты участия человека в организации общества.

Возникновение данных проблем в политической повестке, деятельности парламентской системы власти требует соответствующего общекультурного контекста и вектора становления личностей, включая образовательный. При этом данный контекст имеет разные модификации. Фундаментальные нормы человечности, морали и права проблематизируются, оспариваются обществом в контексте собственной истории, социально-исторического опыта. Он ограничивает политическую событий-

ность, составляет средство селекции возможностей познания социума, проявляющееся в разных институциональных, правовых формах деятельности парламентской системы.

В целом современный парламентаризм в своей деятельности выступает способом преодоления информационного дефицита «закрытого» от влияния внешнего мира аутопойезиса политической культуры, «защищающим» ее от дефицита смыслов и ценностей, знаний и представлений о обществе, катализирующих обновление ее ценностно-нормативного и проектно-коммуникативного потенциалов, помогающих ей выполнять свои функции в обществе.

Литература

1. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 630 с.
2. Савин Н.Ю. Политическая теория и понятие политического // Полития. 2019. № 1. С. 6–22.

I.V. Kirdjashkin

Parliamentarism as a way “cognitive opening” of political culture

Parliamentarism as a way “cognitive opening” of political culture, opening to a society, its knowledge of a context of processes of evolution of consciousness, mentalities and activity of the person is analyzed.

Keywords: parliamentarism, cognitive sources of political culture.

С.Н. Кошкина, Л.И. Остринская

**Пути совершенствования информационной поддержки
деятельности регионального парламента
через моделирование процессов цифровой экономики**

Предложено совершенствование информационной поддержки деятельности парламента через моделирование существующих процессов цифровой экономики с целью их дальнейшей автоматизации и формирования емкого информационного пространства. Дан пример модели бизнес-процессов задачи выбора товара покупателем.

Ключевые слова: региональный парламента, моделирование бизнес-процессов, информационное пространство, цифровая экономика.

Для решения стоящих перед региональным парламентом задач по содействию экономическому росту и социальному развитию необходимо совершенствовать его информационную поддержку. Комитет по экономической политике наряду с другими важными направлениями деятельности способствует формированию и реализации промышленной политики и развитию предпринимательства [1]. Для обеспечения экономического роста необходимо разрабатывать и внедрять новейшие отечественные ИТ-разработки, способствующие повышению качества жизни. Нами разработана информационная модель бизнес-процесса формирования информации, необходимой для принятия решения о покупке (применимой как в розничной или оптовой торговле, так и при заключении внешнеторговых контрактов и др.). Модель может лечь в основу исследований в области моделирования процессов для различных задач с целью дальнейших разработок программного обеспечения, необходимого при решении актуальных экономических и социальных проблем [2. С. 210]. В предметной области исследования – процессы, связанные с возможностью использовать маркировку товаров и данные из информационных систем для принятия решения о приобретении товара. Формируемое таким образом информационное пространство субъектов потребительского рынка позволит сформировать

ровать область для хранения больших данных, применение которых поможет моделировать эти и другие процессы, в итоге – решать задачи регулирования деятельности товаропроизводителей и потребителей. Эти вопросы в научной литературе практически не разработаны, но они становятся основополагающими при решении задач цифровизации в России.

Проведенный анализ выявил возможности применения технологии сканирования мобильным устройством данных с их последующей расшифровкой по запросу потребителя, а также получения разнообразной информации о приобретаемом товаре [3. Р. 012017]. Рекомендуемые нами информационные технологии помогут влиять на обоснованность решения о покупке, в определенной мере решить вопросы защиты рынка от фальсифицированной и контрафактной продукции. Модель бизнес-процесса может быть применена для разработки информационно-советующей среды, использующей формируемые в системе данные о ключевых показателях качества товаров [2. С. 209].

Дальнейшее развитие и описание предметной области задачи и формируемая системой область данных позволят решать огромный спектр задач, в том числе стоящих перед парламентами региона. Полученное информационное пространство поможет обеспечить необходимой информацией органы власти и на этой основе влиять на потребности, формировать программы государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, а также способствовать созданию благоприятных условий для развития предпринимательства и привлечения инвестиций в региональные проекты.

В условиях развития цифровой экономики важно правильно сформировать цифровое пространство и разработать системы, которые помогут объединить и интегрировать имеющиеся информационные ресурсы. Поэтому моделирование бизнес-процессов этой области позволит разработать будущую архитектуру систем и данных, способную формировать любой информационный срез, предоставлять по запросу информацию, необходимую для принятия различных решений. Для развития проектов цифровой экономики важно создавать информацион-

ные системы на основе правильно организованных моделей данных, и их проработка позволит избежать «хаоса» в применяемых информационных средах, даст возможность всем вертикалям и горизонталям власти владеть достоверными данными, а значит, управлять реальной экономикой, способствовать решению парламентариями актуальных для общества задач.

Литература

1. Разграничение предметов ведения между комитетами Законодательной Думы Томской области // Законодательная Дума Томской области. URL: <https://duma.tomsk.ru/document/view/14> (дата обращения: 28.03.2019).

2. Кошкина С.Н., Остринская Л.И. Стандартизация маркировки качества товаров в условиях глобализации // Метрология, стандартизация, качество: теория и практика: материалы междунар. науч.-техн. конф. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 206–211.

3. Koshkina S.N., Ostrinskaya L.I. Development of the information model for consumer assessment of key quality indicators by goods labelling // Journal of Physics: Conference Series. 2018. Vol. 998, № 1. P. 012017.

S.N. Koshkina, L. I. Ostrinskaya

The information support ways for the regional Parliament activities through of the digital economy modeling processes

The information support ways are proposed for the regional Parliament activities through of the digital economy modeling. Recommendations are given for their further automation and formation of a capacious information space. The business process model example is given for the buyers product selection.

Keywords: regional parliament, business process modeling, information space, digital economy.

Город как площадка постсовременной гражданской культуры¹

Автор рассматривает концепт гражданской культуры и причины его реализации на уровне городского сообщества в постсовременности.

Ключевые слова: гражданская культура, постсовременность, город, коммуникация.

Термин «гражданская культура» заимствован у Алмонда и Вербы, которые использовали его для обозначения такой политической культуры, которая конгруэнтна демократической политической системе [1. С. 38]. Однако я произведу его анализ с позиции коммуникативного подхода, в рамках которого одной из основных черт гражданской культуры является умение граждан вести обсуждение и понимать друг друга, т.е. договариваться.

Употребляя в связке с «гражданской культурой» прилагательное «постсовременная», я обращаю внимание на период истории, когда особенно сильно проявляется ряд тенденций, ведущих к усложнению и диверсификации коммуникативных потоков в обществе в глобальных масштабах. Во-первых, это глобализация, которая, по меткому выражению Г.М. Маклюэна, сжимает мир до глобальной деревни, т.е. позволяет выстраивать сложные кросснациональные связи, практически игнорируя физические границы [2. С. 7–8]. Во-вторых, это всемирное распространение Интернета, который меняет характер массовой коммуникации, превращая пассивную аудиторию в соавторов. В-третьих, это сдвиг ценностей, ведущий к тому, что З. Бауман назвал «индивидуализированным обществом» [3. С. 44]. В-четвертых, это возрастание роли гибкой коммуникации сетевого типа по сравнению с относительной жесткой и устойчивой институциональной. Как результат этих четырех тенденций – культура (если понимать под ней социальную коммуникацию)

¹ Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФФ № 19-011-31231 «Политическая социализация молодежи в университетских городах».

дифференцируется, что делает труднореализуемым не только само демократическое обсуждение, но и представительство интересов.

В качестве интегратора я предлагаю рассматривать город или иное территориальное поселение. Город обладает следующими характеристиками, которые делают его хорошим кандидатом на эту роль. Прежде всего, город – это фактическое сообщество, имеющее пространственное выражение и собственную идентичность. Как следствие, потенциальные коммуниканты находятся в непосредственной близости друг к другу, а город выступает субпосредником, связывающим горожан через общее значимое пространство. Более того, можно выделить ряд общих интересов, затрагивающих всех или подавляющее большинство резидентов. И, наконец, не стоит забывать, что сегодня город включен в мировую конкуренцию за ресурсы и влияние, что актуализирует для него как сообщества необходимость мобилизации собственного потенциала, включая социальную креативность. Кроме того, город сегодня подвергается управленческим вызовам под влиянием таких процессов, как миграция и урбанизация, которые ведут к проблемам, связанным с мобильностью, безопасностью, стабильностью и многим другим. Стремление ответить на эти вызовы ведет к возникновению ряда подходов, которые, хотя и существуют под разными названиями, можно свести к концепту «умного города», если понимать под ним зонтичный термин для различных проектов, заставляющих город функционировать лучше.

Однако даже тщательно продуманное с технологической точки зрения пространство рискует оказаться невостребованным, если при его проектировании не учитывается практическое взаимодействие с этим пространством их предполагаемых обитателей. Соприкосновение людей с окружающей средой опосредованно культурой и реализуется посредством сложной совокупности рациональных, эмоциональных, ценностных, т.е. субъективных, факторов. Сказанным во многом обосновывается необходимость включать горожан в проектирование городской среды. Другими словами, постсовременному городу нужны не

только технологии, но и умные горожане, которые выступают в роли соавторов. А поскольку от горожан потребуется вступить во взаимодействие и обсуждение (т.е. создавать «умные сообщества»), то это вновь актуализирует вопрос о построении гражданской культуры – такой культуры, носители которой могли бы вступать в эффективную (с точки зрения взаимопонимания) коммуникацию.

На этом основании я могу утверждать, что гражданская культура может рассматриваться как проект, продиктованный вызовами времени и связанный с практическими задачами, а не только лишь как демократическая ценность.

Литература

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014. 500 с.

2. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / пер. с англ. В. Николаева. Москва; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.

3. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Krasnoperov A.Yu.

City as a platform for post-modern civic culture

The author considers the concept of civic culture and the reasons for its implementation at the level of the urban community in the post-modernity.

Keywords: civil culture, post-modernity, city, communication.

И.А. Кузьмин

К вопросу о формировании и функционировании системы просвещения в области прав человека

Анализируются сущностные аспекты просвещения в области прав человека. Предложена поэтапная модель формирования и функционирования системы правового просвещения. Раскрыты ориентиры-индикаторы развития системы правового просвещения.

Ключевые слова: правовое просвещение, система правового просвещения, ориентиры системы правового просвещения.

«Просвещение в области прав человека» – разносторонняя категория, адекватное понимание которой в единой системе координат невозможно. Отмечая комплексный характер правового просвещения, И.Г. Долинина и Е.А. Шакирова видят в нем интегративный процесс одновременного осуществления образовательной и просветительской деятельности [1. С. 50]. Если проанализировать наиболее востребованные смыслы данной категории в ее содержании, можно увидеть следующие интерпретации:

– программное политико-правовое установление публичными органами и организациями правил и принципов осуществления коммуникативно-трансляционного воздействия на общество и отдельные его элементы по распространению правовых знаний и правовой культуры, развитию правосознания (нормативно-статический аспект) (см.: [2]);

– систему (состав) публичных органов и организаций, уполномоченных на осуществление просветительской деятельности в области прав человека и их компетенцию по осуществлению соответствующих мер (организационно-статический аспект) (см.: [3]);

– совокупность правовых знаний и опыта, подлежащих распространению между субъектами права для достижения необходимого уровня правовой культуры и правосознания (идеологостатический аспект) (см.: [4]);

– деятельность публичных органов и организаций по реализации политико-программных документов в области распространения правовых знаний и правовой культуры, развития правосознания, а также результаты соответствующей деятельности (динамический аспект, посредством которого достигается развертывание всех предшествующих статических аспектов) (см.: [5]).

Необходимость учета всех перечисленных выше смыслов правового просвещения вызвана потребностью публичных образований (прежде всего, государства и органов местного самоуправления) в достижении качественного результата при формировании правовой культуры и правосознания населения в условиях социально-неоднородного и динамично развивающегося общества. Моделирование системы правового просвещения требует реализации целого ряда этапов, последовательно раскрывающих внутреннюю сущность правового просвещения и обеспечивающих ее эффективность:

1) выявление актуальных направлений правового просвещения в области прав человека, исходя из сложившейся ситуации, на основе обобщения материалов правоприменительной практики – сбора, обработки и анализа необходимой информации;

2) формирование содержания (объема) и мер (форм и способов) правового просвещения, их систематизация (ранжирование, дифференциация и др.);

3) определение системы субъектов (прежде всего, публичных органов и организаций), уполномоченных осуществлять правовое просвещение в области прав человека и наделение их необходимыми ресурсами с одновременным определением иных субъектов (некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества), которые могут способствовать данной деятельности;

4) создание и внедрение апробированных методик (инструкций) по осуществлению правового просвещения для исполнителей;

5) осуществление уполномоченными субъектами просветительской деятельности в тесном взаимодействии с институтами гражданского общества;

6) контроль промежуточных и итоговых результатов просветительской деятельности, а также оценка ее эффективности;

7) учет допущенных ошибок (иных проблем) в предшествующей просветительской деятельности и ее совершенствование / актуализация для дальнейшего использования.

Субъекты, осуществляющие правовое просвещение в области прав человека, будь то публичные органы или некоммерческие организации соответствующего профиля, должны неизменно ориентироваться на социальные проблемы и проявления гражданского общества, возникающие на их основе. К примеру, важность жилищно-коммунальных услуг для населения и имеющиеся в этой сфере дефекты законодательства и сложности право-реализации, коррупционные и иные факторы являются мощным стимулом для сплочения общественности «в борьбе» за повышение качества данных услуг и против искусственного завышения их стоимости. Неудивительно, что на этой основе нередко создаются комитеты жильцов, общественные организации (общества защиты прав потребителей, ТСЖ), жители начинают проявлять внимание к общественным слушаниям и многое другое [6]. Повышенный интерес у населения нередко вызывают особенности применения законодательства о юридической ответственности [7. С. 71–77].

На основе изложенного становится очевидным, что правильное ориентирование системы просвещения в области прав человека и ее поэтапное формирование и функционирование с учетом понимания сути просветительской деятельности – залог успешной реализации важнейшей государственной задачи по повышению правовой культуры и правосознания населения.

Литература

1. Долинина И.Г., Шакирова Е.А. Правовое просвещение: концептуальные основы // Высшее образование сегодня. 2013. № 3. С. 49–52.

2. Об утверждении государственной программы Иркутской области «Развитие юстиции и правовой среды» на 2019–2024 годы: Постановление Правительства Иркутской области от 01.11.2018 г. № 795-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2019).

3. Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека: Указ Президента РФ от 03.12.2018 № 691 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2019).

4. Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию: Приказ Генерального Прокурора Российской Федерации от 02.08.2018 г. № 471 // Законность. 2018. № 9 (1007). С. 70.

5. Об итогах областного конкурса среди муниципальных библиотек Иркутской области по повышению правовой культуры избирателей «Роль библиотек в правовом просвещении избирателей»: Постановление Избирательной комиссии Иркутской области от 14.12.2007 г. № 131/1773 // Вестник Избирательной комиссии Иркутской области. 2008. № 2 (92). С. 27.

6. Решение общественных слушаний «Информационная политика в жилищной сфере: обязанность государства, бизнеса или общества?» // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2009. № 2. С. 53–54.

7. Кузьмин И.А. Проблемы и перспективы просвещения граждан относительно правовой политики России в сфере юридической ответственности // Конституция Российской Федерации и правовая политика на современном этапе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.М. Якимова. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. Ч. 1. С. 71–78.

I.A. Kuzmin

To the issue of formation and functioning of the education system in the field of human rights

The essential aspects of human rights education are analyzed. A phased model of the formation and functioning of the legal education system is proposed. Guidelines for the development of legal education system are disclosed.

Keywords: legal education, legal education system, guidelines for legal education system.

М. Мартинкович

Развитие политико-партийного пространства в контексте местных выборов в Словацкой Республике (2010–2018 гг.)

Рассмотрена конфигурация политико-партийного пространства на местном уровне в Словацкой Республике. Отмечаются электоральный тренд независимых кандидатов и систематичное снижение уровня политического доверия к партийным субъектам на локальном уровне.

Ключевые слова: политико-партийная система, коммунальные выборы, Словакия.

Словацкая партийная система со времен внедрения политического плюрализма в 1989 г. на общенациональном уровне развивалась в формате крайнего плюрализма (следуя логике Дж. Сартори). Этот партийный формат, особенно с 1991 г., отражает в словацкой политике тип межпартийной конкуренции, близкий к форме поляризованного плюрализма, при котором партии формируются обычно с двух политических блоков [1]. Такое состояние партийной системы было свойственно до последних парламентских выборов 2016 г., по результатам которых общее представительство партий в Национальном Совете Словацкой Республики возросло до восьми субъектов. Оппозиция была идеологически поляризована из-за деятельности антисистемного и экстремистского субъекта «Народная партия – наша Словакия» [2. S. 78].

Атомизация партийной системы в Словацкой Республике увеличивается также и на уровне местной политики. Это подтверждает систематический успех так называемых независимых кандидатов (НЕКА) на местном уровне – посты депутатов и мэров городов. В Словакии используется практика, подобная неограниченному голосованию (unlimited vote). Избиратель владеет таким количеством голосов, сколько предложено мандатов в округе, без возможности кумуляции [3].

Увеличение электорального успеха независимых кандидатов и маргинализация местных (региональных) партийных структур

стали следствием нескольких факторов. В первую очередь, это поправки к законодательству о выборах в национальный парламент в 1998 г. Введение единого избирательного округа на парламентских выборах способствовало централизации и элитизации политических партий. В сочетании с коррумпированным поведением политических элит на национальном уровне и снижением политической ответственности сложившаяся ситуация приводит к росту недоверия к политическим партиям. В итоге закладываются основы развития атомизированной партийной системы. Формируются менее прозрачные и эффективные процессы принятия политических решений. Следствием этих трендов в электоральном развитии является постепенное развитие клиентистских партий, которые приводят к так называемому клиентистскому парламентаризму [4. S. 206].

Такое развитие партийной системы способствует поддержке гражданами на местном уровне независимых кандидатов. В частности, на муниципальных выборах 2010 г. общая доля успеха независимых кандидатов увеличилась с 13,46% (2 892) в 2002 г. к 22,66% (4 764) депутатских мандатов. По отношению к старостам сел и мэрам городов также свойственна позитивная тенденция роста: с 32,66% (951) в 2002 г. к 33,67% (979) в 2010 г. На местных коммунальных выборах 2014 г. общее число независимых депутатов снова возросло, достигнув 28,91% (6 000) мандатов, а на уровне мэров – 37,95% (1 104). Возрастающее уровня поддержки независимых кандидатов не прекратилось на последних коммунальных выборах 2018 г., когда НЕКА получили 35,36% (7 301) мандатов. На уровне старост сел НЕКА получили 42,42% (1 232) мандатов, что составляет более 2/5 всех мандатов [5].

Из политических партий после результатов НЕКА на местном уровне наиболее эффективно закрепились партия SMER-SD. После SMER-SD на коммунальных выборах наибольшей поддержкой пользуются KDH, SNS, SMK, MOST-HÍD. Действующие парламентские партии, как SME-RODINA Бориса Коллара, SaS, OĽaNO-NOVA, K-ĽS NS, в 2018 г. в общей сложности получили менее 1% мандатов.

Возрастающий электоральный тренд независимых кандидатов на местном уровне напрямую коррелируется с уровнем недоверия к политическим партиям. Таким образом, на уровне коммунальной политики в Словакии постепенно нивелируются необходимые условия для развития гражданского участия, реализованные в организационных функциях политических партий. После 30 лет изменения политического режима в Словакии в 1989 г. может случиться так, что возрастающая поддержка независимых кандидатов и институциональный кризис политических партий могут привести к углублению политического неравенства или формированию антисистемных политических субъектов и функционирующей клиенталистской демократии [4. S. 215].

Литература

1. Sartori G. Strany a stranické systémy. 1. vyd. Brno: CDK, 2005. 468 s.
2. Kubát M. Politická opozice v teorii a středoevropské praxi. 1. vyd. Praha: Dokorán, 2010. 200 s.
3. Chytilík R., Šedo J., Lebeda T., Čaloud D. Volební systémy. Praha: Portál, 2009. 376 s.
4. Klíma M. Od totality k defektní demokracii. Praha: SLON, 2015. 365 s.
5. Štatistický úrad Slovenskej republiky // Statistický úrad Slovenskej republiky. URL: <http://volby.statistics.sk/oso/oso2018/sk/data01.html> (дата обращения: 19.02.2019).

M. Martinkovič

Evolution of the Political and Party Environment in Slovakia in the Light of 2010–2018 Local Elections

The author contemplated configuration of the local level of political and party environment in Slovakia. The electoral trend of independent candidates and systematic decrease in the level of trust to political actors at a local level have been pointed out as its two key peculiarities.

Keywords: political and party system, local elections, Slovakia.

Е.В. Матвеева, Р.Ю. Клейстер

**Современная динамика функционирования
института регионального парламентаризма
(на примере Кемеровской области)**

Уделяется внимание особенностям функционирования института регионального парламентаризма на примере Совета народных депутатов Кемеровской области. Анализируются сформировавшиеся особенности парламентаризма и новые тенденции, получившие развитие после выборов сентября 2018 года.

Ключевые слова: регион, региональный парламентаризм, политическая элита.

Современный этап развития регионального парламентаризма является результатом развития политического истеблишмента, осуществляющего руководство исполнительной и законодательной региональной властью. Кемеровская область до недавнего времени представляла собой регион с четко выстроенной авторитарной системой властной вертикали, с характерными признаками практически полной подконтрольности законодательной ветви власти (регионального парламента и парламентов муниципалитетов) исполнительной в лице губернатора.

Однако прошедшие в сентябре 2018 г. выборы главы региона и парламентариев Совета народных депутатов Кемеровской области ознаменовали новую страницу в политическом развитии региона. Изменился не только состав парламента, но и появились новые формы работы парламентариев с населением, а сам формат работы парламента стал более «доступным» в освещении СМИ для населения. В рамках данной статьи авторы ставят задачу проанализировать особенности и новые тенденции в развитии законодательного органа власти Кемеровской области.

Региональный парламента Кемеровской области был сформирован в марте 1994 г. На данный период времени выработана устойчивая нормативно-правовая база, регламентирующая компетенции Совета народных депутатов Кемеровской области, ко-

торая определяется Конституцией РФ, федеральным законодательством, Уставом и законами Кемеровской области [1]. На рис. 1 представлено количество законов, принятых парламентом за период с 2008 по 2018 г. Наибольшее количество законов было принято в 2010, 2011 и 2013 гг., что приходится на деятельность Совета народных депутатов третьего созыва (2008–2013 гг.). Достаточно высокий показатель деятельности следует отметить в работе депутатов второго созыва (2003–2008 гг.) – свыше 840 законов по Кемеровской области [2].

С момента своего создания и до настоящего времени основной задачей законодательной власти является совершенствование правовой системы региона в вопросах экономики, социальной сферы, развития гражданского общества и его институтов в форме общественных инициатив, что особенно важно в условиях принятой «Стратегии развития Кемеровской области до 2035 года», направленной на придание «статуса Кузбассу региона № 1 за Уралом».

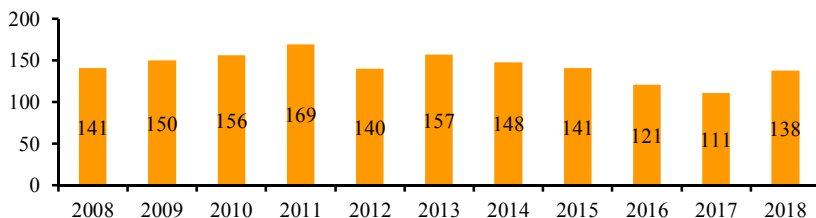

Рис. 1. Итоги законодательной деятельности Совета народных депутатов Кемеровской области за 2008–2018 гг.

Состав депутатского корпуса Совета народных депутатов Кемеровской области пятого созыва по итогам выборов 9 сентября 2018 г. стал более представительным по сравнению с прежними созывами. Из 46 мандатов 39 в Совете у партии «Единая Россия», по два депутатских места у ЛДПР, КПРФ и «Справедливой России», один мандат – у «Патриотов России». Данный состав позволил зарегистрировать в составе Совета 5 фракций. Как считает вице-спикер парламента Юрий Скворцов, «многопартийность областного Совета позволит макси-

мально объективно подходить к процессу законотворчества, учитывая интересы разных электоральных групп» [3].

В числе новых тенденций, определяющих современный этап развития парламентаризма в Кузбассе, следует отметить несколько: составление рейтингов депутатского корпуса по итогам ежемесячной работы в парламенте, комитете и избирательном округе; информационное освещение деятельности депутатов не только на официальном сайте регионального парламента, но и на страницах в социальных сетях; объезд территории муниципального образования вместе с главой муниципалитета. Продолжена практика работы депутатов на своем избирательном округе, в том числе с обращениями граждан.

Итак, включение новых форм работы в деятельность депутатского корпуса – это поиск дополнительных возможностей дальнейшего совершенствования работы парламента, в первую очередь через применение информационных технологий, и одновременно способ придания уже традиционным формам работы с электоратом большей эффективности в решении острых социально-экономических проблем населения.

Литература

1. Правовая основа деятельности Совета народных депутатов Кемеровской области // Совет народных депутатов Кемеровской области. URL: <http://www.sndko.ru/o-sovete/pravovaya-osnova-deyatelnosti/> (дата обращения: 20.01.2019).

2. Отчет об исполнении примерного плана законодательной деятельности СНД Кемеровской области за 2018 г. // Совет народных депутатов Кемеровской области. URL: <http://www.sndko.ru> (дата обращения: 20.01.2019).

3. В кузбасском парламенте зарегистрированы еще 4 депутатских объединения // Совет народных депутатов Кемеровской области. URL: <http://www.sndko.ru/sobytiya-soveta/novosti/novosti-soveta/552.html> (дата обращения: 20.01.2019).

E.V. Matveeva, R.Y. Kleyster

Current dynamics of the functioning of the regional parliamentarism institutions (based on the example of Kemerovo Region)

The paper is focused on the peculiarities of the functioning of the regional parliamentarism institutions exemplified by the Council of People's Deputies of Kemerovo Region. The author analyzes the peculiarities of parliamentarism and new trends that have evolved after the September 2018 elections.

Keywords: region, regional parliamentarism, political elite.

Е.В. Матвеева

Социально-политический анализ структуры городских парламентов Сибирского федерального округа

Рассматривается структура законодательных органов власти городского уровня на примере областных городов Сибирского федерального округа. Анализируются партийная принадлежность и сфера деятельности депутатов городских парламентов через призму особенностей политического развития и политическую культуру населения.

Ключевые слова: парламентаризм, региональное развитие, депутатский корпус.

Одним из индикаторов развития демократических институтов, к которым относится и институт парламентаризма, выступает качественный состав (место работы, должность, партийная принадлежность и др.) депутатского корпуса парламентов федерального, регионального и городского уровней власти. Большая часть имеющихся исследований регионального парламентаризма уделяет внимание исключительно анализу региональных парламентов с позиции гендерного состава [1], фракционной (партийной) и организационной структур [2]. В итоге остаются практически без должного внимания вопросы структурной организации городских парламентов и не анализируется сфера деятельности депутатов. Автор статьи, являясь экспертом Фонда «Сибирская политика» [3, 4], занимающимся проведением исследований по региональной проблематике, принимала участие в изучении данной проблемы на примере городских парламентов областных городов в регионах Сибирского федерального округа в феврале 2019 г.

Исследование включало анализ двух показателей – принадлежность к определенной политической партии и сфера деятельности депутатов. Большинство депутатского корпуса составляют члены партии «Единая Россия». Наилучшие показатели отмечены в Кемерово (93%), Иркутске (90%) и Томске (86%). При этом показатель представительства партии «Единая

Россия» не опустился ниже 50% ни в одном из городских парламентов.

Представительство от партий КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» во многом дублирует динамику представительства в органах исполнительной власти федерального и в меньшей степени регионального уровней. Наилучшие результаты партия КПРФ показала в Новосибирске, Омске, Абакане (от 21 до 24%). Менее 10% представительство депутатов партии в Барнауле, Кызыле, Кемерово и Томске. Партия ЛДПР наиболее популярна у избирателей Красноярска 29%. В большинстве городов представительство партии варьируется от 3 до 10% – Кемерово, Новосибирск, Томск, Горно-Алтайск и др. Уровень доверия к партии «Справедливая Россия», как показали итоги выборов в городские парламенты, варьируется в диапазоне от 2 (Новосибирск) до 8% (Барнаул). Нет представительства партии КПРФ в Иркутске, ЛДПР – в Иркутске и Омске, «Справедливая Россия» – в Кемерово и Иркутске.

Весьма интересным выглядит результат избрания в городские парламенты беспартийных депутатов, шедших на выборы как самовыдвиженцы. Только в четырех городских советах есть представительство беспартийных депутатов – Иркутск (10%), Кызыл (8%), Новосибирск – 4%, Красноярск – 3%. В состав городских парламентов прошли также по одному депутату от внепарламентских партий – «Партия Зеленые» (Красноярск), «Яблоко» (Томск), «Коммунисты России» (Омск), «Родина» (Горно-Алтайск).

Основная деятельность депутатов, согласно их распределению по месту работы, выглядит следующим образом: средний и мелкий бизнес (Барнаул – 53%, Иркутск – 50%, Красноярск и Кызыл – 46%), бюджетная сфера (Томск – 49%, Горно-Алтайск – 43%, Кызыл – 38%), общественная работа (Абакан – 31%, Омск – 18%, Красноярск – 14%), политическая сфера (Омск и Новосибирск – 28 %, Барнаул – 15%, Горно-Алтайск и Абакан – 14%) и сфера крупного бизнеса (Кемерово – 18%, Иркутск – 12%, Томск – 8%).

Подводя итоги, отметим, что партийный спектр депутатского корпуса свидетельствует о степени развития демократических

принципов как при формировании городских парламентов, так и готовности избирателей «отдать» свой голос за партии, предлагающие альтернативные программы. И это связано не только с высоким уровнем поддержки КПРФ и ЛДПР в Новосибирске, Омске и Красноярске, но и с готовностью населения голосовать за внепарламентские партии, имеющие небольшие шансы добиться успеха (например, «Партия Зеленые»). В отдельных городах, не видя достойных кандидатов среди имеющихся партий и при слабости региональных отделений партий, население делало выбор в пользу беспартийных кандидатов.

Анализ депутатского корпуса по критерию «сфера деятельности» показал, что сфера крупного бизнеса в наибольшей степени представлена в городах с развитой угольной, металлургической отраслью и металлообработкой, электроэнергетикой, машиностроением (Кемерово, Иркутск, Томск). Напротив, в городах с развитием таких отраслей, как сельское хозяйство и животноводство (Горно-Алтайск, Кызыл), доминирует большее представительство депутатов от бюджетной сферы. Численность в парламентах депутатов, представляющих различные общественные организации, свидетельствует, скорее всего, о высоком рейтинге доверия со стороны избирателей по отношению к отдельным общественным организациям и качеству оказанных социальных, юридических, информационных и других услуг населению.

Литература

1. Шафигуллина Л.Р. Социальный портрет женщин-депутатов законодательного органа Республики Татарстан // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2 (5). С. 19–25.
2. Девятярова А.И. Особенности динамики фракционной и организационной структуры региональных парламентов в условиях российской трансформации (на примере регионов Западной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–1 (72). С. 241–245.
3. Матвеева Е.В., Митин А.А., Алагоз А.В. Институт общественного контроля в региональном политическом пространстве: современное состояние и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 191–202.

4. Матвеева Е.В., Украинцев И.С. Критерии и оценка эффективности работы института муниципальной власти в Кемеровской области (по результатам регионального исследования) // Инновационное развитие муниципальных образований: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2017. С. 120–125.

E.V. Matveeva

Social and political analysis of the structure of the city legislatures in Siberian Federal District

The article considers the structure of the legislative authorities on the city level based on the case of regional centres of Siberian Federal District. The author analyzes party affiliation and the scope of activity of deputies of city parliaments on the background of the features of political development and political culture of the population.

Keywords: parliamentary system, regional development, deputy corps.

Н.А. Микаелян

Исламская тематика в парламентской коммуникации: региональное измерение

Статья посвящена изучению специфики парламентской коммуникации Республики Татарстан, влиянию исламской тематики на региональный законодательный процесс. С помощью анализа нормативно-правовой документации по теме исследования выделены основные направления взаимодействия ДУМ РТ и Государственного Совета РТ.

Ключевые слова: Госсовет РТ, вакуфное имущество, стандарты образования, халяль.

Согласно Конституции РТ Татарстан является светским государством, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [1]. Однако политическая коммуникация, в том числе и парламентская, осуществляется между соответствующими органами власти и официальной централизованной религиозной организацией «Духовное Управление Мусульман республики Татарстан» (ДУМ РТ).

Нужно отметить влияние ДУМ РТ на республиканский законодательный процесс на предмет регулирования функционирования мусульманских организаций. Аппарат ДУМ РТ стал инициатором принятия ряда поправок к закону РТ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В Татарстане муфтий и его заместители имеют возможность принимать участие в парламентских заседаниях, обращаться к региональному парламенту и президенту республики через аналитические записки и личные встречи, но пока только по предмету ведения (конфессиональный аспект).

В частности, были внесены изменения, согласно которым устанавливалась новая форма собственности – вакуфное имущество, хотя данная норма так и не была внесена в федеральное российское законодательство. Статья 18 закона РТ устанавливает, что религиозная организация вправе иметь вакуфное имущество (аналогично церковному имуществу в ФЗ),

правовое положение которого регулируется федеральным законодательством [2].

Помимо этого, Госсовет Татарстана, также по инициативе ДУМ РТ, предлагает на федеральном уровне ввести поправку, принятую в региональном парламенте, согласно которой, религиозные организации должны обязать кандидатов в священнослужители получать образование в России либо ввести особый порядок признания дипломов, полученных в зарубежных учебных заведениях [3]. Принятые изменения предполагают, что каждая централизованная организация будет устанавливать определенный ценз, несоответствие которому может стать поводом недопущения к религиозной деятельности.

Также Государственным Советом РТ была принята поправка, согласно которой теперь иностранные граждане не могут выступать в роли учредителей местной религиозной организации. Таким правом обладают лишь граждане Российской Федерации. Религиозным организациям предписано заключать трудовые договоры со священнослужителями. Кроме того, сотрудники религиозных организаций Татарстана получили право «создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, вступать в них, заниматься профсоюзной деятельностью» (см.: [2]).

Согласно закону РТ «О праздничных днях и памятных датах Республики Татарстан» дни, на которые приходится празднование религиозных мусульманских праздников (Курбан-байрам, Ураза-байрам), день официального принятия Ислама Волжской Булгарией являются нерабочими [4].

На данном этапе актуальным является халяльный вопрос. Комитет по стандарту «Халяль» при ДУМ РТ обращает внимание на проблемы сферы дозволенного. Есть предложение от комитета совместно с Минпромторгом и Минэкономки разработать систему мониторинга халяльной индустрии для сертификации по стандарту «Халяль». Принятие Госсоветом РТ закона о халяльной продукции защитило бы сферу дозволенного и потребителей от контрафакта, поскольку пока сертификация халяля является добровольной [5].

Литература

1. Конституция Республики Татарстан // Государственный Совет РТ. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/konstitucia/> (дата обращения: 30.03.2019).

2. О свободе совести и о религиозных объединениях: Закон Республики Татарстан от 14.07.1999 № 2279 в ред. от 17.11.2016 // Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/917008529> (дата обращения: 30.03.2019).

3. Госсовет внес изменения в закон РТ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Государственный совет РТ. URL: <http://www.gossov.tatarstan.ru/news/show/1470> (дата обращения: 30.03.2019).

4. О праздничных днях и памятных датах Республики Татарстан: Закон Республики Татарстан от 19.02.1992 № 1448–ХІІ в ред. от 29.09.2016 // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/8101402/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 30.03.2019).

5. О сертификации продукции и услуг: Закон Российской Федерации от 10.06.1993 № 5151-1 в ред. от 10.01.2003 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-10061993-n-5151-1-o/> (дата обращения: 30.03.2019).

N.A. Mikaelyan

Islamic subjects in parliamentary communication: the regional dimension

The article is devoted to the study of the specifics of parliamentary communication of the Republic of Tatarstan, the influence of Islamic subjects on the regional legislative process. By analyzing the regulatory documents on the research topic, the main areas of interaction between the DUM RT and the State Council of the RT are highlighted.

Keywords: RT State Council, vakfnoe property, education standards, halal.

В.А. Мирошник

Российский региональный парламентаризм: опыт и проблемы

Анализируется опыт региональных парламентов Сибири. Показана эволюция законотворческой деятельности и состава депутатского корпуса, избирательных систем. Предложены пути повышения авторитета и влияния региональных парламентов.

Ключевые слова: депутат, законотворческий процесс, выборы депутатов, региональный парламент.

Конституция РФ 1993 г. наделила края и области России статусом субъектов Российской Федерации. Региональные легислатуры кроме представительных функций, которыми они обладали в советскую эпоху, получили право законодательного регулирования отношений в пределах собственных полномочий, а также по предметам совместного ведения с РФ.

За прошедшие четверть века региональные парламенты накопили богатый и разнообразный опыт законотворческой и политической деятельности. Его анализ позволяет выделить некоторые общие черты, тенденции и проблемы, характерные для российского регионального парламентаризма в целом.

Деятельность региональных парламентов довольно четко распадается на ряд не похожих друг на друга по целям и содержанию исторических периодов.

Период с 1993 по 2000 г. стал временем становления на региональном уровне новой ветви власти – законодательной. Происходил процесс осмысления новой роли, принципов взаимодействия с другими государственными институтами, а главное – освоения процесса законотворческой работы.

Однако эти закономерные тенденции происходили на фоне острой политической борьбы, которая развернулась вокруг масштабных рыночных реформ, точнее, их результатов. Носителями либеральных реформ были Администрация Президента и Правительство РФ в центре и назначенные президентом губернаторы и их администрации – в регионах. Протестные

настроения населения отражали избранные им депутаты. Примером острых столкновений может служить Кемеровская область, законодательный орган которой пережил в конфликте с исполнительной властью и забастовки, и голодовки, и срывы сессий. В результате законотворческая деятельность была парализована. К началу 2000-х гг. отставание в формировании региональной нормативно-правовой базы в Кемеровской области составляло от Омской области 15%, от Иркутской области – 70%, а от Алтайского края увеличилось в два раза [1. С. 215–216].

Законодательные органы во второй половине 90-х гг. избирались на 2 года и пережили два цикла выборов. Отличала эти выборы острая конкурентная борьба между сторонниками и противниками реформ. Ведущую роль играли не политические партии, а избирательные блоки. Тон задавали блоки, состоявшие из местных патриотических общественных объединений, таких как «Народовластие» в Кемеровской области, «Союз дела и порядка – будущее края» в Красноярском крае и др.

С 2000-х гг. законодательные органы регионов избирались уже на 4, а затем и на 5 лет. В большинстве регионов Сибири избранным губернаторам удалось стабилизировать политическую ситуацию. Выборы хоть и сохранили конкурентную борьбу, но она была уже предсказуема. Сказался административный ресурс. Депутаты, неугодные исполнительной власти, стали редкостью.

Одним из направлений деятельности нового президента В. Путина по выведению страны из глубокого кризиса стало приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным. Поэтому период с начала 2000-х по 2010 г. стал самым продуктивным для региональных парламентов в формировании регионального законодательства. Так, за два созыва Совет народных депутатов Кемеровской области принял 453 закона. Они составили основу нормативно-правовой базы региона, с успехом действующую до сих пор [Там же. С. 216].

Широкий простор для нормотворчества открывала преобладавшая в этот период практика принятия по вопросам совместного ведения так называемых рамочных федеральных законов.

Пользуясь этой возможностью, региональные парламенты старались максимально учесть местные традиции и особенности. Примером может служить реформа местного самоуправления, в ходе которой в регионах сложились его самобытные модели.

Изменился и состав депутатского корпуса. Востребованными теперь стали не популисты, а профессионалы, способные к эффективной законотворческой деятельности. Среди депутатов были нередки доктора и кандидаты наук, юристы, политологи другие специалисты. Так, в Законодательном собрании Красноярского края 3-го созыва было 7 докторов и кандидатов наук [2], в Совете народных депутатов Кемеровской области 2-го созыва – 8 [3], а в Государственной Думе Томской области 3-го созыва среди депутатов было 18 действительных членов и членов-корреспондентов международных и российских академий, 9 докторов и 8 кандидатов наук [4].

Указанный период стал самым продуктивным и успешным в развитии регионального парламентаризма.

В период с 2010 г. на законотворческой деятельности сказалось завершение выстраивания вертикали власти. Федеральные законы по предметам совместного ведения стали носить характер прямого действия. Сфера регионального законотворчества сузилась. Новые, оригинальные региональные законы стали редкостью. Все правоотношения были охвачены федеральными законами. Региональным депутатам оставалось лишь вносить поправки в свои законы.

Региональное «поправочное законодательство» уже не требовало законодательного творчества. С ним с успехом справлялся аппарат легислатур.

Изменился и состав депутатского корпуса. Сегодня в нем тон задают представители крупных финансово-промышленных групп, обосновавшихся в регионах. Депутаты избираются по смешанной системе. Безусловным лидером стала «Единая Россия». Остальные партии играют роль спойлеров. Подбор кандидатов осуществляют администрации губернаторов. Такая политическая ангажированность, с одной стороны, ведет к снижению избирательной активности населения, что заставля-

ет власть все больше включать административный ресурс, а с другой – стимулирует протестное голосование, так неожиданно проявившее себя в некоторых регионах на прошедших выборах губернаторов.

Отмеченные тенденции и противоречия актуализируют необходимость изменений в содержании деятельности региональных парламентов. Они могли бы пойти по пути перенесения центра тяжести с законотворческой деятельности на представительную. В связи с этим целесообразно вновь вернуться к мажоритарной избирательной системе. Она ставит депутата в зависимость от избирателей округа, которым не так важно, депутат какой партии добьется тепла в их домах, лишь бы оно было.

В Федеральный закон «Об общих принципах законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» внести изменения, уточняющие формы работы депутата в избирательном округе и ответственность за их ненадлежащее исполнение.

В результате авторитет и влияние региональных парламентов только возрастут.

Литература

1. История Кузбасса: учебник / под общ. ред. В.А. Мирошника. Кемерово: Кемеров. технол. ин-т пищ. пром-ти, 2014. 368 с.
2. Законодательному Собранию Красноярского края 20 лет // Законодательное Собрание Красноярского края. URL: http://www.sobranie.info/20years_zs.php (дата обращения: 15.03.2019).
3. Законодательная власть Кузбасса. 15 лет. 1994–2009 гг. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. С. 130–149.
4. Государственная Дума Томской области 2001–2007 гг. III созыв // Законодательная Дума Томской области. URL: <http://old.duma.tomsk.ru/page/2/> (дата обращения: 15.03.2019).

V.A. Miroshnik

Russian regional parliamentarism: experience and problems

The experience of regional parliaments of Siberia is analyzed. The evolution of legislative activity, the composition of the deputies and the composition of the electoral systems are shown. The ways of increasing the authority and the ways of increasing regional parliaments' influence are proposed.

Keywords: deputy, legislative process, elections of deputies, regional parliament.

М.П. Москальчук

Роль молодежных организаций в гражданском образовании

Рассматривается эффективность и проблематика гражданского образования в России и Европе, роль молодежи в гражданском обществе, а также отношение молодежи к гражданским организациям и непосредственное в них участие.

Ключевые слова: молодежная организация, проблема гражданского образования, статистика.

Гражданское образование уже давно существует в западноевропейских странах, где подготовка новых поколений к самостоятельной жизни является обязательной. Однако опыт, накопленный в этих странах, порой трудно использовать в России, поскольку гражданское общество и правовое государство у нас – пока лишь проектируемая реальность. В документах Совета Европы гражданское образование определяется как процесс подготовки молодежи к ответственному участию в демократии, основанной на уважении прав человека, равенстве, плюрализме, справедливости. В странах Европы для распространения и поддержки гражданского образования прилагается много усилий. Аспекты прочно закрепились в государственных программах начального, среднего и высшего образования, которые постоянно модернизируются с учетом вызовов современности. Без полноценного гражданского образования невозможно построение общества и правового государства. Различные объединения нуждаются в своевременно образованных, нравственных, предприимчивых людях, способных самостоятельно принимать правильные решения в различных ситуациях, обладать чувством ответственности за судьбу.

Т.В. Болотина понимает гражданское образование как «процесс передачи учащимся специальных знаний, формирования у них умений и навыков, служащих цели усвоения ими позитивного социального опыта и развития базовых социальных компетентностей. Это есть комплексная система органи-

зации различных видов педагогической деятельности, стержнем которой является правовое, политическое и нравственное образование и воспитание, реализуемые как через учебно-воспитательный процесс, так и посредством демократической, правовой организации школьной среды» [1. С. 1].

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что в обществе возникает много проблем, связанных с формированием гражданского общества в России, а также непосредственно с глобальным социальным переустройством нашей страны. Участие молодежи в решении общественных и социальных проблем становится важнейшей предпосылкой дальнейшего развития страны в сфере гражданского образования.

В настоящий момент доля молодежи от общей численности населения России составляет свыше 25%. Таким образом, понятие молодежи связано не только с биологическим возрастом, но и с конкретно-историческими условиями, с общественным строем и, прежде всего, с процессом социализации, в которой молодежь выступает одновременно объектом и субъектом. Молодежь является важнейшим социально-экономическим ресурсом общественного развития, активным проводником социальных инноваций и субъектом трансляции социально-культурных ценностей будущим поколениям. Стремление молодежи к общественному участию, реализуется через деятельность молодежных общественных объединений. Тем самым деятельность молодежных организаций основана на непосредственном участии молодежи, формировании и реализации проектов силами самих молодых людей, при этом фактор совместной деятельности, самоорганизации, коммуникации, дружбы, симпатии имеет не меньшее значение, чем само содержание предлагаемой деятельности.

В России более 400 молодежных и детских общественных организаций, таких как общероссийские, международные, межрегиональные, региональные и местные. Для молодежи 14–30 лет, проявляющей политическую и гражданскую активность, был проведен опрос, который показал долю заинтересованности людей в каких-либо организациях.

Организация	Процентное соотношение
Студенческая	25
Спортивная	23
Политическая	18
Профессиональная	15
Благотворительная	9
Творческая	7
Экологическая	3

Как следует из приведенных данных, на сегодняшний день российская инициативная молодежь объединена в основном в пять организаций: студенческую, спортивную, политическую, профессиональную и благотворительную.

Сейчас молодежное движение проявляется не только в рамках общественного круга, но реализуются и самостоятельные, в том числе радикально настроенные организации. В России за последние годы получили жизнь и сумели развиваться многие формы коллективной самоорганизации.

Литература

1. Болотина Т.В. О состоянии гражданского образования. М., 2004. С. 1.

M.P. Moskalchuk

The role of youth organizations in civic education

Efficiency and problems of civic education in Russia and Europe. The role of youth organizations in civil society. Attitudes of youth towards civic organizations and direct participation.

Keywords: *youth organization, civic education problem, statistics.*

О.М. Орлинская

Исторические аспекты эволюции институтов парламентаризма в России

Рассматривается процесс становления и формирования политических традиций, накопления политического опыта деятельности институтов отечественного парламентаризма, а также влияние данного исторического наследия на систему современного российского парламентаризма.

Ключевые слова: институты парламентаризма, Государственная Дума, Государственный совет, политический процесс, законодательство.

Особая роль в политическом процессе РФ принадлежит институтам парламентаризма. У истоков эволюции парламентаризма не был создан механизм разделения властей, и в каждую новую историческую эпоху отечественный парламентаризм вынужден по-новому выбирать основания органического роста своих институтов, избирательно используя зарубежный опыт и плоды революционного варианта институциональных изменений для поступательного развития на базе трансформации существующих форм и связей. Оптимальное сочетание национальных особенностей с мировым опытом – одна из принципиально важных и сложных проблем и федеративного, и парламентского строительства в России, общества, заинтересованного в своем развитии [1. С. 11].

В самом начале XX в. требование создать в России общегосударственный представительный и законодательный орган стало всеобщим. Наконец, оно было реализовано царскими манифестами и указами осенью 1905 – зимой 1906 г.: законодательная функция возлагалась на учреждаемую для этой цели Государственную Думу и реформированный Государственный совет (действовавший к тому времени уже более 100 лет) [2. С. 229].

Манифестом 20 февраля 1906 г. было окончательно установлено, что со времени созыва Государственного совета и Государственной Думы закон не сможет «воспринять силы» без одобрения Совета и Думы. И Совет, и Дума должны были ежегодно созываться и распускаться императорскими указами, при-

чем обе палаты наделялись правом самостоятельно проверять полномочия своих членов. Действовал порядок, согласно которому одно и то же лицо не могло одновременно быть членом Государственного совета и Государственной Думы. Палаты в одинаковой мере пользовались правом законодательной инициативы [3. С. 361]. При этом законодательные предположения, по общему правилу, рассматривались в Государственной Думе и по одобрению поступали в Государственный совет. Однако законодательные инициативы Государственного совета должны были рассматриваться и одобряться сначала им и только после этого поступать в Государственную Думу. Лишь после одобрения обеими палатами законопроекты поступали на усмотрение императора. Совет и Дума получили также определенные контрольные полномочия – в установленном законом порядке они могли обращаться к министрам и руководителям государственных ведомств с запросами по поводу решений и действий этих ведомств и их чиновников в случае, если их законность вызывала сомнения.

В целом в порядке формирования избираемой части Государственного совета сочеталась модель, характерная для германских государств первой половины и середины XIX в., и модель третьей Французской Республики. Немецкий либерализм видел в народе «субстрат парламентской власти, разделенной между аристократией и буржуазией так, чтобы первая образовала верхнюю палату знати, а вторая – нижнюю палату джентри» [4. С. 198–199]. Порожденная революцией 1870 г., третья республика во Франции вступила в союз с политической демократией и парламентским режимом. Избираемый коллегиями выборщиков, где по преимуществу была представлена сельская Франция, Сенат насчитывал 300 членов, в том числе 75 «несменяемых», которых пожизненно избирало Национальное собрание, а позже происходила кооптация новых. Однако при пересмотре конституции в 1884 г. был изменен порядок избрания Сената. В частности, упразднили 75 несменяемых сенаторов [5. С. 350–351]. После этого французский Сенат, обычно консервативно настроенный, избирался только от территориальных представительных органов.

Итак, в России сословный и территориальный принципы формирования состава Государственного совета дополняли друг друга. Интересно отметить, что для выборных членов Совета был установлен возрастной ценз в сорок лет. Члены Совета избирались на 9 лет, но каждые 3 года треть состава (точнее, треть каждого разряда) обновлялась. По Положению о Государственном совете от 20 февраля 1906 г. он фактически стал второй палатой российского парламента, стоящей над Государственной Думой. Однако первому русскому двухпалатному парламенту был отмерен недолгий век – чуть больше десяти лет. И за это короткое время некоторые важные решения принимались в обход Государственной Думы и Государственного совета. Например, 14 марта 1911 г. – во время думских каникул – был подписан именной указ Николая II о создании земств в Западном крае, где помещиками были в основном поляки [6. С. 308].

27 февраля 1917 г. был создан Временный комитет Государственной Думы (избранный членами четвертой Думы). Одновременно начала складываться новая система представительной власти, которой стали Советы. В Таврическом дворце в тот же день состоялось первое заседание Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов. Большинство в исполкоме Совета первоначально принадлежало меньшевикам и эсерам. Поэтому 1 марта исполком Петросовета принял решение о предоставлении Временному комитету Государственной Думы прав на формирование правительства [Там же. С. 321]. 6 октября 1917 г. в связи с подготовкой к выборам в Учредительное собрание Временное правительство приняло решение о роспуске Думы. Однако окончательно она была упразднена Декретом Совета народных комиссаров от 18 декабря 1917 г. [2. С. 233].

Медленная и неоднозначная эволюция российского парламентаризма в дореволюционный этап представляет возможность выделения в ней двух условных периодов. Первый – поисково-теоретический – со второй половины XVIII столетия до начала XX в. и поисково-практический – с 05 августа 1905 г. до 6 октября 1917 г., где поиск таит в себе и позитивные и негативные потенции развития феномена. Первый из указанных периодов

характеризуется адаптацией теории парламентаризма, контекстом которой послужила эпоха «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. В ходе него в Российской империи получили свое распространение западные теории, особое место среди которых заняли теория естественного права, общественного договора (в том числе федеративного) и теория разделения властей.

Литература

1. Казаков М.А. Ценностно-деятельностный подход в исследовании современных политических элит и лидеров: понятия «субъектности» и «гуманитарных технологий» // Нижегородский журнал международных исследований. Осень–зима 2009. С. 9–13.

2. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России. М.: Проспект, 2006. 560 с.

3. За исключением Основных государственных законов, почин пересмотра которых император оставил за собой. Они были утверждены Николаем II и опубликованы за четыре дня до открытия заседаний первой Государственной Думы // Основные государственные законы 23 апреля 1906 г.: Хрестоматия по истории России / А.С. Орлов и др. М.: Проспект, 2004. 780 с.

4. Шерр И. Германия. История цивилизации за 2000 лет: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. Минск: МФЦП, 2005. 412 с.

5. История Франции / пер. с фр.; под ред. Ж. Карпантье, Ф. Лебрена. СПб.: Евразия, 2008. 590 с.

6. Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В. История России. М.: Проспект, 2006. 472 с.

O.M. Orlinskaya

Historical aspects of evolution of institutes of parliamentarism in Russia

Process of formation and formation of political traditions, accumulation of political experience of activity of institutes of domestic parliamentarism and also influence of this historical heritage on the system of modern Russian parliamentarism is considered.

Keywords: institutes of parliamentarism, State Duma, State Council, political process, legislation.

Ю.А. Остапец, И.Ю. Остапец

Партийное структурирование региональных legislatures в Украине в результате местных выборов 2015 г.

Анализируются результаты выборов в областные советы Украины. Главный акцент сделан на исследовании участия политических партий в выборах. Показана регионализация партийного влияния за результатами волеизъявления граждан.

Ключевые слова: Украина, местные выборы, областные советы, региональные партии.

Региональные legislatures (областные советы) в Украине – это органы местного самоуправления, которые представляют общие интересы территориальных общин сел, поселков и городов в пределах полномочий, определенных законодательством Украины. Выборы в местные советы проводятся в конце октября последнего пятого года их каденции. Начиная с 2010 г. местные выборы проводятся отдельно от парламентских.

Решение об участии в местных выборах 2015 г. приняли 142 политические партии из 297 зарегистрированных на Украине. По результатам выборов в местные советы были избраны представители 88 политических партий [1. С. 1]. Из 1 700 депутатов областных советов 884 (52%) представляют оппозиционные партии. Наибольшую численность фракции в областных советах Украины имеют такие партии: Блок Петра Порошенко «Солидарность» (373 депутата), Всеукраинское объединение (ВО) «Батькивщина» (250), Политическая партия (ПП) «Оппозиционный блок» (191), ПП «УКРОП» (134), Радикальная партия Олега Ляшко (111), ПП «Возрождение» (104), ВО «Свобода» (102), ПП «Гражданское объединение “Самопомощь”» (96), ПП «Наш край» (75), Аграрная партия Украины (40) [2].

Результаты выборов в областные советы Украины в разрезе регионов представлены в таблице [3. С. 361].

Региональные результаты выборов в областные советы 2015 г., %

Партия	Западный регион (488 депутатов областных советов)	Центральный регион (796 депутатов)	Юго-Восточный регион (536 депутатов)
ПП «Блок Петра Порошенко «Солидарность»	25,2	26,1	19
ВО «Батьківщина»	17,3	17,4	9,7
ПП «Объединение “Самопомощь”»	7,5	7,1	5,7
Радикальна партия Олега Ляшка	6,1	9,4	3,7
ВО «Свобода»	12,3	8,1	–
ПП «УКРОП»	9,6	5,4	8,5
ПП «Оппозиционный блок»	1,6	5,9	27,2
ПП «Возрождение»	2,2	4,1	13,4
ПП «Наш край»	1,6	1,3	8,5
Аграрная партия Украины	1,4	4,1	–

Эмпирический анализ результатов местных выборов 2015 г., в сравнении с выборами 2006 и 2010 гг., который включает расчет индексов волатильности, эффективного числа партий и фракционализации (см. приложение А), показывает: 1) наименьший индекс волатильности зафиксирован в Закарпатской, Донецкой, Луганской областях (колебания от 10,8 до 50,1). Низкая величина индекса в Закарпатье обусловлена деятельностью региональных партий («КМКС» – Партия венгров Украины, Демократическая партия венгров Украины, ПП «Единый Центр»), которые стабилизируют партийную структуру на областном уровне. В Донецкой и Луганской областях это объясняется доминированием Коммунистической партии Украины и Партии регионов. В других областях Украины величина индекса волатильности варьируется в пределах от 50 до 87,4, что указывает на резкое изменение предпочтений избирателей.

Индекс фракционализации и эффективного числа партий приблизительно одинаковый во всех регионах Украины, за ис-

ключением Ивано-Франковской, Львовской, Луганской, Донецкой областей. Если для первых двух значение наивысшее, то для других двух – наименьшее, что подтверждает резкую поляризацию предпочтений избирателей в регионах, которые олицетворяют собой запад и восток Украины.

Высокий уровень волатильности при сравнительно невысоком значении индексов национализации политических партий в результате парламентских выборов 2014 г. [4. С. 8] свидетельствует о том, что, несмотря на существенные изменения в акторной структуре партийного формата, остается высокой неоднородность (региональность) партийных предпочтений граждан Украины.

Приложение А

Индексы волатильности (В), эффективного числа партий (ЭЧП), фракционализации (Ф) за результатами выборов в областные советы Украины (2006, 2010, 2015 гг.)

Область	В, 2006/2010	В, 2010/2015	Ф, 2006	Ф, 2010	Ф, 2015	ЭЧП, 2006	ЭЧП, 2010	ЭЧП, 2015
Запад	53,7	67,9	0,72	0,78	0,81	3,4	5,2	5,8
Ивано-Франковская	61,8	70,1	0,62	0,89	0,80	2,6	9,4	5,1
Львовская	80,4	80,1	0,72	0,82	0,85	3,5	5,8	7,0
Тернопольская	–	–	0,62	–	0,82	2,6	–	5,8
Ровненская	56,7	63,9	0,76	0,78	0,79	4,2	4,5	4,8
Волынская	57,1	69,4	0,78	0,80	0,82	3,1	5,0	5,6
Черновецкая	61,7	73,5	0,74	0,69	0,86	3,8	3,2	7,4
Закарпатская	26,8	50,1	0,77	0,69	0,79	4,3	3,2	4,9
Центр	57,0	70,0	0,73	0,68	0,84	3,8	3,1	6,5
Киевская	87,4	81,9	0,65	0,54	0,84	2,8	2,1	6,3
Винницкая	63,4	69,4	0,71	0,75	0,81	3,5	2,9	5,4
Кировоградская	55,0	67,7	0,73	0,57	0,83	3,7	2,3	6,1
Полтавская	46,9	71,8	0,78	0,73	0,88	4,6	3,7	8,9
Хмельницкая	52,2	73,3	0,79	0,70	0,84	3,9	3,4	6,2
Черкасская	61,8	62,5	0,72	0,66	0,85	3,6	2,9	6,8
Житомирская	42,7	61,8	0,79	0,77	0,84	4,8	4,5	6,2
Сумская	62,0	68,5	0,71	0,68	0,84	3,5	3,1	6,6
Черниговская	42,4	73,5	0,76	0,73	0,84	4,1	3,7	6,2
Юго-Восток	31,9	66,7	0,63	0,41	0,79	3,3	1,8	5,0
Днепропетровская	42,4	55,7	0,76	0,55	0,77	4,3	2,2	4,4
Запорожская	31,2	59,0	0,68	0,40	0,81	3,1	1,6	5,5

Область	В, 2006/2010	В, 2010/2015	Ф, 2006	Ф, 2010	Ф, 2015	ЭЧП, 2006	ЭЧП, 2010	ЭЧП, 2015
Донецкая	15,5	–	0,34	0,12	–	1,5	1,1	–
Луганская	10,8	–	0,29	0,25	–	1,4	1,3	–
Харьковская	26,9	77,5	0,65	0,49	0,75	2,8	1,9	4,0
Одесская	41,3	67,3	0,76	0,53	0,80	4,3	2,1	5,0
Николаевская	38,3	68,1	0,75	0,48	0,81	4,0	1,9	5,5
Херсонская	48,4	72,5	0,79	0,50	0,82	4,8	2,0	5,6

Литература

1. Янішевський С. Локальні політичні проекти: чинники виникнення та перспективи політичної діяльності (за підсумками місцевих виборів 2015 р.). Аналітична записка. URL: <http://www.niss.gov.ua/catalogue/8> (дата обращения: 25.03.2019).

2. Офіційний сайт Центральної виборчої комісії. Місцеві вибори – 2015. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vm2015/wm001> (дата обращения: 25.03.2019).

3. Остапець Ю.О. Електоральні процеси в Україні: загальнонаціональний та регіональний виміри: дис. ... д-ра полит. наук. URL: http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/11/dis_ostapets.pdf (дата обращения: 25.03.2019).

4. Авксентьев А. Региональна неоднорідність електорального простору: порівняльний аналіз (на матеріалах 100 національних кейсів) // Грані. 2016. С. 6–11.

Y. Ostapets, I. Ostapets

Party structuring of regional legislatures in Ukraine based in the results of local elections in 2015

The results of elections to regional councils are analyzed. The attention is paid to research of the participation of political parties in the elections. The regionalization of party influence according to the results of elections is shown.

Keywords: Ukraine, local elections, regional councils, regional parties.

И.С. Палитай

Образы современных парламентских партий в сознании россиян

Статья посвящена изучению восприятия парламентских партий в современной России. Автором приводятся результаты исследования образов партий. На данном материале делается вывод о том, что в глазах людей партии выглядят не имеющими реального политического веса, что ведет к снижению уровня доверия к ним.

Ключевые слова: политические партии, восприятие, образы, исследование, политическая психология.

Существующие на сегодняшний день исследования политических партий фокусируют свое внимание в основном на их институциональной компоненте либо на механизмах формирования имиджа. Между тем образы политических партий, т.е. совокупность знаний, представлений, мнений, оценок, эмоций и ожиданий людей, по сути исследовались только в рамках проектов кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова [1–3]. Стоит отметить, что мы никогда не ставили себе целью систематические замеры в изучении партий, однако те данные, которые были нами получены накануне двух последних выборов в Государственную Думу и в 2018 г., позволяют проследить существующие тренды.

В качестве основного метода исследования нами был выбран метод фокусированного интервью, который позволял нам получить не только «сухие» оценки людей, но и их интерпретацию. Сбалансированная по полу и возрасту выборка при проведении интервью составляла в среднем 60 человек. Полученные от респондентов данные оценивались нами по шкалам привлекательности, силы и активности (подробнее о методологии см.: [4]).

В результате обработки полученных данных мы пришли к следующим результатам.

Партия **«Единая Россия»** в представлении большинства респондентов была и является сильной. Это же подтверждает и

исследование ФОМа 2018 г.: 58% респондентов отметила высокую степень ее влияния на положение дел в стране [5]. При этом, однако, люди зачастую наделяют ее отрицательными характеристиками, говоря о том, что она *«захватила власть и теперь жирует»*, *«цинична в реализации своих преступных целей»*. Пожалуй, большинство ответов респондентов, в которых можно уловить отношение к партии власти как к слабому объединению, в основном связаны с ее зависимостью от действующей власти и необходимостью исполнения *«наказов сверху»*. Партия воспринимается гражданами как весьма активная и деятельная (66%), именно с ней зачастую ассоциируют всю деятельность Государственной Думы.

Партия **КПРФ**, как и следовало ожидать, во многом несет на себе отпечаток КПСС. Возможно, именно поэтому практически треть респондентов (31%) выражают свое отрицательное отношение к ней, ссылаясь на *«ржавый базис СССР»* и *«неадекватность настоящему времени»*. Однако среди опрошенных было 12% тех, кто видел в этом достоинство партии, говоря о ней как о *«единственной, кто сохранил идеалы, отобранные в 90-х»*. Можно догадаться, что большинство респондентов этой категории – люди старшего поколения. Также к преимуществам партии относят тот факт, что она представляет собой *«хоть какую-то оппозицию по сравнению с другими партиями»* и *«имеет хорошие социальные проекты»*.

При всем этом большинство респондентов (порядка 85%) считают партию слабой, не способной что-либо изменить. КПРФ, по мнению людей, едва ли можно назвать активной партией: вся ее деятельность проявляется в *«создании видимости многопартийности»*, и *«какой-то альтернативы на выборах, если не хочешь голосовать за единоросов»*.

«Справедливая Россия» стала гораздо более узнаваемой, однако существенных изменений в ее образе не наблюдается. Партия в глазах населения совершенно неактивна. Для 82% она *«тусклая»*, *«малозаметная»* и *«не понятно, чем занимающаяся»*. Интересным является то, что указание на ее пассивность редко, но имеет привлекательный оттенок (*«тихие, скромные»*,

«не как «Единая Россия» по крайней мере»). Однако этим партия совершенно не набирает себе очков в политической борьбе, поскольку такие ответы являются результатом восприятия ее как очень слабого противника основным игрокам. Так, один респондент сравнил партию с немощным стариком, который *«робко спрашивает у единорогов позволения что-то сделать».*

ЛДПР является чемпионом по степени персонификации. Свыше 90% респондентов, говоря о ней, по сути рассуждают про лидера. Именно поэтому на партию часто вешаются такие ярлыки, как *«шутовская», «скандальная», «шумная»* и т.д. Экцентричность ее лидера на политической арене делает партию в сознании респондентов довольно активной, однако, связанной с *«бесполезной деятельностью и пустыми криками».* Возможно, именно поэтому партия не воспринимается как сильный игрок, но при этом *«постоянно присутствует на арене».*

При всем этом особой привлекательностью образ партии не отличается. Порой ее даже называют *«продажной»* и *«лживой».* Несмотря на запрос на оппозиционность, *«нетерпимость ЛДПР к другим партиям»* не вызывает одобрения у людей (в связи со специфичностью проявления этого неодобрения). Привлекательность партии проявляется (хоть и редко) только лишь в том, что *«они говорят прямо в лоб».*

Приведенные данные, а также результаты исследований накануне двух последних электоральных циклов [6–8] показывают, что партии все меньше воспринимаются населением как активная политическая сила. Большинство респондентов на вопросы о работе Государственной Думы высказывали негативные оценки, а то и вовсе сравнивали Думу с Царь-пушкой, которая *«вроде как есть, но не стреляет».*

Литература

1. Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012. 423 с.
2. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 420 с.
3. Шестопал Е.Б., Зверев А.Л., Пищева Т.Н., Стрелец И.Э., Титов В.В., Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Виноградова Н.С., Жестков М.И., Букреева О.В.,

Яковлева Е.А., Палитай И.С., Затонских А.В., Гудиева К.Н., Алиференко С.Г. Политико-психологические особенности электорального цикла 2011–2012 гг.: Материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 1. С. 95–114.

4. Палитай И.С. Методология политико-психологического исследования массового политического сознания в трансформирующихся обществах // Политическая наука. 2016. № 5. С. 193–203.

5. Отношение к «Единой России» // Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/Politika/14120> (дата обращения: 20.03.2019).

6. Палитай И.С., Затонских А.В. Особенности восприятия современных российских политических партий // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 2. С. 83–95.

7. Палитай И.С., Шестопал Е.Б. Психологические особенности восприятия политических партий в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 4. С. 28–51.

8. Шестопал Е.Б., Ракитянский Н.М., Смутькина Н.В., Палитай И.С., Затонских А.В., Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Черданцева (Магомедова) А.М., Никифоров А.Р., Богдан И.В., Ахматнурова С.Ф., Букреева О.В., Самаркина И.В., Щербинин А.И., Щербинина Н.Г., Яницкий М.С., Титов В.В. Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация. круглый стол журнала «Полис» и кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 46–63.

I.S. Palitay

Images of modern parliamentary parties in the minds of Russians

The article is devoted to the study of the perception of parliamentary parties in modern Russia. The author presents the results of the study of images of parties, during which it is concluded that the party in the minds of people who do not have real political weight, which is the reason for reducing the level of confidence in them.

Keywords: political parties, perception, images, research, political psychology.

А.В. Паныч

О проблемах парламентаризма в современной России

Анализируется современный этап развития парламентаризма в России. Рассматриваются проблемы эффективности работы представительных органов. Делаются выводы о качестве их работы и о важности законотворческого процесса.

Ключевые слова: Федеральное Собрание, парламентаризм, РФ, законодательный процесс, парламентский контроль, всемирная история.

Принятая на референдуме 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации закрепила основу конституционного строя в соответствии с новой политической конфигурацией, которая сложилась в этот период в нашей стране.

Федеральное собрание РФ состоит из двух палат: Государственной Думы и Совета Федерации. Палаты в отличие от предыдущих Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета совершенно независимы друг от друга и заседают раздельно (ч. 2, ст. 100 Конституции РФ). Компетенция обеих палат четко очерчена в Основном Законе, что исключает их вмешательство в дела друг друга и способствует практической реализации принципа разделения властей [1. С. 154].

Парламент РФ формируется на основе таких принципов, как народное представительство, федерализм, периодическое обновление состава палат, политический плюрализм и многопартийность. Одной из ключевых проблем современного механизма формирования нижней палаты парламента является вопрос легитимности. Для ее увеличения представляется необходимым проводить выборы в одномандатных округах по принципу абсолютного (50% + 1 голос), а не относительного большинства. Обусловлено это тем, что депутатами нередко становятся кандидаты, поддержанные лишь незначительной частью избирателей (иногда достаточно 10–15%). Принцип абсолютного большинства предусматривает возможность проведения второго тура, победа в котором значительно укрепляет легитимность кандидата. Но это еще более затратный с точки зрения вовлечения

финансовых ресурсов процесс, чем имеет место сегодня. С точки зрения рядового избирателя вряд ли это будет оправдано, учитывая неверие населения в честность любых выборов.

Целесообразно и возвращение в бюллетенях графы «против всех», которая также очень полезна в плане проверки легитимности избранных кандидатов. Таким образом, роль Федерального Собрания в жизни страны невозможно переоценить. За 2014–2015 гг. президентом было принято и подписано более 800 законов. Это наглядно показывает значимость парламентского правотворчества для всех сфер общественной жизни. Однако, к сожалению, существуют и такие тенденции развития современного российского парламентаризма, которые вызывают тревогу и опасения. Наиболее существенной представляется то, что «партия власти», т.е. «Единая Россия», имеет конституционное большинство и практически никому не подконтрольна, а оппозиция может присутствовать, но ни на что повлиять реально не может. Это приводит к недовольству и разочарованию тех слоев населения, чьи интересы не могут быть удовлетворены ввиду недостаточности мандатов у их представителей. Примечательно, что даже объединение всех оппозиционных думских партий не изменит положение дел, ведь в новой думе у «Единой России» 238 мандатов, а нормы ст. 105, 108 Конституции РФ предоставляют ей фактически и юридически неограниченные законодательные полномочия. Эта проблема наводит на мысль о том, что следует вернуться к пропорциональной избирательной системе, более справедливо отражающей расклад общественных интересов и настроений [2].

Таким образом, с истечением почти двух десятилетий нового века есть возможность и потребность дать более взвешенные и всесторонние оценки развитию парламентаризма в России. Среди плюсов можно выделить реальное развитие законодательного процесса, увеличение количества законов, создание фракций в Государственной Думе РФ, наличие плюрализма мнений, определенное внимание к результативности реализации принятых законов, повышение взаимодействия различных ветвей власти, всестороннее расширение связей между депутатами и избирате-

лями, дальнейшее развитие и обновление законодательства Российской Федерации.

Среди минусов следует отметить отсутствие надлежащего парламентского контроля за исполнительной властью, несовершенство законодательного планирования и законодательной техники, отсутствие полноценной систематизации законодательства и соответственно стабильного законодательства.

На разных этапах всемирной истории в тех или иных странах легитимно или нелегитимно распускали парламенты. Каждый раз это становилось следствием острейшей борьбы за власть, результатом непримиримого противоборства враждующих между собой олигархических, военных и общественно-политических группировок.

В ново тысячелетии России предстоит сделать то, чего не получилось в течение многих веков в ходе многочисленных российских реформ и потрясений, а именно: создать реальное правовое государство с реальными гражданскими институтами и полноценными ветвями власти.

Литература

1. Труды юридического факультета. Т. VIII. Актуальные проблемы публичного и частного права / под ред. Т.А. Алексеевой и др. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 362 с.

2. Ревина С.Н., Суркова О.Е., Виленский Н.М. Парламентаризм в России: проблемы истории, современности, перспектив развития. URL: file:///D:/Users/user82/Downloads/parlamentarizm-v-rossii-problemy-istorii-sovremennosti-perspektiv-razvitiya.pdf (дата обращения: 27.03.2019).

A.V. Panych

On the problems of parliamentarism in modern Russia

The modern stage of development of parliamentarism in Russia is analyzed. The problems of efficiency of work of representative bodies are considered. Conclusions are drawn about the quality of their work and the importance of the legislative process.

Keywords: Federal Assembly, parliamentarism, Russian Federation, legislative process, parliamentary control, world history.

М.С. Петренко

Проблема отражения публичной сферы в современном российском парламентаризме

Статья посвящена характеристике современной парламентской системы России с точки зрения ее соответствия идеальной теоретической модели, сконструированной по принципу организации публичной сферы.

Ключевые слова: публичная сфера, парламентаризм, общественное мнение.

Понятие «публичная сфера» традиционно связывают с именем Юргена Хабермаса, который понимал под этим социальное пространство свободной дискуссии на условиях честности, равенства, открытости, участники которой не имеют личной заинтересованности в ее исходе. Публичная сфера, по мнению ученого, есть область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение. При этом исход дискуссии должен определяться не статусом участников, а исключительно силой аргументации. Именно публичная сфера и должна быть максимально отражена в представительных органах власти, являющихся ее своеобразным макетом. Только в этом случае имеет смысл говорить об артикуляции общественных интересов, ограничении власти элит и участии общества в выработке государственных решений.

Принятие в качестве исходной предпосылки существования в России публичной сферы, как и само допущение возможности демократии, предполагает употребление этих понятий в качестве «идеальных типов». Речь идет о характере требований, которые мы предъявляем представительству во власти как таковому. В какой мере на уровне законодательных органов обнаруживаются принципы организации публичной сферы, насколько парламент отражает общественное мнение, выработанное в ходе свободных дискуссий? Не являясь копией публичной сферы, дискурсивное пространство парламента должно развиваться в сторону, которую ей задает общественность. И сам процесс вы-

работки решений в идеале должен базироваться на тех же принципах, на которых формируется общественное мнение в ходе широкого открытого обсуждения актуальных проблем, т.е. на основе честности, непредвзятости, отсутствии личного интереса в исходе голосования, когда законодательные инициативы, исходящие от Кремля и от оппозиции, имеют равные шансы стать общим решением.

Сама по себе необходимость в публичной сфере, безусловно, может быть оспорена. Однако в России этого до сих пор не произошло ни на уровне власти, ни в обществе. Приверженность демократическим ценностям не ставится под сомнение, парламент по-прежнему считается выразителем интересов народа, хотя концепции демократического элитизма и пытаются пробить себе дорогу в современном политическом дискурсе. Их цель – закрепиться в общественном сознании в качестве инструмента легитимации политических институтов неопатримониализма, усиливающегося раскола общества и все большего отчуждения власти. В интервью газете «Московский комсомолец» руководитель Центра изучения элит О.В. Крыштановская открыто выступила против демократии в защиту системы правящих кланов, пытаясь обосновать право российской элиты на наследственный аристократизм [1]. Тем не менее позиция такого рода не легитимирована. Стремление элиты скрывать от общества многие свои действия лишь подтверждает это. На официальном уровне народ по-прежнему выступает в качестве источника власти, и депутаты все еще числятся «слугами народа».

Обособленность и закрытость элит все больше отрывают власть от народа и затрудняют успешное управление обществом, чьи заботы и проблемы элиты зачастую не понимают. Парламент мог бы сократить этот разрыв, подняв на соответствующий уровень вопросы, ставшие предметом широкой дискуссии в обществе. Однако в настоящее время он лишен реальных рычагов власти и возможности контроля элит. Депутаты все меньше выражают общественное мнение и зачастую попросту беспомощны в своих попытках повлиять на власть. На уровне Федерального Собрания РФ депутаты вовсе смыкаются с правящей груп-

пировкой, превращаясь в «законодательный отдел» Кремля по наделению юридической силой решений, выработанных элитой без каких-либо консультаций с обществом. Часть депутатского корпуса, в том числе регионального уровня, зачастую лоббирует чьи-то интересы или проталкивает выгодные для себя решения.

Таким образом, российский парламентаризм, созданный как инструмент выражения общественного мнения и призванный расширять публичное пространство политики на основе развития сопричастности общества к выработке решений насущных проблем, на деле стал беспомощным придатком сложившейся неопатримониальной системы власти, утратив живую связь с порождающим его обществом.

Литература

1. Крыштановская О.В. «Дайте нашей новой аристократии привыкнуть к “золотым унитазам”». Особенности российской элиты // Московский комсомолец. 2017. 18 дек.

M.S. Petrenko

The problem of reflecting the public sphere in the modern Russian parliamentarism

The article is devoted to the characteristic of the modern parliamentary system of Russia in terms of compliance with the ideal theoretical model, built on the principle of organizing the public sphere.

Keywords: public sphere, parliamentarism, public opinion.

Smart Government в условиях Smart City¹

Рассматривается концепция «умного правительства» и «умного управления» в условиях «умного города». Предлагается модель функционирования «умного города», где ключевая роль принадлежит «умному сообществу», которое непосредственно участвует в «умном управлении».

Ключевые слова: умный город, умное управление, умное правительство, умное сообщество, университетский город.

Концепция «Smart City» («умный город») в последние годы активно используется в качестве способа привлечения внимания к развитию городского пространства. Однако нередко можем наблюдать, что исследователи и популяризаторы сводят данный концепт к исключительно цифровой среде, забывая о смысловой составляющей. Не случайно, что видные специалисты в данной сфере – Н. Комнинос и А.И. Щербинин – акцентируют внимание на трех базовых составляющих «умного города»: «умные технологии», «умное управление» и «умное сообщество» [1; 2. С. 183], без которых нельзя представить реально работающий механизм.

Развивая данную идею, необходимо понимать, что концепт подразумевает тесное взаимодействие между городом и гражданином, знаниями и накопленным опытом, «умными» цифровыми системами и IT-технологиями. Вероятно, наиболее успешно использующим данную систему городом можно считать Монреаль, что отражается на его рейтингах [2. С. 183]. Наибольшим отличием от сугубо технологического подхода является центральное место человека в данной концепции, вокруг которого выстраивается вся система отношений. Данная особенность позволяет придать городу дополнительную устойчивость, так как город оперативно реагирует на потребности людей, находя устойчивые решения социально-экономических вопросов. Данный антропоцен-

¹ Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФФ № 19-011-31231 «Политическая социализация молодежи в университетских городах».

трический подход развивают многие западные исследователи, например С. Турку, У. Бернарди и др. [3, 4].

Ф. Аппио, М. Лима и С. Парутис предложили многоуровневую пирамиду «умного города» [5. Р. 3], которая заслуживает, на наш взгляд, пристального внимания, так как предлагает последовательную и логичную схему выстраивания «умного города», в том числе «умного правительства». Первый уровень – «места» включает в себя здания, парки, реки и т.д. Второй уровень – «инфраструктура», например широкополосный доступ в интернет, пути сообщения, энергетику, отходы и т.д. На данном этапе появляется «Smart Environment» («умная среда») предназначенная для быта и отдыха, а также «Smart Mobility» («умная мобильность») – для учебы и работы. Третий уровень – «коллаборация экосистем», которая представлена появлением «Smart Government» и «Smart People», важное место во взаимодействии между которыми отводится так называемой открытой информации. Четвертый и пятый уровни предназначены для перевода всех сфер жизнедеятельности человека в «i» состояние: от принятия «i-решений» («i-Solution») до формирования «i-образования» («i-Education») и «i-правительства» («i-Government»).

В данной системе «Smart Government» уделяется важное место. В первую очередь «умное правительство» должно управлять информационными потоками между всеми заинтересованными сторонами, а также обрабатывать Big Date, связанные с процессами жизнедеятельности «умного города», т.е. анализ и диагностика происходящих процессов в режиме реального времени. Кроме того, на «умное правительство» возлагается ответственность за сертификацию качества предоставляемых услуг, выполнение регулирующих функций, а также управление инфраструктурой. По нашему мнению, важнейшей функцией «умного правительства» в такой системе выступает координация инициатив, исходящих от «умного города».

Таким образом, возвращаясь к «умному сообществу», о котором мы вели речь в самом начале, становится стержневой конструкцией «умного города», так как успешность функционирования возможна лишь при постоянных стремлениях к улучше-

нию, инициативы и проекты которых должны обеспечиваться именно «умным сообществом». Ключевую роль в этом могут взять на себя университеты и научные центры, при этом не только в роли отдельных институтов, но и как системообразующий элемент всей сети, генерирующий идеи и членов «умного сообщества». Иными словами, на «умное правительство», по нашему мнению, возлагаются исключительно функции «регулятора» и «исполнителя», а выработка направлений изменений отводится «умному сообществу», что обеспечивает его непосредственное участие в управлении городским пространством.

Литература

1. Komninos N. The age of intelligent cities: Smart environments and innovation-for-all strategies. Routledge, 2015. 278 p.
2. Щербинин А.И. «Умные города» – тренд XXI века: вызовы времени и российские практики // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 179–191. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-179-191.
3. Turcu C. Re-thinking Sustainability Indicators: Local Perspectives of Urban Sustainability // Journal of Environmental Planning and Management. 2013. Vol. 56, № 5. P. 695–719.
4. Bernardi U. Clarifying the New Interpretations of the Concept of Sustainable Building // Sustainable Cities and Society. 2013. Vol. 8. P. 72–78.
5. Appio F., Lima M., Paroutis S. Understanding Smart Cities: Innovation Ecosystems, Technological Advancements, and Societal Challenges // Technological Forecasting and Social Change. 2018. December. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.12.018.

M.V. Podrezov

Smart Government in a Smart City

The article deals with the concept of Smart Government and Smart Management in a Smart City. The model of functioning of Smart City is offered, where the key role belongs to Smart Community which directly participates in Smart Management.

Keywords: smart city, smart management, smart government, smart community, University city.

И.А. Помигуев

Принцип дисконтинуитета как механизм повышения парламентского влияния в системе разделения властей

Анализируется механизм «обнуления» законодательных инициатив, рассматриваются варианты его использования во взаимоотношениях парламента с исполнительной властью, а также формальные возможности применения дисконтинуитета в России в целях усиления политического влияния законодательного органа в системе разделения властей. Ключевые слова: законодательный процесс, принцип дисконтинуитета, вето-игроки.

Российское законодательство достаточно неустойчивое. Ежегодно принимаются сотни федеральных законов, подавляющее большинство вносится Правительством, которое часто руководствуется краткосрочными конъюнктурными интересами.

В то же время на рассмотрение парламента ежегодно поступают и сотни других законопроектов, которые должны быть публично рассмотрены, даже если они неактуальны, эта обязанность записана в ст. 220 Регламента Госдумы. Как результат, седьмому созыву Госдумы досталось «по наследству» около двух тысяч законопроектов, и лишь к середине работы текущего созыва основную массу удалось рассмотреть.

В начале созыва депутаты обсуждали возможность «обнуления» (применения принципа дисконтинуитета) законопроектов по истечении определенного времени (сессии, созыва, года и т.д.), однако политики не смогли определить последствия такого шага и отложили решение. Кто выиграет от введения принципа дисконтинуитета? Можно ли его рассматривать как действенный инструмент парламентского влияния в ходе политической борьбы? Подобные вопросы волновали правоведов еще с момента зарождения российского парламентаризма, когда остро стоял вопрос разделения полномочий между Госдумой и Госсоветом [1].

В данном случае мы исходим из положений неоинституциональной теории вето-игроков, которая определяет роли прави-

тельствственных и парламентских структур и реальное влияние политических акторов по единому критерию – возможности оказывать негативное влияние на процесс принятия решений, т.е. блокировать законодательные инициативы [2, 3]. Таким образом, принцип дисконтинуитета можно понимать как возможность вето-игроков заблокировать решение без публичного рассмотрения инициативы.

Классической работой, отражающей степень его эффективности в законодательном процессе, является статья ван Шагена [4]. Как метко отмечает ван Шаген, «дисконтинуитет является изящным способом отклонения правительственных законодательных инициатив без процедуры голосования». Как результат, особое значение в законодательном процессе приобретают субъекты конструирования повестки дня парламента [5], пользующиеся таким инструментом, как «непринятие решений».

Т. Иногучи отмечает, что принцип дисконтинуитета – это еще рычаг влияния оппозиции, поскольку дает шанс для сдерживания законопроектов, невыгодных для оппозиции [6]. В данном случае прекрасный пример – это институт «флибустьерства» в Сенате США, где время обсуждения законопроектов не ограничено, чем могут пользоваться несогласные с законопроектом.

Достоинством дисконтинуитета также может являться отсутствие влияния предыдущих созывов на действующих парламентариев, которым не надо рассматривать неактуальные законопроекты.

В России парламент формально является самым сильным субъектом законодательного процесса, потому что именно он устанавливает повестку дня. Но реальное влияние у исполнительной власти за счет контроля партийного большинства [2, 3].

В свою очередь, законодательных или конституционных ограничений, чтобы ввести принцип дисконтинуитета в России, нет. Этот вопрос регулируется только Регламентом палаты. Таким образом, данный механизм достаточно легко может быть принят простым большинством голосов депутатов Госдумы, а на постановления палаты парламента вето Президента и Совета

Федерации не распространяется. В итоге нижняя палата как минимум сможет избежать принятия непопулярных решений, получить дополнительный аргумент в согласовании законопроектов с другими субъектами права законодательной инициативы, а также выступить реальным вето-игроком в вопросах, не отвечающих интересам парламентариев.

Литература

1. Кравец И.А. Конституционный дизайн, государственные преобразования и российский бикамерализм в начале XX века // Право и политика. 2018. № 4. С. 60–106. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.4.25339.
2. Помигуев И.А. Роль вето-игроков в федеральном законодательном процессе в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М.: Моск. гос. ун-т, 2016. 228 с.
3. The role of Government in legislative agenda setting / G. Tsebelis, B.E. Rasch (eds). L., N.Y.: Routledge, 2011. 273 p.
4. Van Schagen J. The principle of discontinuity and the efficiency of the legislative process // The Journal of Legislative Studies. 1997. Т. 3, № 4. С. 115–125.
5. Помигуев И.А. Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 171–183.
6. Inoguchi T. Parliamentary Opposition under (Post-) One-Party Rule: Japan // The Journal of Legislative Studies. 2008. № 14 (1-2). P. 113–132.

I.A. Pomiguev

The principle of discontinuity as a mechanism to increase the political influence of parliament

The author analyzes the mechanism of “discontinuity” and options for using in relations of parliaments with the executive power. We study the formal possibilities of applying the principle of discontinuity in Russia.

Keywords: legislative process, principle of discontinuity, veto-players.

В.В. Попов, О.В. Харсеева

**Независимая экспертиза законодательства как одно
из стратегических направлений регионального
законотворчества в современной России
(на примере Курской области)**

Исследование посвящено изучению вопросов стратегического планирования регионального законотворчества, а также роли в этом процессе институтов гражданского общества на примере имеющегося в Курской области опыта проведения независимой правовой экспертизы региональных законопроектов.

Ключевые слова: стратегия регионального законотворчества, Курская область, экспертиза.

В настоящее время можно утверждать, что опыт регионального законотворчества в России имеет уже достаточно длительную историю для того, чтобы данный процесс был основан на научных достижениях и научном прогнозировании. Это предполагает выработку стратегии законотворчества, которую можно обозначить как определенный план законопроектной деятельности, ориентированный на решение конкретных задач и достижение целей с учетом имеющихся ресурсов. Такой план должен быть основан на наиболее эффективных формах, средствах и методах подготовки, издания и переработки нормативных правовых актов, позволяющих качественно урегулировать общественные отношения [1. С. 20].

Выработка законодательной стратегии позволит выявить существующие проблемы правового регулирования в конкретных сферах и, следовательно, вопросы, на которых необходимо сосредоточиться законодателю в перспективе. Иной подход неизменно приводит к «распылению» внимания, бессистемности в работе законодателя, имитации законодательной активности посредством множества изменений законодательных актов, неизбежным ошибкам. Так, анализ законотворческой деятельности Курской областной Думы за последние 10 лет (2008–

2018 г.) позволяет увидеть соотношение количества принятых в течение календарного года законов и актов о внесении изменений и дополнений: 2008 г. – 111 принятых законов / 69% из них – о внесении изменений и дополнений; 2009 г. – 119/82, 2010 г. – 114/78, 2011 г. – 118/70, 2012 г. – 138/76, 2013 г. – 126/75, 2014 г. – 95/72, 2015 г. – 134/78, 2016 г. – 113/79, 2017 г. – 100/80, 2018 г. – 91/86¹. Обратим внимание, что подавляющее большинство законов Курской области за последние десять лет были посвящены внесению изменений и дополнений в ранее принятые акты, и причина этого, конечно, не только в динамичном развитии общественных отношений в регионе, но и в отсутствии приемлемого качества принимаемых законодательных актов и эффективной стратегии законотворчества.

Важной частью выработки данной стратегии является тесное взаимодействие с научным сообществом региона, институтами гражданского общества: использование этого потенциала позволит осуществить планирование грамотно, на основе последних достижений юридической техники, а также верно определить «болевые» точки региона.

На наш взгляд, целесообразно, чтобы такая стратегия нашла свое воплощение в самостоятельном планово-прогнозном правовом документе, что позволит не только профессионально и аргументированно подойти к ее разработке с привлечением научного сообщества и институтов гражданского общества, но и осуществить контроль за ее реализацией.

Обратим внимание, что в Курской области существуют примеры плодотворного взаимодействия представителей научного сообщества и Курской областной Думы. Так, на базе кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета действует Центр правовой экспертизы (ЦПЭ)², основное внимание в работе которого уделяется изучению законов и законопроектов в сфере социальной политики (доля законов Курской области в этой сфере существенная: за

¹ Подсчитано с использованием базы региональных документов СПС «Гарант».

² Официальный сайт Центра правовой экспертизы КГУ – expert.kursksu.ru

последние 10 лет колебалась в пределах от 20 до 42%¹). Экспертная деятельность сотрудников ЦПЭ привела к корректировке ряда законодательных актов. Так, в результате проведения независимой антикоррупционной экспертизы, в Законе Курской области от 1 февраля 2012 г. № 12-ЗКО «Об организации деятельности приемных семей для граждан пожилого возраста и инвалидов в Курской области» [2], был выявлен коррупциогенный фактор, устанавливающий для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения – широта дискреционных полномочий (п. 3 абз. «а») Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации) [3]. В результате Законом Курской области от 28.05.2018 № 27-ЗКО [4] в п. 2 ч. 6 ст. 4 Закона Курской области от 1 февраля 2012 г. № 12-ЗКО были внесены соответствующие изменения, касающиеся условий и порядка образования приемной семьи.

Положительный опыт в данном направлении деятельности ЦПЭ позволяет утверждать, что такая работа является стратегически перспективной. Основное внимание при этом должно быть уделено более широкому использованию интеллектуального потенциала институтов гражданского общества, который, являясь важным социальным ресурсом, представляет собой совокупность накопленных научных знаний, социальной практики и способности к творчеству [5. С. 137]. Полагаем, что включение более широкого круга различных общественных формирований в правотворческий процесс будет способствовать реализации их интеллектуального потенциала, сближению теории и практики, разработке эффективной стратегии законотворчества, а в конечном итоге совершенствованию законодательства в регионе.

Литература

1. Головкин Р.Б. Стратегия правотворчества: право в системе факторов, влияющих на его действие // Вестник Владимирского государственного университета. 2014. № 1 (1). С. 17–27.

¹ Подсчитано с использованием базы региональных документов СПС «Гарант».

2. Об организации деятельности приемных семей для граждан пожилого возраста и инвалидов в Курской области: Закон Курской области от 01.02.2012 г. № 12-ЗКО // Курская правда. 2012. 4 февр. № 11.

3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 г. № 96 // Российская газета. 2010. 5 марта. № 46.

4. О внесении изменения в пункт 2 части 6 статьи 4 Закона Курской области «Об организации деятельности приемных семей для граждан пожилого возраста и инвалидов в Курской области»: Закон Курской области от 28.05.2018 г. № 27-ЗКО // Курская правда. 2018. 1 июня. № 63.

5. Кунгурцева Г.Ф. Социологический анализ понятий «интеллектуальный потенциал личности» и «интеллектуальный потенциал общества» // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 5. С. 136–139.

V.V. Popov, O.V. Kharseeva

Independent examination of legislation as one of the strategic directions of regional lawmaking in modern Russia (on the example of the Kursk region)

The study is devoted to the study of issues of strategic planning of regional lawmaking, as well as the role of civil society institutions in this process, using the experience of conducting independent legal expertise of regional bills in the Kursk region.

Keywords: strategy of regional lawmaking, Kursk region, expertise.

В.И. Постол

Парламентаризм и цифровая демократия: проблемы репрезентативности

В статье анализируется кризис института выборных представителей. Показаны принципы репрезентации в сетевой коммуникации. Особый акцент делается на актуализации делиберативной концепции демократии. Изложены взгляды на делиберативный потенциал интернета.

Ключевые слова: парламентаризм, цифровая репрезентация, делиберация.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях цифрового ускорения характерной чертой общественной мысли и практики становится выработка новых ориентиров демократизации. Классическая демократия соответствовала идее древней коллективной свободы и предполагала прямое вовлечение граждан в обсуждение общего дела. В больших сообществах, где непосредственная демократия не могла работать из-за коммуникативной сложности, выбор делался в пользу репрезентативной (представительной) демократии. В эпоху BigData появились надежды на «перезапуск» демократии, возрождение широкого народовластия. Однако в условиях дигитализации политического поля весомые аргументы получают и критики цифровой демократии. Целью настоящей статьи является исследование проблемных вопросов политической репрезентативности в контексте цифрового реформатирования власти и общества.

В первой части нашей работы акцент делается на вопросах соотношения парламентаризма и демократии. Признание суверенной воли народа является фундаментом парламентаризма, однако в начале эпохи модерна представительное правление не воспринималось как правление народа. Весьма симптоматично, что в политических дебатах, развернувшихся в связи с принятием Конституции США 1787 г., республика противопоставлялась демократии. «Федералист» № 14 приводит следующий аргумент: «...при демократии народ собирается купно и осуществляет правление лично, тогда как в республике съезжаются и

управляют страной его представители и уполномоченные на то лица» [1. С. 104]. Политическая инерция еще долго заставляла федералистов противопоставлять республику демократии. Но уже в 1819 г., размышляя о формуле Мэдисона, Дж. Адамс (второй президент США) пришел к следующему выводу: «Различение республики и демократии мистером Мэдисоном не может быть оправдано. Демократия на деле и есть республика, как дуб является деревом, а храм – зданием» (цит. по: [2]).

Следует сказать, что передача эстафеты реальной власти в руки буржуазии формально выглядела как продолжительный переход абсолютной монархии к системе всенародного представительства. Феодалное общество держалось на альянсе монархии и аристократии, который скреплялся церковью и защищался армией. Для защиты права на земельную собственность аристократы имели мандат божественного происхождения. Парламент не обладал подобной легитимностью. При переходе от феодализма к капитализму, когда центральная ценность общества сместилась от землевладения к владению капиталом, демократический элемент был призван обеспечивать легитимизацию власти элит. В эпоху модерна народ становится новой сакральной ценностью. Секуляризованная пирамида оказалась перевернутой. И то, что сегодня называют «кризисом демократии», в значительной мере связано с обнажением элитарной природы представительной демократии [3].

В начале эпохи модерна представительство рассматривалось как своего рода мосты, сокращающие разрывы в познании и пространстве. Но сегодня либеральная логика политического представительства стала расходиться с логикой демократизации. Политиков стали обвинять в том, они сами стали труднопреодолимой дистанцией, которую и призваны были сокращать. Естественная напряженность между «представительством как замещением» и «представительством как подобием» сместилась в пользу подобия [4]. Возникла критическая проблема актуальности демократического представительства, с точки зрения граждан.

Вторая часть исследования посвящена рассмотрению проблемных вопросов демократического представительства в циф-

ровой среде. В условиях новой цифровой реальности усилились дебаты относительно места и роли интернета в развитии демократии. В центре дискуссий – уникальные возможности, которые генерирует интернет, и угрозы, исходящие от цифрового мира. В теории, вроде, все ясно: цифровая демократия – это новый, интерактивный тип политической деятельности, позволяющий с помощью digital-инструментов минимизировать гражданам и властным институтам временные, пространственные и прочие ограничения в производстве решений (К.Л. Хакер, Дж. ван Дейк) [5]. Однако практика дигитализации политической коммуникации свидетельствует и о других реалиях.

Цифровая реальность становится новым слоем повседневной жизни все большего числа людей. Но вместо единой информационной вселенной на наших глазах появилось бесчисленное множество замкнутых мини-площадок для общения людей, вовлеченных в коллективное политическое действие. Кроме того, пользователи во все большей степени попадают в зависимость от технических алгоритмов, на основе которых функционируют такие технологические гиганты, как Facebook, Google и др. Интернет не просто сохраняет, но и усиливает медиаконцентрацию, а «пристрастные» цифровые технологии дают государству и большому бизнесу дополнительную власть и богатство. В условиях цифровой революции либеральная логика политического представительства стала расходиться с логикой демократизации.

Кризис господствующей политики дал критикам либеральной демократии новые аргументы в пользу прямой демократии. Особую популярность, в частности, обрела идея опросной демократии как переходного звена между прямой и представительной демократией. Нельзя не сказать, что идея прямой демократии предполагает волю, выраженную в результате обсуждения общего дела, но если мы фиксируем волю конкретных людей в виде репрезентативного мнения, то получаем нечто противоположное прямой демократии. «Логика любой цифровой репрезентации ровно та же – подмена конкретной воли человека случайным мнением» [3]. Если нет предварительного столкновения разных точек зрения в публичном пространстве, опросная демо-

кратия, скорее всего, будет работать на закрепление и усиление доминирующих репрезентаций.

Тем не менее, превратившись в ключевую информационную инфраструктуру гражданского общества, именно Сеть становится сегодня эффективным инструментом влияния на институты власти. Умерив свой оптимизм, некоторые авторы предлагают рассматривать цифровую демократию «не как совокупность инновативных принципов управления, а в качестве особой системы отношений граждан к политическому пространству» (Б.Д. Погрузчик, Д. Мерсея) [5]. Стивен Коулман предлагает обсуждать не столько то, как интернет влияет на демократию, сколько «какого рода демократию мы хотим создать для самих себя» [4]. Одно из предложенных решений данной задачи – возрождение делиберативной формы демократии.

Теория делиберативной (дискурсивной) демократии, выдвинутая Юргеном Хабермасом, часто критиковалась за ее идеализированный характер и непрактичность и некоторое время находилась на периферии демократической теории и практики. Развитие глобальной Сети приводит к возникновению новых социальных практик. В Швейцарии – стране прямой демократии, в 2015 г. стартовал проект «Кампус для демократии». Задача проекта – превратить молодых швейцарцев в сознательных и ответственных граждан (SRF/swissinfo.ch). В России самой масштабной площадкой электронных референдумов является проект «Активный гражданин». Однако, несмотря на технологические инструменты поддержки, новые дискурсивные практики с трудом приспособляются к нелиберальной модели демократии, весьма не «дружелюбной» к большей роли демоса.

Далеко не всегда делиберативная демократия может быть эффективной в координативном дискурсе власти, поскольку она озабочена скорее трансформированием, нежели агрегированием предпочтений граждан. Но трудно переоценить значение делиберации в коммуникативном дискурсе на уровне местного самоуправления. Демократический режим может найти свое правильное выражение лишь в рамках сообщества, где формирование значимой для коллектива воли осуществляется на уровне

«микродемократии» – в рамках различных контекстов делиберативного пространства. В этом мы видим возможные перспективы дальнейшего исследования искомой проблемы.

Литература

1. Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / пер. с англ. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1993. 568 с.
2. Ильин М.В. Приключения демократии в Старом и Новом Свете // Экономика. Социология. Менеджмент: федеральный образовательный портал. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/695/460/1217/007_IIin.pdf (дата обращения: 31.03.2019).
3. Юдин Г. Кризис демократии в эпоху цифровой революции // Махпарк. URL: <http://maxpark.com/community/4765/content/6255345> (дата обращения: 14.10.2018).
4. Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? / пер. Ю.А. Кабанов и др. СПб.: Алетейя, 2018 // LiveJournal. URL: <https://philologist.livejournal.com/10397690.html> (дата обращения: 19.11.2018).
5. Научный контекст: угрозы и обещания цифровой демократии // N+1. URL: <https://etika.nplus1.ru/democracy/bibliograph> (дата обращения: 14.10.2018).

V.I. Postol

Parliamentarism and digital democracy: problems of representative

The article analyzes the crisis of the institution of elected representatives. The principles of representation in network communication are shown. Particular emphasis is placed on updating the deliberative concept of democracy. Outlines views on the deliberative potential of the Internet.

Keywords: parliamentarism, digital representation, deliberation.

А.Ю. Прокопенко

Конструирование национального мира России в Посланиях Президента В. Путина Федеральному Собранию

С помощью дискурс- и контент-анализа Посланий Президента Федеральному Собранию реконструируется смысловая структура российского национального мира. Выделяются три концептуальных ядра («российские традиции», «суверенная современная Россия», «своеобразие России») и раскрывается их содержание.

Ключевые слова: дискурс, конструктивизм, национальный мир, В. Путин.

Согласно Конституции РФ, Президент РФ обращается к Парламенту «с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства» [1]. Однако Послания Президента Федеральному Собранию не являются нормативно-правовыми актами и не обладают юридической силой, их задача во многом связана с конструированием национального мира России – формированием смыслов, поддерживающих национальное единство.

Нами проведено исследование 11 текстов – Посланий Президента России Федеральному Собранию, оглашенных Президентом В. Путиным с 2000 по 2019 г. включительно. Изучив Послания Президента В. Путина за 2000–2019 гг., мы можем расширить выводы исследователей Е.И. Бегловой и О.Ю. Шмелевой. Они сделали вывод, что «языковой код» коммуникации между властью и обществом дихотомичен: в нем есть как, условно, культурно-традиционалистский компонент (традиция, национальная общность, общее прошлое, история), так и условно демократический (доверие, диалог, уважение, обратная связь, человеческий капитал, человеческий ресурс) [2].

Однако мы, говоря о смысловой структуре российского национального мира в Посланиях Президента В. Путина, выделяем три концептуальных ядра, названных «российские традиции», «суверенная современная Россия», «своеобразие России». Внутри каждого ядерного образования можно выделить отдельные структурные элементы – смыслы.

К «российским традициям» относятся: традиции как таковые, моральные ценности, культура, борьба народа за свободу, особенно в Великой Отечественной войне. В Послании 2019 г. В. Путин говорил, что нужно объединить усилия всех граждан России, чтобы «сохранить Россию как цивилизацию, основанную на собственной идентичности на многовековых традициях, на культуре наших народов, ценностях и наших традициях», а нравственным каркасом общества была названа семья [3].

К «суверенной современной России» относятся такие смыслы, как суверенная демократия, гражданское общество и инициатива, отсутствие межэтнических конфликтов, открытость миру, необходимость защиты от внешней угрозы. В 2016 г. Путин заявлял, что «недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь», граждане определяют развитие страны, а Россия, которая не хочет враждовать, не допустит ущемления своих интересов [4].

Ядерное образование «своеобразие России» представлено следующими элементами: единство, общий мир, русский мир. «Единство» представляет собой ключевой смысл в конструировании национального мира России, пронизывая практически все Послания президента. Как показывает Послание 2014 г., во многом посвященное присоединению Крыма, территориям полуострова присваивается «цивилизационное и сакральное значение», ведь крещением князя Владимира в Херсонесе был заложен «духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства». [5]. Смысл «общий мир» заключен во многократном повторении темы сплоченного взаимодействия различных этнических и религиозных групп, составляющих единый российский народ. В отдельных посланиях конституируется образ русского мира, объединяющий россиян, соотечественников за рубежом и всех носителей русского языка и русской культуры.

В целом синтез «старого» (истории, культуры и традиционных ценностей) и «нового» (открытости миру, демократии, новых технологий) как гарантия успешного будущего – один из

базовых моментов доминирующего символического универсума, конституируемого Посланиями Президента.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // Конституция РФ 2019. URL: <http://constitutionrf.ru/tzd-1/gl-4/st-84-krf> (дата обращения: 30.03.2019).

2. Беглова Е.И., Шмелева О.Ю. «Языковой код» политической коммуникации (на материале выступлений Президента России В.В. Путина 2012–2015 гг.) // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-kod-politicheskoy-kommunikatsii-na-materiale-vystupleniy-prezidenta-rossii-v-v-putina-2012-2015-gg> (дата обращения: 30.03.2019).

3. Послание Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 30.03.2019).

4. Послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 30.03.2019).

5. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 30.03.2019).

A.Yu. Prokopenko

The construction of the national world of Russia at the Messages of the President V. Putin to the Federal Assembly

The semantic structure of the Russian national world is reconstructed with the help of a discourse- and content analysis of the Presidential Messages to the Federal Assembly. Three conceptual cores are distinguished (“Russian traditions”, “sovereign modern Russia”, “originality of Russia”) and their content is revealed.

Keywords: discourse, constructivism, national world, V. Putin.

Ю.А. Пустовойт

Модернизация, городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах¹

Рассматривается проблема возникновения и развития протестных сообществ в сибирских городах. Показано влияние модернизационных процессов и сложившихся властных коалиций на уровень протестной активности в городах Сибири. Предложены возможные сценарии дальнейшего развития политической ситуации.

Ключевые слова: протестное сообщество, городской режим, город.

Как влияют процессы модернизации на складывающиеся в городах властные коалиции и рост протестной активности? Основные тезисы, которые здесь изложены, – некоторые итоги полевых наблюдений и интервью, проводимых в 2018 г. в ряде сибирских городов с участниками и лидерами протестных объединений, а также предыдущих работ, связанных с макроисторическими подходами в изучении революционных волн и городских политических режимов.

В исследовании мы понимаем город как лабораторию общественных процессов, место, где локализуются и проявляются общие экономические, политические и социальные конфликты. Модернизация, как ее определяет Р. Коллинз [1. С. 266], рассматривается как многомерный процесс движения обществ по четырем автономным, конкретным измерениям: бюрократизации, секуляризации, капиталистической индустриализации и демократизации. Комплекс изменений нарушает привычные нормы взаимодействий и сложившиеся структуры социальной иерархии, что порождает кризисы, выступающие стимулом для принятия решений государственными и местными коалициями власти (городским режимом) и приятием / неприятием этих решений населением. Возникающие проблемы могут быть решены

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18-011-00866.

в поле публичной и институционализированной политики (административные решения, парламентские дебаты, судебные разбирательства и электоральная борьба), в поле публичной политики с неформальными правилами взаимодействия (переговоры, полемика, споры и дискредитация в СМИ) и в поле «уличной», рискованной (есть возможность скатывание в поле вооруженной борьбы) политики, для которой характерно отсутствие правил и которая обычно отождествляется с революцией, насилием, протестами и протестными объединениями. Итог борьбы, как показывает в теоретическом анализе Н. Розов, зависит от скорости мобилизации режима или протестующих, кто создаст большую и лучше организованную коалицию привлекательной для масс программой, обладающей всеми необходимыми видами ресурсов [2].

Действующие в сибирских городах властные коалиции (городские режимы по К. Стоуну) представляют собой хоть и не стабильные, во многом случайные и построенные на личных и корпоративных интересах, но вполне устойчивые объединения держателей административных и экономических ресурсов (администрации, парламентариев, бизнеса и общественных организаций), ориентированные либо на экономическое развитие города (режим развития), либо на закрепление политических позиций (режим статус-кво) [3, 4].

Другая сторона, «протестное сообщество», под которым мы понимаем совокупность индивидов, объединенных общей реакцией неприятия той или иной ситуации, формируется через отрицание ценностей или интересов других групп. Несмотря на многообразие и различия в масштабах проблем мы, ориентируясь на подход М. Вебера, выделили четыре этапа формирования протестного сообщества и, соответственно, четыре типа протестных объединений, в зависимости от преобладающего в них типа действий [5. С. 88–90]. Вне идеологического содержания и стимула их динамику можно описать как движение от аффективного поведения к традиционным практикам и далее к ценностно-рациональным и целерациональным стратегиям.

Предполагаем, что в условиях ухудшения экономической ситуации нас ждет рост активности в наиболее модернизированной

ных по всем направлениям городах, имеющих опыт целерационального поведения и политического успеха, – Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске, возможно, в Омске и Барнауле – с самым широким диапазоном средств и по самой широкой протестной повестке. В остальных городах СФО эффективная протестная активность будет значительно меньше.

Литература

1. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности – Манн. М. Источники социальной власти: в 4 т. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. Т. 4. 672 с.

2. Розов Н.С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 92–108. DOI: 10.17976/jpps/2017.

3. Чирикова А.Е., Ледаев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.

4. Пустовойт Ю.А. Городские политические режимы: типология, причины формирования и возможности акторов // Вестник Бурятского университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 3. С. 9–16.

5. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2016. Т. 1: Социология. 445 с.

Yu.A. Pustovoit

Modernization, urban regimes and protest communities in Siberian cities

The problem of the emergence and development of protest communities in Siberian cities is considered. The influence of modernization processes and existing power coalitions on the level of protest activity in cities of Siberia is shown. Possible scenarios for the further development of the political situation are proposed.

Keywords: protest community, urban regime, city.

Использование административного ресурса на выборах в Государственную думу начала XX в.: сибирский опыт

Анализируется сибирский опыт административного воздействия на ход и результаты выборных кампаний в Государственную думу начала XX в. Показаны различные аспекты использования возможностей центральной и местной власти контролировать выборы в I–IV Думы. Отмечается, что в Сибири решающего значения такое вмешательство на итоги думского избирательного процесса не имело.

Ключевые слова: Государственная дума, выборы, администрация.

Как известно, выборы в Государственную думу в Российской империи проводились четыре раза: в 1906 г., дважды в 1907 г. и в 1912 г. Две первые кампании пришлись на революционное время, а две последующие проходили в условиях относительно стабильного периода третьей и четвертой монархии. Практически вся работа, связанная с организацией избирательного процесса, контролем за соблюдением законодательства в этой сфере, были возложены на исполнительную власть, прежде всего на Министерство внутренних дел.

Высокую заинтересованность ходом выборов в нижнюю законодательную палату демонстрировало правительство в целом и его глава в особенности. Вместе с тем внимание Председателя Совета министров принимало различные очертания, в зависимости от того, кто занимал эту должность и других обстоятельств. С.Ю. Витте (октябрь 1905 г. – апрель 1906 г.) стремился по максимуму исключить незаконное вмешательство правительственных структур в течение избирательной кампании, сделать выборы более демократическими. И это ему по большому счету удалось. Однако неудовлетворительный для самодержавия состав I Государственной думы обусловил отставку Витте. Расчет на то, что все само собой образуется, не оправдался. Ставка на монархические верноподданнические настроения русских крестьян оказалась ошибочной.

П.А. Столыпин постарался избежать ошибок С.Ю. Вите. Правительство в период кампании по выборам во II Думу применило практику так называемых сенатских разъяснений. Это был хорошо продуманный сценарий поведения. В Сенат направлялся из какого-нибудь провинциального города вопрос, детально не прописанный в нормативно-правовых актах, и на него давался ответ в выгодном для правительства смысле. Осенью 1906 г. такого рода разъяснений было дано немало. В результате из избирательных списков были исключены целые категории жителей, имевших право голоса в перводумскую кампанию (снимавшие на свое имя квартиру; проживавшие в так называемом ведомственном жилье; низшие служители железных дорог и др.). Лишь после того, как названные меры не дали того эффекта, на который рассчитывал П.А. Столыпин, премьер решился на изменения избирательного закона в июне 1907 г. Отныне вмешательство власти становилось «точечным»: из выборного процесса пытались исключить не категории граждан, а крайне неугодных власти конкретных избирателей, особенно если у них оказывались высокими шансы пройти в выборщики.

Вышеназванная тенденция прослеживается и на сибирском материале. Причем, далеко не каждое устранение из избирательных списков следует расценивать как использование административных рычагов по отношению к неугодному власти лицу. Например, в 1907 г., в течение выборной кампании во II Государственную думу, из числа избирателей по г. Омску был выведен А.Н. Букейханов, ранее избиравшийся в I Думу от населения Семипалатинской области. Никакого нарушения гражданских прав в данном случае не было. Наоборот, была исправлена ошибка, вследствие которой Букейханова включили в список избирателей, чего не следовало делать, так как его лишили избирательных прав как привлеченного к суду по делу о Выборгском воззвании.

Совсем иная ситуация наблюдалась на выборах в IV Государственную думу от Забайкальского казачьего войска. Выборы в войске проходили, как и по другим куриям, осенью 1912 г. А.А. Войлошников, депутат III Думы от забайкальских казачьих

станец, имел отличные перспективы вновь стать парламентарием. Однако его деятельность в составе социал-демократической фракции III Думы настолько раздражала правительство, что из высших коридоров власти 8 октября 1912 г. была направлена в Читу телеграмма с предписанием сделать все возможное для исключения Войлошникова из выборного процесса. Товарищ министра внутренних дел А.Н. Харузин обращался к военному губернатору Забайкальской области: «В случае [если] он (Войлошников. – *Ю.Р.*) избран выборщиком, прошу войти в подробное обследование, не было ли допущено каких-либо неправильностей при его избрании и не представляется ли возможным предложить уездной комиссии об отмене его избрания. Если нет оснований отмене, благоволите принять все возможные меры, чтобы Войлошников не был избран в члены Думы» [1. Л. 109]. Налицо стремление главы ведомства соблюсти российские законы: если и отстранить от выборов, то со ссылкой на «неправильности» избрания Войлошникова выборщиком. Конечно, в министерстве осознавали, что в случае повторного избрания неугодного власти казачьего депутата лишить его мандата могла только сама Дума. Следовало спешить. И местные власти поспешили, да так, что можно этому только удивиться. В тот же день, 8 октября 1912 г., областная избирательная комиссия по выборам в Государственную думу (Забайкальской области) исключила А.А. Войлошникова из числа выборщиков. Решение об исключении было принято на том основании, что якобы Войлошников потерял избирательный ценз. Вместе с тем некоторые его станичники-земляки, также к тому времени утратившие имущественный ценз, но угодные администрации, в списках были оставлены [2. Л. 1].

И все-таки случаев прямого воздействия власти на ход и результаты выборов на материалах Сибири известно совсем немного. Были другого рода каналы влияния на выборы, в частности, организационного плана. Например, С.Е. Крыжановский, автор третьейиюньского избирательного закона, внес новацию в избирательное право, разрешив губернаторам делить городские избирательные курии на отделения с целью обеспечить на гу-

бернском собрании выборщиков консервативное большинство. В двух безуездных городах Томской губернии, Новониколаевске и Колывани, на выборах в III и IV Думы были созданы отделения высокоцензовых избирателей, включенных в списки так называемых перворазрядников (I городская курия). А для остальной части граждан этих городов, которых было в несколько раз больше, отделения не создавались, и они должны были на свои средства ехать в Томск, чтобы отдать голос за кандидатов в выборщики по второму съезду городских избирателей. Каждому избирателю Новониколаевска, включенному в списки по второй городской курии, поездка в губернский центр обошлась бы в сумму 52 руб. 20 коп. Как отмечалось в одной из местных газет за август 1907 г., «небольшая сумма, но приличная, чтобы от нее отказаться ради выборов» [3]. В Томске на выборах в IV Государственную думу, по инициативе губернатора П.К. Грана, избиратели-«второразрядники» были разбиты на два отделения: 1) духовенства и служащих в учреждениях; 2) мелких домовладельцев и квартиронанимателей. Такое разделение курии преследовало известную цель – в конечном счете обеспечить состав выборщиков, лояльных к власти.

Таким образом, материалы выборов в Государственную думу, проходивших на территории Сибири, позволяют сделать вывод о том, что чиновники разного уровня компетенции оказывали определенное влияние на ход избирательной кампании. В то же время, как правило, они действовали в правовом поле. Об использовании административного ресурса можно вести речь, понимая под таковым, в первую очередь, деятельность правительства, направленную на корректировку состава избирателей и изменение избирательного закона, а также ее координацию с региональной властью в целях устранения от выборов отдельных, наиболее одиозных, по мнению центральной власти, лиц.

Литература

1. РГИА. Ф. 1327. Оп. 2 [1912 г.]. Д. 242.
2. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 326.
3. Сибирская заря (Иркутск). 1907. 12 авг.

Yu.P. Rodionov

Using the administrative resource in elections for the State Duma of the early 20th century: Siberian experience

The article examines Siberian experience of administrative influence on the course and results of election campaigns for the State Duma of the early 20th century. Different aspects of using the possibilities of local and central authorities to monitor the elections for I–IV State Dumas have been shown. It's being noted that there wasn't such a dramatic impact of the given interference to the results of Duma election process in Siberia.

Keywords: State Duma, elections, authorities.

Парламентаризм в Республике Тыва на современном этапе

Анализируется институт парламентаризма в Республике Тыва на современном этапе. Описываются основные особенности функционирования парламента – Великого Хурала в общественно-политической жизни региона.

Ключевые слова: Республика Тыва, региональный парламент, политическая система, парламентаризм.

Процесс формирования институтов региональных парламентов как новых институтов политической системы Российской Федерации непосредственно взаимосвязан с усилением и укреплением демократических основ государственности и обеспечением целостности страны в рамках установленных конституционных принципов.

Фундаментом парламентаризма служит признание народа суверенном и единственным источником власти. Данное положение является стержневым в Конституции Российской Федерации, где в статье 3 провозглашается: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1]. Данный посыл служит твердым основанием парламентского строительства.

В условиях политических и социально-экономических преобразований, происходящих в стране, весьма актуальным является вопрос повышения эффективности деятельности законодательных (представительных) органов субъектов. Изучение особенностей становления и функционирования органов законодательной власти субъектов выступает важной предпосылкой повышения эффективности их деятельности [2].

Понятие «парламентаризм» многостороннее и имеет разнообразные научные подходы к изучению. Проблемы функционирования и особенности жизнедеятельности представительных органов власти, так или иначе, упоминались в трудах Аристотеля, Платона, Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье, Цицерона, Г. Гегеля,

Ж.-Ж. Руссо, М. Вебера, Р. Михельса и других выдающихся мыслителей.

Среди первых отечественных исследователей вопросами изучения парламентаризма и разделения властей занимались Б.Н. Чичерин, К.Н. Соколов, Л.Н. Тихомиров, М.М. Ковалевский, Н.П. Дружинин и др.

На современном этапе общетеоретические аспекты парламентаризма исследуются в комплексных работах Н.И. Бирюкова, Г.В. Голосова, А.И. Ковлера, И.В. Котелевской, Р.М. Романова, В.В. Желтова, В.М. Сергеева, С.Н. Чируна, С.В. Бирюкова, Ж. Блондель, Р. Дика, Дж. Коукли, И. Мени, Д. Олсона, Д. Орнстина и других ученых.

Особенности институтов власти, в том числе законодательных и представительных, в регионах Российской Федерации обуславливаются во многом исторической, культурной и этнической спецификой. Республика Тыва не стала исключением. Специфические черты, присущие национальной республике, проявляются в менталитете, своеобразии социального и политического сознания всех слоев населения региона.

Исследования, посвященные в целом особенностям политического процесса в Республике Тыва, содержатся в научных трудах Ч.К. Ламажаа, О.П. Оюн, З.В. Анайбан, Н.М. Моллерова, В.Р. Фельдмана, Н.А. Ондара и др.

Современный этап функционирования регионального парламента Республики Тыва – Верховного Хурала начинается с 1993 г. Именно с данного периода стартуют процессы по реформированию представительных органов власти и органов местного самоуправления в стране.

Согласно п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 09.10.1993 г. № 1617 представительный орган края, области, автономной области, автономного округа, города федерального значения принимает нормативно-правовые акты по вопросам, отнесенным Конституцией Российской Федерации, Федеративным договором и законодательством Российской Федерации к ведению представительных органов соответствующих субъектов Российской Федерации, утверждает соответствующий бюд-

жет и отчет о его исполнении, осуществляет контрольные функции представительного органа [3].

В соответствии с данным указом и с принятием 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации, в которой признано конституционно-правовое равноправие субъектов Российской Федерации, в Тыве начинается активная республиканская законотворческая работа.

События 1990-х гг. в России во многом определили дальнейшее развитие политических систем национальных республик и оказали в той или иной степени влияние на их политический процесс. Тыва не осталась на стороне проходящего локомотива [4]. В данный период времени формирование и функционирование нового законодательного органа в республике осуществлялось в достаточно сложной общественно-политической и социально-экономической обстановке. Впрочем, подобная картина была характерна и для других субъектов постсоветской России.

Первые выборы в региональный парламент – Верховный Хурал состоялись в конце 1993 г. С этого момента можно начать отсчет современного тувинского парламентаризма [5]. Перед всеми депутатами Верховного Хурала стояла непростая задача – предпринять меры по стабилизации обстановки в республике, а также определить стратегические приоритеты социально-экономического развития.

32 депутата Верховного Хурала первого созыва избирались по смешанной системе – мажоритарной и пропорциональной, т.е. 27 депутатов избирались по одномандатным округам и 5 депутатов – по спискам общественных движений и партий [5].

Одной из главных особенностей Верховного Хурала стало то, что все депутаты работали на постоянной профессиональной основе. Первое заседание нового законодательного органа региона состоялось в январе 1994 г. В составе парламента образовано семь профильных комитетов и три фракции: Коммунистическая, Народной партии суверенной Тувы и женщин-депутатов [Там же].

Региональный парламент – Верховный Хурал Республики Тыва – осуществлял законотворческую деятельность в сферах

государственного строительства, конституционно-правовой политики, экономики и бюджета, аграрной и социальной политики, межпарламентских связей, а также имел полномочия принимать Конституцию Республики Тыва, давать согласие на назначение и освобождение от должности всех заместителей председателя правительства и министров региона.

Следующий период становления и развития парламентаризма в Республике Тыва стартует с принятием 6 мая 2001 г. нового основного закона региона – Конституции [6]. В 2002 г. впервые в истории тувинского парламентаризма был избран двухпалатный парламент – Великий Хурал. Согласно новой Конституции, верхняя палата – Палата представителей – состояла из 130 депутатов, нижняя – Законодательная палата – из 32 [7]. Очевидно, что экономически слабо развитому региону содержать столь огромный корпус депутатов было нецелесообразно и расточительно.

В 2009 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в послании Федеральному Собранию предложил ввести единый критерий установления количества народных избранников: «Сегодня это делается абсолютно произвольно, что иногда приводит к труднообъяснимым результатам. Например, многомиллионное население экономически сильной Москвы представлено в городской думе 35 народными избранниками, а в Великом Хурале Республики Тыва (экономические возможности которой, к сожалению, куда как более скромные по сравнению с Москвой, а население в 30 с лишним раз меньше) заседает 162 депутата. Необходимо предусмотреть гибкий порядок постепенного выравнивания этих перекосов. Представительство должно быть более универсальным» [8].

В этой связи по предложению инициативной группы в 2010 г. в республике прошел референдум по приведению в соответствие федеральному законодательству некоторых статей Конституции Республики Тыва и упразднение двухпалатного Великого Хурала (парламента) Республики Тыва. На всенародном голосовании народ республики поддержал инициативу об учреждении в Республике Тыва однопалатного парламента [7].

В настоящее время региональный парламент Республики Тыва – Верховный Хурал является постоянно действующим и единственным законодательным органом государственной власти Республики Тыва. Депутатский корпус состоит из 32 человек. В соответствии со ст. 20 Регламента Верховного Хурала (парламента) образовано 7 комитетов [9].

На данный момент в Республике Тыва зарегистрировано 19 политических партий [10]. В республиканском парламенте – Верховном Хурале действуют две депутатские фракции, в которых интересы граждан представляют «Единая Россия» и «Справедливая Россия» [11, 12]. С 2010 г. региональный парламент принял более 600 законов, затрагивающих разные аспекты общественно-политической, социально-экономической жизни Республики Тыва.

Литература

1. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Спарк, 2001. 670 с.
2. Монге А.Н., Ондар Н.А. Становление и развитие парламентаризма в Республике Тыва (историко-правовой анализ). Красноярск, 2011. 210 с.
3. О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 09.10.1993 № 1617 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2562/ (дата обращения: 30.04.2019).
4. Сади С.С. Конституция как одна из доминант эволюции регионального политического процесса в Туве // Этносоциум – межнациональная культура. 2018. № 8 (122). С. 91–95.
5. Юбилейное издание к 25-летию Верховного Хурала «От имени народа, во имя народа». Абакан: ООО ИПП «Журналист», 2019. 120 с.
6. Конституция Республики Тыва от 06.05.2001 (с изм. на 01.01.2019) // Консорциум Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906705011> (дата обращения: 30.04.2019).
7. Официальный сайт Верховного Хурала Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/info/history/> (дата обращения: 25.03.2019).
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31381> (дата обращения: 30.04.2019).
9. Регламент Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва // Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/info/polnomochiya.php> (дата обращения: 30.04.2019).

10. Список региональных отделений политических партий, содержащихся в ведомственном реестре зарегистрированных некоммерческих организаций по Республике Тыва // Избирательная комиссия Республики Тыва. URL: <http://www.tyva.izbirkom.ru/politicheskie-partii/partii/> (дата обращения: 30.04.2019).

11. Сади С.С. Политические партии в Туве на современном этапе // Этносоциум – межнациональная культура. 2017. № 9 (111). С. 89–97.

12. Ондар Н.А. Конституционное развитие Республики Тыва (история и современность). Абакан: ГУП «Полиграфическое предприятие “Хакасия”», 2009. 512 с.

S.S. Sadi

Parliamentarism in the Republic of Tyva at the present stage

The article analyzes the institution of parliamentarism in the Republic of Tyva at the present stage. The main features of the functioning of the parliament - the Great Khural in the public and political life of the region are described.

Keywords: Republic of Tyva, regional parliament, political system, parliamentarism.

А.В. Сат

Региональный депутатский корпус: социокультурный контекст (на примере Республики Тыва)

Анализируется состав депутатского корпуса парламента Республики Тыва и Хурала представителей города Кызыла. Рассматривается социокультурная составляющая депутатского корпуса. Проведено сравнение составов муниципального, регионального и федерального органов представительной власти современности.

Ключевые слова: парламент, политическая культура, выборы, депутаты.

Парламент Республики Тыва (РТ) – Верховный Хурал как законодательный орган функционирует с 15 августа 1921 г. [1]. В настоящий момент действует второй созыв депутатов (2014–2019 гг.). Общее количество депутатов составляет 32 человека (31 представитель партии «Единая Россия» и 1 депутат – партии «Справедливая Россия».

Также на территории республики действуют Хуралы представителей в каждом муниципалитете. Хурал представителей города Кызыла пятого созыва (2018–2023 гг.) состоит из 26 депутатов [2].

Предметом нашего анализа в данной статье является состав депутатского корпуса представительных органов власти РТ, а именно парламента РТ и Хурала представителей г. Кызыла. Представительный орган власти в силу своих функциональных возможностей способствует поддержанию политической культуры общества, поскольку показывает систему ценностных ориентаций, преемственность и обновление, обеспечение политических институтов и обоснование властных решений. Ее изучение позволяет раскрыть специфику политической жизни тувинского общества и общий смысл политических процессов регионально-го парламента.

Мы полагаем, что социокультурный анализ состава депутатского корпуса не только отражает политические реалии тувинского общества, но и выявляет общие тенденции российских политических процессов современности. По нашему мнению,

анализ состава депутатского корпуса даст совокупность политических ценностей, идей, убеждений и стереотипов тувинского общества.

На выборах в парламент Тувы и Хурал представителей г. Кызыла значительную поддержку избирателей получают заслуженные деятели спорта, культуры и искусства. Так, например, в составе депутатского корпуса второго созыва парламента Тувы и пятого созыва Хурала представителей г. Кызыла треть депутатов являются представителями культурной и спортивной сфер, это именитые борцы Тувы и музыканты.

Феномен привлечения спортивной и культурной элиты в политику наблюдается также и в последних трех созывах Государственной Думы Российской Федерации. На наш взгляд, в условиях развития виртуальной реальности, выхода политической сферы в интернет-пространство институт парламента всех уровней (федерального, регионального, муниципального) трансформировался в социокультурном контексте.

На наш взгляд, в связи со спецификой профессиональной деятельности необходима методика отбора депутатов всех уровней, как предложил Г.И. Пещеров [3]. По мнению ученого, депутаты должны пройти проверку образовательного уровня, а именно сдать основы государственного и муниципального управления. Данные меры способствовали бы повышению уровня профессионализма депутатского корпуса всех уровней, обеспечению рационального государственного подхода к решению значимых задач и проблем в масштабе всей страны.

Очевидно, что в условиях социокультурной разнородности депутатского корпуса разных уровней власти необходимо совершенствовать институт народного представительства, поскольку в демократическом государстве в условиях рыночной экономики представительная власть должна быть эффективным органом государственного управления.

Наряду с совершенствованием института парламента необходимо также детальное изучение политической культуры парламента. Как отметили политологи А.И. и Н.Г. Щербинины, феномен парламентарской культуры остается неизученным в отече-

ственной политической науке [4]. Анализ парламентской культуры позволит выявить скрытые угрозы и потенциальные возможности современного института парламента, а также повысить эффективность депутатского корпуса.

Литература

1. Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <http://www.khural.org/info/history/> (дата обращения: 25.03.2019).

2. Хурал представителей города Кызыла. URL: <http://www.mkzyzl.ru/gorhural/> (дата обращения: 26.03.2019).

3. Пешеров Г.И. Застой в законодательной власти, или С чего начать реорганизацию властных структур современной России // Власть. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zastoy-v-zakonodatelnoy-vlasti-ili-s-chego-nachat-reorganizatsiyu-vlastnyh-struktur-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 27.03.2019).

4. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Парламентская культура: коммуникативный аспект // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskaya-kultura-kommunikativnyy-aspekt> (дата обращения: 29.03.2019).

A.V. Sat

The regional deputy corps: the sociocultural context (on the example of the Republic of Tuva)

The composition of the deputy corps of the Parliament of the Republic of Tuva and Khural of representatives of the city of Kyzyl is analyzed. The sociocultural component of the deputies is considered. A comparison of the composition of the municipal, regional and federal authorities of representative power of modernity.

Keywords: parliament, political culture, elections, deputies.

В.А. Сгельников

**Язык законотворческой деятельности конгресса США
как инструмент формирования
негативного имиджа В.В. Путина**

Рассмотрение законопроектов в парламенте США является театральной постановкой, где роли заранее распределены. В текстах США противостоят именно президенту России, который персонифицирует политическую систему и угрозу. Это влияет на формирование повестки дня и на создание негативного имиджа России.

Ключевые слова: негативный имиджа России, имидж В.В. Путина, конгресс США, информационные войны.

Современные отношения между Россией и США сложно назвать теплыми. Серьезные геополитические события 2014 г. и последующие афтершоки, обвинение во вмешательстве в президентские выборы в США и т.п., стали триггером для ухудшения отношений и для начала информационного противостояния. Благодаря новым технологиям и высоким показателям проникновения интернета в общественную жизнь, это противостояние принимает разные формы. Фейки и фактоиды, постправда активно транслируются как через классические СМИ, так и распространяются в интернете. Понятие правды и истины размываются, уступая место эмоциональной накатке и позиции «автор путается в деталях, но в целом он прав». На примере международного имиджа России видно, что эти инструменты позволяют достаточно эффективно создавать негативный персонализированный имидж государства. В данной работе нам бы хотелось рассмотреть язык законотворческой деятельности конгресса США как инструмент формирования негативного имиджа президента и России в целом. В качестве материалов мы используем законопроекты, законы и резолюции, которые или были приняты или на данный момент рассматриваются в обеих палатах парламента США.

Еще в западной советологии период правления каждого советского лидера имел упрощенное и порой карикатурное описа-

ние. Предполагалось, что в России новый лидер выстраивает собственную внешнюю и внутреннюю политику, исходя из своих личностных черт и установок [1]. Исходя из этого, было вынесено предположение, что всем, кто находился на ступень ниже, приходилось подчиняться воле этого лидера, чтобы сохранить свое место и жизнь. Анализируя тексты современных западных исследований и СМИ, можно прийти к заключению, что они считают Путина базовым элементом политической системы России, более того, присутствует чуть ли не прямое отождествление В.В. Путина и политической системы России [2]. Порой доходит до того, что политические отношения между странами сводятся к отношениям США и Путина. Подобное отношение американских политических элит можно увидеть в докладах исследовательского управления конгресса США [3], где подчеркивается, что президент буквально вездесущ («omnipresence» или «ubiquity»).

Так, в резолюции № 1023 от 24.07.2018 г. конгресс *«осуждает нападение / атаку Владимира Путина на чиновников США и выражает поддержку тем американцам, которые служат своей нации»* [4]. Это резолюция достаточно четко расставляет роли. Далее подчеркивается ложность мнения оппонента: *«...было бы ошибочно ставить знак равенства между беспочвенными теориями заговора Владимира Путина о предполагаемых преступлениях... и тщательной, кропотливой работой разведывательного сообщества США и Министерства юстиции по вопросу действий российских оперативников в подрыве целостности администрации президента и правовой системы Соединенных Штатов»* [4]. В законопроекте H.R.1404 от 13.03.2019 г. с названием «Акт о прозрачности Владимира Путина» указывается, что *«Владимир Путин приказал оказать влияние на президентскую кампанию 2016. Целью России было подорвать общественную веру в демократический процесс в США»* [5]. В другом законопроекте H.R.3259, известном как PUTIN Act, налагается запрет на использование фондов США для поддержки отделов или организаций, которые также поддерживаются Россией или лицами, связанными с Россией. В за-

конопроекте H.R.1524 CORRUPT Act указывается, что *«клеттократия – это инструмент, используемый авторитарными лидерами, включая Владимира Путина, для эксплуатации государственных ресурсов... Клеттократы, такие как Владимир Путин, представляют угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов, подрывая финансовые и правительственные институты»* [6]. Таким образом, с одной стороны, происходит борьба с президентом, именно он представляет максимальную угрозу. С другой стороны, вся политическая система или даже страна упрощается до одного человека. Это упрощение, стереотипизация, эмоциональность и персонификация позволяют значительно редуцировать сложную политическую систему, оставив за бортом сложные политические переменные. Сам законотворческий процесс выступает в качестве привлекательного инфоповода и ядра для дальнейшего медиаповествования, а дебаты в парламенте – в качестве арены для получения политических очков. Так, процесс внесения и обсуждения этих резолюций или биллей в парламенте США широко освещался в СМИ. Помимо этого, не стоит забывать и про психологический эффект, когда позиции в отношении той или иной страны закрепляются в документах государственного органа, который имеет авторитет среди граждан.

Таким образом, процесс рассмотрения законопроектов и резолюций в конгрессе является своеобразной театральной постановкой, в которой роли заранее распределены. В самих текстах парламентарии и все США противостоят во многом именно президенту России, который окончательно стал персонифицировать всю политическую систему и угрозу, бесчестную и смертельную.

Генерируемые инфоповоды и позиция конгресса могут играть серьезную роль в формировании общественной повестки дня. Таким образом, сами законопроекты, законы и резолюции могут выступать в качестве стержня для дальнейшей коммуникации в отношении России, по формированию ее негативного имиджа и легитимации проводимой политики.

Литература

1. Lo B. Russian foreign policy in the post-Soviet era: Reality, Illusion and Mythmaking // Basingstoke. Большая онлайн библиотека. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/135956/Russian_Foreign_Policy_in_the_Post-Soviet_Era_-_Reality_Illusion_and_Mythmaking.pdf (дата обращения: 30.03.2019).
2. Tsygankov A.P. The dark double: the American media perception of Russia as a neo-Soviet autocracy, 2008–2014 // Politics. 2016. URL: https://www.academia.edu/24791418/The_dark_double_the_American_media_perception_of_Russia_as_a_neoSoviet_autocracy_2008-2014 (дата обращения: 30.03.2019).
3. Information Warfare: Russian Activities // Federation of American Scientists. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IN10563.pdf> (дата обращения: 30.03.2019).
4. H.Res.1023 – Condemning Vladimir Putin's attack on United States officials and reaffirming support for those Americans who have served their Nation // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-resolution/1023/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Putin%22%5D%7D&r=17&s=6> (дата обращения: 30.03.2019).
5. H.R.1404 – Vladimir Putin Transparency Act // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1404/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22putin%22%5D%7D&r=1&s=1> (дата обращения: 30.03.2019).
6. H.R.1524 – CORRUPT Act // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1524?q=%7B%22search%22%3A%5B%22CORRUPT+Act%22%5D%7D&s=1&r=4> (дата обращения: 30.03.2019).

V.A. Sdelnikov

The Language of the US Congress Lawmaking Process as a Tool for Creating Negative Image of Vladimir Putin

Hearing of bills in the US Parliament is a theatrical play, where the roles are pre-allocated. In these texts, the US is opposed to the president of Russia, who personifies the political system and the threat. This affects the formation of political agenda and the creation of a negative image of Russia.

Key words: negative image of Russia, image of V.V. Putin, US congress, information warfare.

А.В. Селезнева

Парламентская культура российских граждан: ценностные основания и образно-символическое содержание

Парламентская культура российских граждан анализируется с позиции политико-психологического подхода, который позволяет выделить в ней разные структурные элементы, имеющие психологическую природу: ценности, представления, символические образы.

Ключевые слова: парламентская культура, парламент, политические ценности, политические образы, политические символы.

Парламентская культура не является объектом пристального внимания и детального исследования в современной науке, что можно считать серьезным упущением, поскольку парламентаризм как политическое явление занимает одно из центральных мест в реализации демократических политических практик в нашей стране. И если изучение политико-правовых и институциональных особенностей работы парламента осуществляется достаточно регулярно, то анализ субъективных аспектов часто остается за скобками научного интереса. Все это обуславливает актуальность анализа парламентской культуры, которая включает в себя «систему взглядов, убеждений, ценностных ориентаций групп или общества в целом, отражающих их отношение к парламенту» [1. С. 37], т.е. полный комплекс компонентов психологического характера, определяющий «человеческое» измерение политики [2].

Обобщая социологические данные и результаты исследований политических психологов [3, 4], можно заключить, что образ российского парламента в сознании граждан достаточно противоречивый и когнитивно бедный. Признавая значимость парламента вообще в жизни страны, россияне достаточно критично относятся к деятельности Государственной Думы и Совета Федерации. Интерес к деятельности обеих палат парламента и уровень информированности об их работе крайне низки [5. С. 102].

Парламентская культура в современной науке рассматривается как видовое явление политической культуры [6]. Поэтому естественно и логично, что на восприятие современного российского парламента значительное влияние оказывают особенности сложившейся в нашей стране политической культуры. Отечественная политическая традиция связана с отсутствием в нашей стране серьезного и длительного опыта парламентаризма и многопартийности, который есть у других государств. По мнению исследователей, именно дефицит «политического опыта и отсутствие укорененной в массовом сознании российской парламентской традиции» определяют низкий уровень доверия к Федеральному Собранию [7. С. 35]. Социологи относят Государственную Думу и Совет Федерации к категории «институтов с отрицательным уровнем доверия» [8]. Уровень доверия нижней палате парламента с осени 2014 г. составляет в среднем 27%, верхней палате – 28% (для сравнения: доверие Президенту составляет более 70%, российской армии – более 60%, церкви – более 40%).

То же касается и политических партий. Традиция многопартийности в России насчитывает чуть более двух десятилетий (если не считать опыт начала XX в.). Однако массовое сознание традиционно все еще ориентируется на однопартийную модель, свойственную советскому периоду, а наличие множества партий сегодня воспринимается как искусственное. Подобное состояние, предположительно, «вызвано отсутствием ценностной определенности и противоречием между декларативной многопартийностью и распространенными монополистическими политическими практиками, которые показывают, что ни население, ни власть не приняли либеральные ценности политического плюрализма» [9. С. 50].

На отношение граждан к российскому парламенту и парламентаризму как политическому явлению влияют такие особенности отечественной политической культуры, как «государственно-центричная матрица» [7], ориентация на единоначалие и персонификация власти [10], низкий уровень активности и преобладание «пассивных», «аполитичных» субкультур [11].

Отсюда возникают представления о том, что обе палаты парламента обладают определенной властью в стране, но значительно меньшей, чем Президент и Правительство. Кроме того, формируется представление о парламенте как несамостоятельном органе, который зависит от Администрации Президента и принимает предлагаемые Президентом законы, что существенно затрудняет выполнение им своих законодательных и представительных функций. По данным ВЦИОМ, на протяжении последних лет россияне скорее одобряли деятельность обеих палат парламента [12]. Но с середины 2018 г. резко возросли показатели неодобрения деятельности Государственной Думы, что может быть обусловлено принятием непопулярного закона о повышении пенсионного возраста в стране.

Отношение граждан к парламенту как показатель уровня развития политической культуры во многом определяется системой их политических ценностей. В современном российском массовом сознании устойчиво актуализированы материалистические ценности (безопасность, порядок, законность, справедливость) [13]. В структуре политических ценностей граждан важным кластером являются демократические ценности и представления, которые достаточно прочно усвоены, но они не имеют первостепенного значения [14] и поэтому не являются ключевыми стимулами электорального поведения и политического участия, что наглядно проявляется в явке на парламентские выборы. Обеспечением реализации политических ценностей, по мнению граждан, должны заниматься президент и правительство, т.е. те политические институты, которые обладают реальной властью и влиянием на политическую ситуацию в стране. Парламент в этих процессах занимает вторичную позицию, поскольку, с одной стороны, с точки зрения своего функционала обеспечивает лишь законодательную базу для государственной политики, а с другой – очень зависим от исполнительной власти.

Таким образом, можно заключить, что для совершенствования парламентских практик в нашей стране и развития парламентской культуры граждан необходимо повышать общий уровень политической грамотности населения, проводить систем-

ную информационную политику по формированию представлений граждан о деятельности парламента в целом и каждой палаты в отдельности, стимулировать гражданскую активность и политическое участие людей.

Литература

1. Волкова А.В. Публичные ценности и развитие парламентской культуры в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2 ч. Ч. II. С. 36–40.
2. Шестопап Е.Б. Введение в рубрику. Человеческое измерение политики // Политические исследования. 2013. № 6. С. 6–7.
3. Представительная демократия и парламентские учреждения в современном мире: состояние и тенденции / под ред. А.Е. Петрова. М.: Издание Государственной Думы, 2014. 128 с.
4. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России / под ред. Е.Б. Шестопап. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 420 с.
5. Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр, 2017. 272 с.
6. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Парламентская культура: коммуникативный аспект // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 68–70.
7. Ачкасов В.А. Место института народного представительства в политической традиции: Россия и Запад // PolitBook. 2013. № 3. С. 8–42.
8. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены. Информационно-аналитический доклад Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. М., 2018. 55 с.
9. Шестопап Е.Б., Палитай И.С. Психологические особенности восприятия политических партий в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 4. С. 28–51.
10. Пивоваров Ю.С. О некоторых исторических особенностях русской политики // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004. М.: РОСПЭН, 2004.
11. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998. 386 с.
12. Как работают главные общественные институты России. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3819 от 20.11.2018 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9436> (дата обращения: 29.03.2019).
13. Селезнева А.В. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Политическая наука. 2016. Специальный выпуск. С. 149–169.

14. Селезнева А.В. Демократические ценности в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2016. № 6. С. 20–33.

A.V. Selezneva

Parliamentary culture of Russian citizens: value bases and figurative and symbolic content

The parliamentary culture of Russian citizens is analyzed from the standpoint of a political-psychological approach, which makes it possible to single out in it different structural elements that have a psychological nature: values, representations, symbolic images.

Keywords: parliamentary culture, parliament, political values, political images, political symbols.

А.К. Серебренникова

К вопросу о российском парламентаризме: юридический аспект

Рассматриваются тенденции развития парламентаризма на сегодняшний день, основные проблемы, с которыми вынужден сталкиваться парламентарий, и ситуация включения понятия «представительность» в отношении этого аппарата власти.

Ключевые слова: парламентаризм, народовластие, представительность, конституционный строй, законодательная власть.

В России парламентаризм занял особое место в системе государственной власти. Ведь одной из основ конституционного строя Российской Федерации является принцип народовластия, где народ осуществляет власть непосредственно, путем свободных выборов и референдума, а также через избираемые представительные органы государственной власти и местного самоуправления. В то же время парламентаризм на данный момент является сложным явлением в России. Это связано с тем, что нет четкого функционирования данного механизма, обусловленного политическими и историческими процессами, а также мировыми событиями, которые оказывают влияние на национальное сознание граждан.

Таким образом, возникает проблема дальнейшего развития этого государственного аппарата, его дальнейшей трансформации и согласованности с другими органами политической власти в силу современных тенденций.

Стоит подчеркнуть, что парламентаризм в России является не только сложным явлением, но и особым институтом власти, который, в свою очередь, участвует в политической жизни государства и общества и влияет на политические процессы. Также этот институт характеризуется тем, что он выражает волю народа и утверждает справедливость и правопорядок в обществе.

Следует отметить, что вопрос представительства и народного волеизъявления также имеет место, так как должно выражаться

не только общее мнение нации, но и мнение ее отдельных частей [1. С. 54]. В действительности можно отметить, что сложности, происходящие в аппарате управления, связаны с конфликтом распределения и смещения функций исполнительной власти. Опираясь на специфику своей деятельности, исполнительная власть создает иллюзию контроля над всей политической жизнью государства, из-за этого законотворческая деятельность остается на периферии.

Важную роль играет становление гражданского общества, которое, несмотря на свое медленное развитие, все равно оказывает влияние на осознание прав и политической ситуации в стране, формируя иное понимание парламента как института власти и его эффективности в решении проблем. Ориентируясь на западную политику, где доминируют позиция индивидуализации жизни и непосредственно личные достижения, создается укрепление более благосклонного взгляда на исполнительную власть, нежели к органам законодательства [2. С. 176; 3]. Здесь стоит упомянуть и этатизм, влияющий на восприятие гражданами проводимой парламентарием политики, нацеленной на формирование покорности и определенной мере конформизма, обусловленного советскими пережитками и сохранением жесткого порядка.

Имеют свою силу и недостатки парламентаризма: коррупция, узконаправленные интересы политических группировок и объединений, разрыв связи с избирателями. Прямые и косвенные расходы на формирование, содержание и обеспечение его деятельности с каждым годом растут. Однако указанные недостатки, дискредитирующие парламентаризм, могут быть преодолены при должном внимании и надзоре.

Для решения проблем современного парламентаризма необходимо опираться на понимание того, что этот орган поддается определенной динамике только при условии изменения политического курса, а также новизны, применяемого к нему подхода, определяемого не только политической элитой, но и национальными интересами, которые в существе должны преобладать над интеграцией во внешние проблемы.

Тем не менее нельзя сказать, что парламентаризм окончательно изживает свое существование, это мощный инструмент воздействия на всю систему политики и общества в целом, нельзя допускать попыток подменить его первоначальное назначение и смещения крена политики в сторону исполнительной власти, игнорируя представительность интересов масс.

Литература

1. Милл Дж.С. Представительное правление. Публицистические очерки. СПб.: Изд. Ф. Павленко, 1897 // Литрес. URL: <http://www.litres.ru/static/or3/view/or.html>. (дата обращения: 24.03.2019).
2. Фабрицус Ф. Права человека и современная политика. М.: Изд. МГУ, 1995. 176 с.
3. Кин Д. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 400 с.

A.K. Serebrennikova

Parliamentarism in Russia

The article discusses trends in the development of parliamentarism today, the main problems that a parliamentarian has to face, and what is the situation with the inclusion of the concept of “representativeness” in relation to this apparatus of power.

Keywords: parliamentarism, democracy, representativeness, constitutional order, legislative power.

В.Г. Скочилова

Практики парламентаризма в России и социальное воображаемое

Рассмотрены российские практики парламентаризма в призме концепции социального воображаемого Ч. Тейлора, позволяющей раскрыть перспективы ориентации в политическом пространстве.

Ключевые слова: парламентаризм, социальное воображаемое, практики парламентаризма.

Механизмы и процессы реализации парламентаризма и его основных принципов являются, пожалуй, одной из самых востребованных тем в российской политической науке. Сталкиваясь *ad oculos* с такими недостатками и противоречиями института парламентаризма современной России, как отсутствие обратной связи с обществом, «все менее явной политической конкуренции», «все меньшей публичности» и уходу политической дискуссии из сферы компетенции парламента [1. С. 12, 120], ученые, эксперты предлагают различные варианты интерпретации и пути решения означенных вопросов. Однако, определяя проблемы современного российского парламентаризма, исследователи, погруженные в коммуникативные сети наличной российской политической культуры, с ее смысловыми кодами и знаково-символическими образцами, оказываются в методологической ловушке. Здесь проявляется «парадокс позиционирования, когда исследователь, находящийся «внутри» культуры, способен лишь воспроизводить изначально содержащиеся в ней смыслы», что неизбежно приводит к консервации процессов и механизмов наделения политических явлений культурными смыслами [2. С. 79–80]. Однако критика принципов и механизмов формирования и функционирования представительных органов, избирательных и законотворческих практик и т.п. главным образом выстраивается в опоре на западноевропейские, атлантические политико-культурные образцы (см., например [3. С. 293–294]). Иными словами, мы сталкиваемся с проблемой

метафорического столкновения двух систем культурных образцов, которые неизбежно измеряем с позиции «своей» культуры, трактуя исследуемое явление – парламентаризм – либо с позиций соответствия / несоответствия идеалу, либо как детерминированное непреодолимым контекстом политико-культурных факторов. Оставаясь на позициях признания определяющей роли политико-культурного и социокультурного контекста деятельности института парламентаризма в России, мы предлагаем обратиться к категории социального воображаемого Ч. Тейлора, позволяющей, с нашей точки зрения, частично разрешить методологическую дилемму.

В немалой степени на наш выбор темы и принципа анализа повлияла недавняя публикация в «Новой газете» статьи В. Суркова, в которой автор подводит читателя к несложным выводам о предопределенности, а в итоге неизбежности «особого» пути России, политико-идеологическом и политико-модернизационном потенциале отечественной системы властвования и социокультурной обусловленности институциональных практик [4]. Рассуждая о «глубинном народе», доверяющему лишь верховной власти, автор настаивает, что именно он «создает непреодолимую силу культурной гравитации». По нашему мнению, это гравитационное поле лежит в пространстве социального воображаемого, которое, согласно Ч. Тейлору, существует в неразрывной связи с практиками, претворение которых обеспечивает¹ [5]. И если «доверительному общению и взаимодействию верховного правителя с гражданами» в современной политической системе подчинены все институты, а «различные ветви власти сходятся к личности лидера, считаясь ценностью не сами по себе, а лишь в той степени, в какой обеспечивают с ним связь» [4], то, в сущности, российский парламент в воображаемом выступает как место, где периодически подтверждается легитимность действующей власти. Практики парламентаризма в

¹ По Ч. Тейлору, воображаемое «простирается за границы непосредственного понимания, придающего смысл тем или иным нашим практикам», это «неструктурированное и неартикулированное понимание человеческой ситуации, внутри которого частные особенности нашего мира являют нам свои потаенные смыслы» [5].

современной России поддерживаются общим пониманием (*understanding*) и ощущаемым смыслом (*sense*), легитимизирующими имплицитную карту политического пространства. При этом одновременно фактическое и «нормативное» понимание [6. Р. 106], придающее смысл любому политическому акту, в том числе и политико-коммуникативному, позволяет в равной степени признавать как формальные, так и неформальные практики парламентаризма, включать их в репертуар политических действий.

Отметим, Ч. Тейлор очерчивает горизонт трансформаций социального воображаемого и практик в их взаимосвязи посредством теории и идеи, «ибо мы всегда перестраиваем нашу политическую жизнь в согласии с некими принципами» [5], равно как и теория модифицируется под влиянием новых практик. В своей публикации В. Сурков указывает, что культурная гравитация «соединяет нацию и притягивает (придавливает) к земле (родной земле) элиту»¹ [4]. Тем не менее политические и социальные практики, в том числе и практики парламентаризма, появляются и трансформируются вследствие политической активности граждан, политической деятельности элит, нередко приводя к серьезным преобразованиям социального и политического воображаемого.

Литература

1. Шульман Е. Законотворчество как политический процесс. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. 184 с.
2. Бляхер Л. «Презумпция виновности». Метамарфозы политических институтов в России // *Pro et contra*. 2002. Т. 7, № 3. С. 77–91.
3. Кин Дж. Демократия и гражданское общество / пер. с англ.; послесл. А.М. Абрамова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 400 с.
4. Сурков В. Долгое государство Пугина. О том, что здесь вообще происходит // *Независимая газета*. 2019. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 20.02.2019).
5. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/te3-pr.html> (дата обращения: 23.02.2019).

¹ «Начать в России можно с чего угодно – с консерватизма, с социализма, с либерализма, но заканчивать придется приблизительно одним и тем же. То есть тем, что, собственно, и есть» [4].

6. Taylor C. Modern Social Imaginaries // Public Culture. 2002. Vol. 14, № 1. P. 91–124.

V.G. Skochilova

Parliamentary practices in Russia and the social imaginary

The paper considers the Russian parliamentary practices in the prism Charles Taylor's concept of social imaginary, which allows to reveal the prospects of orientation in the political space.

Keywords: parliamentarism, social imaginary, parliamentary practices.

В.В. Соболева

Повышение объективизации прогнозов развития гражданского общества за счет интеграции методологии Форсайта и технологии Блокчейн

Анализируются проблемы прогноза развития общества в условиях новой технологической революции. Предложено installieren технологию блокчейн (сетевое распределение данных) в методологию Форсайта для повышения объективизации прогнозов развития гражданского общества.

Ключевые слова: прогноз развития, общество, Форсайт, блокчейн.

Мы являемся свидетелями новой быстро развивающейся технологической революции, названной в 2011 г. «Индустрией 4.0». Новые технологии представляют собой объединение физических, информационных и биологических миров, и в противовес восторгу от перспектив развития новых возможностей, становятся очевидными потенциальные угрозы [1. С. 66]. Поэтому актуализируются проблемы проведения быстрых и качественных исследований в области прогнозирования возможных последствий использования новых технологий и создания действенной технологической платформы обработки полученных данных. В настоящей работе, используя структурно-функциональный подход, предпринимается попытка выявить возможные последствия интеграции блокчейн и методологии Форсайт как одного из перспективных направлений управления социальными изменениями.

В современной методологии науки достаточно развит инструментарий познания, позволяющий прогнозировать и моделировать как будущие комплексные изменения системы, так и образ желаемого будущего. Одной из самых сильных технологий познания / формирования будущего является Форсайт [2. С. 6–7]. Но часто Форсайт оказывается неэффективным из-за возрастающей трудности анализа увеличивающегося объема данных и, как следствие, невозможности быстрого принятия

правильных решений [3]. Поэтому существует серьезная проблема объективизации результатов исследований и ускорения процесса принятия решений. В этой связи возможными являются перспективы использования технологии блокчейн как технологической платформы, на основе которой осуществляются накопление и обработка данных.

В последние годы блокчейн (или по-другому «Цепочка [информационных] блоков») [4. С. 32] внедряется и активно тестируется в различных сферах общественной жизни [5]. Известно, что его использование дает беспрецедентные возможности хранения больших баз данных, высокой скорости отслеживания и подтверждения всех транзакций внутри системы, быстрого децентрализованного принятия решений и передачи части полномочий сетевым образом организованному сообществу.

С нашей точки зрения, представляется возможным интегрировать методологию Форсайт с технологией Блокчейн на универсальной Интернет-платформе, где заинтересованные исследователи, властные структуры, органы местного самоуправления смогут проводить опросы различных групп населения без риска фальсификации или потери получаемых данных. Такая интеграция перспективна тем, что предоставит возможность быстрого сбора обратной связи от стейкхолдеров, позволит быстро анализировать, прогнозировать, предвидеть и моделировать разные системные изменения в индустриях. Это может стать, уже в настоящее время, серьезным инструментом формирования гражданского общества. За счет честных, некоррumpированных голосований будет реализована возможность реального участия граждан в управлении политическими, экономическими и социальными процессами. У граждан появится возможность объединения усилий для совместного моделирования образа будущего, что даст требуемый социально-экономический эффект.

Таким образом, интеграция технологии Блокчейн и методологических основ Форсайта на единой платформе представляется нам востребованной с точки зрения расширения спектра возможностей влияния на все сферы общества, повышения каче-

ства и эффективности принимаемых решений на основе быстрого анализа большого объема данных.

Кроме того, новая интегративная платформа позволит оптимизировать процесс принятия политических, экономических решений, повысить предсказуемость и управляемость социальными процессами как в стране, так и в субъектах Федерации.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 136 с.
2. Воронов Ю.П. Форсайт как инструмент / под. ред. В.И. Сулова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2010. С. 6–7.
3. Калужнова Н.Я. Сущность и методология форсайта: проблема адаптации к уровню региона // Форсайт как инновационный инструмент формирования перспективной конкурентоспособности страны и региона в условиях глобализации. Иркутск, 2007. С. 7–22.
4. Генкин А.С., Михеев А.А. Блокчейн: Как это работает и что ждет нас завтра. М.: Альпина Паблишер, 2018. 592 с.
5. Как внедрить Блокчейн и что для этого необходимо? // Bitside. URL: bitside.org/kak-vnedrit-blokchejn/ (дата обращения: 20.03.2019).

V.V. Soboleva

Improving the objectification of civil society development forecasts by integrating Foresight's methodology and Blockchain technology

The problems of forecasting the development of society in the conditions of the new technological revolution are analyzed. It is proposed to install the blockchain technology (network distribution of data) into the Foresight's methodology to improve the objectification of civil society development forecasts.

Keywords: development forecast, society, Foresight, Blockchain.

В.А. Суханов

**Текст как источник создания, реконструкции
и конструирования художественных версий истории
в русской литературе второй половины XX в.**

Исследуются содержательные особенности различных версий истории, создаваемые в прозе второй половины XX в. Устанавливается, что различное понимание движущих сил истории, взаимоотношений власти / народа / личности рождает различные версии исторического процесса в их художественном воплощении. Выявляется зависимость актуальности историософских концепций от конкретных социальных требований эпохи. Ключевые слова: концепции истории, экзистенциальный выбор, коллективный герой.

Интерес к отечественной и мировой истории и, соответственно, к различного рода историческим текстам и текстам об истории в русской литературе второй половины XX в. носит волновой характер. В реалистической литературе он возрождается в конце 1950-х гг. и постепенно нарастает в 1960-е гг. (В. Шаламов, А. Солженицын, С. Залыгин, Ю. Трифонов, А. Твардовский, В. Гроссман, Б. Пастернак, Н. Рубцов), что связано с отсутствием исторической правды о ближайших по времени исторических событиях национальной истории (революция, коллективизация, голод и репрессии 1930-х гг., Великая Отечественная война). Пик развития интереса к истории приходится на 1970-е – начало 1980-х гг., (произведения Ю. Домбровского, Ю. Трифонова, С. Залыгина, Ф. Абрамова, В. Тендрякова, Ю. Давыдова, Б. Окуджавы, Э. Радзинского, Ф. Горенштейна, В. Максимова, А. Битова и др.).

Новая волна интереса возникает в 1990-е гг., сохраняясь и в первое десятилетие XXI в., и связана с возвращением к осмыслению трагического исторического опыта СССР, России и мировой истории: «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» (1992) М. Харитонова, «Дом, который построил Дед» (1993) Б. Васильева, «Всех ожидает одна ночь» (1994) М. Шишкина, «До и во время» (1993), «Мне ли не пожалеть...» (1995) В. Ша-

рова, «Укус ангела» (2000) П. Крусанова, «Москва ква-ква» (2005) В. Аксёнова, «Журавли и карлики» (2005), «Песчаные всадники» Л. Юзефович, «Шпион его величества, или 1812 год» (2006) Е. Курганова, «Анархисты» (2012) А. Иличевского, «Обитель» (2014) З. Прилепина, «Зулейха открывает глаза» (2015) Г. Яхиной и др.

Можно выделить два типа художественных текстов, связанных с *идеей* истории (власть, формы и способы управления, взаимоотношения государства и отдельной личности), и охарактеризовать проблему их взаимоотношений. К первому отнесем индивидуальные художественные, «материнские» тексты, интегрирующие в себе вспомогательные тексты. Второй тип составят различного рода вспомогательные или «донорские» тексты (как подлинные, так и вымышленные), используемые при создании оригинального художественного текста.

В 1970-е гг. историософская проблематика становится частью каждой самобытной индивидуальной творческой системы. В этот период создаются гуманистические концепции истории, в которых оппозиция человек / нация / человечество и история разрешаются в целом позитивным ответом на вопрос о смысле человеческой истории. Они дают несколько версий истории.

Первая – экзистенциальная версия в атеистическом и религиозно-культурном вариантах. Движущая сила так понятой истории – личность. В этой версии историческое время интерпретируется как бифуркационное, т.е. соединяющее случайность и необходимость, осознанный выбор и бессознательную реакцию. Такое понимание истории определяет моделирование ситуации самоопределения и нравственного выбора как основы романного сюжета, в котором исследуются как процесс совершаемого главным героем выбора, движущие им мотивы, так и разные алгоритмы существования человека в мировой истории («Старик» Ю. Трифонова, «Покушение на миражи» В. Тендрякова, «Пушкинский дом» А. Битова, «Семь дней творения» В. Максимова, «Две связки писем» Ю. Давыдова). Значение совершаемого выбора имеет колоссальные исторические последствия, поскольку протекает именно в точке бифуркации, т.е. когда выбор,

каким бы малым он ни казался, еще и влияет на дальнейшее движение истории.

Вариантом экзистенциальной версии является циклическая концепция истории («Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского, «Искушение», «Псалом» Ф. Горенштейн, поэзия И. Бродского). Она «расслаивает» историю на социальную и историю культуры. У Ф. Горенштейна движущие силы социальной истории – человеческие страсти, а участник – не личность, не народ, а отпавшая от Абсолюта масса (анализ еврейской и русской истории в XX в.). Такая история в романе «Псалом» – это вечное повторение телесных и духовных страданий (казней господних), напоминающих человечеству о его первородном грехе и тварности, не позволяющих выйти к духовному существованию. Ф. Горенштейн исходит из представления о прозрачной ясности законов мироустройства и его структуры (образ-символ Чаши), а тупиковость исторического пути человечества в XX в. объясняет как забвением Бога, Истины, так и многочисленными искажениями Божественной правды, которые рождены спекулятивностью сознания человека, претендующего в своей гордыни на духовное возвышение до Бога. В истории культ Бога оказался подменен культом человека. Особую роль в циклической концепции истории начинает играть духовно и культурно развитая личность (Зыбин у Ю. Домбровского, Пушкин и Шекспир у Ф. Горенштейна).

Вторая типологическая группа – национальная (коллективная) версия конца истории, в осмыслении которой определяющим является проблема национальной идентичности. Движущая сила такой истории – народ, поэтому и герой выступает как носитель коллективного сознания. Эта версия моделирует два типа исторического времени: линейное (А. Солженицын, Б. Можжев, В. Белов, В. Распутин, С. Залыгин) и инверсионное (Ф. Абрамов). Линейная концепция исторического времени интерпретирует народ как пассивное начало истории, испытывающее разрушительное влияние «извне», и поэтому построена на оппозиции идеального, гармоничного патриархального прошлого и хаотического, дисгармоничного настоящего (власть, цивилизация

и технический прогресс), разрушающего идеальный мир прошлого. В линейную версию истории входит и циклическое время, но оно характеризует онтологию и противопоставлено линейной человеческой истории, обнаруживающей свой конец (актуализация архетипа конца света), что проявляется в эсхатологичности поэтики финалов. Самоопределение коллективного героя всегда связано либо с верностью «заветам», традиции, либо с верностью «природному указу», поэтому он не может вписаться в движущуюся к концу историю и либо погибает (Матрена, старуха Анна, Устинов), либо отказывается от ценностей настоящего (старуха Дарья).

Инверсионное понимание истории занимает промежуточное положение между бифуркационной и линейной концепциями, поскольку причины кризиса национальной истории в XX в. писатели видят не вне национального мира, а внутри, что говорит и о вине самого народа, и о возможности сознательного выбора им вектора своего исторического существования (возможность перестановки, возвращения к истокам, выступающие как основа реконструкции пошатнувшейся истории в романе «Дом»).

Сформировавшиеся в 1970-е гг. два выделенных типологических варианта осмысления истории и их разновидности во второй половине 1980-х гг. в силу социокультурных обстоятельств уходят на периферию литературного процесса, а с конца 1980-х и на протяжении 1990-х начинают замещаться (за исключением прозы В. Маканина 1990-х гг.) постмодернистскими интерпретациями истории (В. Пьецух, Ю. Буйда, В. Пелевин, Вл. Отрошенко и др.). Если экзистенциальные концепции истории сохраняют свое значение и для нового художественного опыта (например, роман М. Бутова «Свобода», проза И. Стогова), то национальные концепции истории в связи с кризисом коллективной идентичности в переходную эпоху с характерным для нее распадом прежней картины мира и возникновением множества групповых и субкультурных картин, исчезает из литературного процесса.

V.A. Sukhanov

The text as a source for the creation, reconstruction and construction of artistic versions of history in Russian literature of the second half of the twentieth century

The article explores the substantive features of different versions of history in the prose of the second half of the twentieth century. It is established that a different understanding of the driving forces of history, the relationship of power / people / personality gives rise to different versions of the historical process in their artistic embodiment. The dependence of the relevance of historiosophical concepts on the specific social requirements of the era is revealed.

Keywords: concepts of history, existential choice, collective hero.

А.Е. Толкачев

Проблема кризиса института парламентаризма в российской и мировой практике

Рассматривается проблема кризиса традиционных политических институтов – парламентаризма, политических партий, президентства. На примере кризиса института парламентаризма анализируется современная ситуация кризиса института парламентаризма в России и западных странах. Обосновываются причины данного кризиса.

Ключевые слова: парламентаризм, абсентеизм, законотворчество.

Исторически теория и практика парламентаризма возникла в результате потребности в выражении интересов. Первоначально институт парламентаризма возник в качестве инструмента борьбы за власть, которая велась в рамках конкуренции элитных групп. Гораздо позже, а именно в XX в., парламент начинает искать опору в широких слоях населения. Отменяются цензы (имущественные, гендерные и др.), увеличивается степень демократизации и, следовательно, подотчетности парламента перед избирателями.

Институт парламентаризма призван обеспечить агрегацию интересов тех групп, которые он представляет. Если парламент существует в условиях демократической политической системы, то он в целом и партии, которые в него входят, в частности должны обеспечить представительство интересов широких социальных групп, которые оказывают ему электоральную поддержку. В процессе законотворчества парламент агрегирует и институционализирует волю большинства, в процессе слушаний и дискуссий, отстаивая наиболее рациональные инициативы.

Сегодня, как и в российской, так и в мировой практике следует говорить о кризисе институционализма в форме кризиса политических институтов таких, как парламентаризм, политические партии, институт президентства. На фоне ухудшения социально-экономической обстановки снижается доверие к институтам власти, растет абсентеизм и протест, который все чаще

находит свое выражение в деструктивных и антиконституционных действиях.

В Российской Федерации наблюдается неуклонное падение индекса доверия со стороны населения оценки властей с 2014 г. на 50 пунктов с 77 пунктов до 22 соответственно [1]. По данным того же социологического агентства, рейтинг доверия к президенту достиг исторического минимума, составив 33,4% [2] (падение на 50 пунктов с июля 2014 г.). Наблюдается падение рейтинга партии власти – «Единой России», который составляет 36,2% (текущее 33,8% против 60,4% на момент 10–11 мая 2014 г.) [3].

Проявлением кризиса парламентаризма в российском практике стало падение явки на последних региональных выборах. Так, наиболее сильное падение электоральной активности можно зафиксировать в Приморском крае (9,41% в сравнении с 2014 г.), Воронежской области (11,38% в сравнении с 2014 г.), Кемеровской области (17,15% в сравнении с 2015 г.), Нижегородской (13,97% в сравнении с 2014 г.) и Самарской области (13,35% в сравнении с 2014 г.).

Падение рейтингов власти, снижение электоральной активности и, как следствие, кризис парламентаризма в России, результат принятия таких законов, как повышение пенсионного возраста, очередной рост тарифов ЖКХ с января 2019 г. и НДС.

Схожие тенденции наблюдаются в государствах Европы и США. По данным Pew Research Center – рейтинг доверия к президенту США Д. Трампу на 2017 г. составил 46%, что сравнимо лишь с последними годами президентства Д. Буша младшего (2007–2008 г.) [4]. По данным института Гэллага [5], рейтинг доверия граждан США к конгрессу на конец 2018 г. продолжал падать и составил 20%.

Опрос общественного мнения, проведенный службой «Ifop» во второй половине ноября 2018 г., зафиксировал падение рейтинга президента Франции Э. Макрона до 25% (падение на 39% с мая 2017 г.) [6].

Насколько мы можем судить исходя из мировой и российской практики парламентаризма, снижение доверия населения

коррелирует с принятием не популярных законопроектов, которые идут вразрез с интересами большинства избирателей. Так, во Франции снижение популярности Э. Макрона, в частности, вызвано его попытками радикальных реформ в трудовом законодательстве, а также общим снижением уровня жизни во Франции. Падение рейтинга Д. Трампа и конгресса – результат социальной политики президента на фоне ухудшения уровня жизни.

Подводя итоги, следует говорить о том, что доверие к институту парламентаризма растет или остается на высокой отметке лишь тогда, когда парламент прямо или косвенно способствует законотворчеству, направленному на реализацию интересов большинства избирателей, причем в этот момент электорат должен чувствовать свою связь с парламентариями. В противном случае, что можно наблюдать в последние годы, одобрение законопроектов, противоречащих интересам большинства электората, порождает недоверие и неуверенность в самой способности реализации интересов электората через институт парламента или президентства.

Литература

1. Оценка властей // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/osenka_vlastej/ (дата обращения: 27.01.2019).
2. Одобрение деятельности государственных институтов // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov (дата обращения: 27.01.2019).
3. Рейтинг политических партий // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/elektoralnyj_rejting_politicheskix_partij/ (дата обращения: 27.01.2019).
4. How much confidence do you have in the U.S. President (Trump '17, Obama '09-'16, Bush '03-'08)? // Pew Research Center. URL: <http://www.pewglobal.org/database/indicator/6/country/233/> (дата обращения: 27.01.2019).
5. Saad L. Snapshot: Congress Approval Still Low Heading Into Midterms // Gallup. URL: https://news.gallup.com/poll/243734/snapshot-congress-approval-low-heading-midterms.aspx?g_source=link_NEWSV9&g_medium=&g_campaign=item_&g_content=Snapshot%3a%2520Congress%2520Approval%2520Still%2520Low%2520Heading%2520Into%2520Midterms (дата обращения: 27.01.2019).
6. L'engagement des francais: phase 1 – le volet politique // IFOP. URL: <https://www.ifop.com/publication/lengagement-des-francais-phase-1-le-volet-politique> (дата обращения: 27.01.2019).

A.E. Tolkachev

The problem of the crisis of the institution of parliamentarism in the Russian and world practice

The problem of the crisis of traditional political institutions – parliamentarism, political parties, the presidency. On the example of the crisis of the institution of parliamentarism, the current situation of the crisis of the institution of parliamentarism in Russia and Western countries is analyzed. The reasons for this crisis are justified.

Keywords: *parliamentarism, absenteeism, lawmaking.*

А.С. Тузовский

**Региональные legislatures как площадки конкуренции
бизнес-интересов: от неконгруэнтных практик
к корпоративной публичной политике**

Представлен взгляд на взаимодействие бизнес-структур и региональных legislatures в России через призму организационной экологии. Обоснована необходимость преобразования неконгруэнтных практик, являющихся следствием конфликтов интересов либо конкурентной среды, в корпоративную публичную политику.

Ключевые слова: бизнес-структура, региональный парламент, корпоративная публичная политика.

Позиционирование представительных органов власти в субъектах Российской Федерации в качестве институтов, распоряжающихся собственной самостоятельностью лишь в короткие промежутки времени, оставшегося после придания решениям вышестоящих законодательных и исполнительных структур государственного аппарата нормативного облика [1], с необходимостью ставит вопрос о закономерностях присутствия бизнес-структур в legislatures регионального уровня.

О рисках обозначенного присутствия недвусмысленно высказывались представители всех ветвей федеральной власти. Конституционный Суд РФ и его судьи в своих частных мнениях пришли к выводу о недопустимости сращивания власти и бизнеса в представительных органах государства [2]. Реакция федерального законодателя была выражена в форме введения в правовую оборот регионов института конфликта интересов и раскрытия сведений о доходах, расходах и имуществе депутатов и их близких родственников.

Факт того, что с одной стороны законодательство прямо предусматривает осуществление депутатских полномочий в субъектах РФ на условиях непрофессиональной непостоянной занятости, а с другой указывает на необходимость предупреждения и урегулирования конфликта интересов, подводит к

идее ограниченных возможностей региональных политических игроков, изолированных от ресурсов бизнес-структур.

Оттолкнувшись от формальных логических выводов, мы переходим к выяснению закономерностей, которыми руководствуется бизнес, непосредственно либо косвенно участвуя в работе регионального парламента. Наиболее комплиментарным в данном случае направлением нам представляется теория организационной экологии, разработанная американскими политологами В. Грей и Д. Лоури [3]. Новизна и при этом универсальность данной теории заключается в выработке несколько парадоксального умозаключения о том, что взаимодействие с внешней средой организации обусловлено в конечном итоге ее витальными перспективами.

Депутатский мандат в этой связи можно рассматривать через призму ниши, которая обеспечивает жизнеспособность субъекта политики в конкурентных условиях. Нишевой характер присутствия в парламенте не всегда может являться следствием доступа к наличным ресурсам, однако, потенциал их возникновения в будущем может приводить к решению об удержании позиции исходя из конкурентных соображений. Соответственно, существование в политическом пространстве вынуждает бизнес входить в договоренности и заключать сделки не всегда конгруэнтного характера, в особенности в условиях экзистенциальных угроз.

Одним из наиболее применимых путей развития конкуренции бизнеса за представительство интересов в парламентах является стимулирование развития корпоративной публичной политики [4], которая в своем фундаменте должна расположить принципы комплаенса, а в своей высшей точке соответствовать разделяемым государством ценностям корпоративной социальной ответственности бизнеса. Поддержка конкуренции бизнеса в сфере социально ответственного поведения через взаимодействие с лидерами корпоративной социальной ответственности из среды бизнеса можно рассматривать в качестве наиболее рационального использования ограниченного властного ресурса на уровне субъектов РФ.

Литература

1. Рыбакова С.С. Политическая функциональность регионального парламента в современной России // Вестник ПАГС. 2016. № 1 (52). С. 122–128.

2. Арановский К.В., Князев С.Д. Конституционный Суд России об условиях профессионального замещения депутатских мандатов в субъектах Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 16–21.

3. Gray V., Lowery D. A Niche Theory of Interest Representation // Journal of Politics. 1996. № 58 (1). P. 91–111.

4. Сморгунов Л.В. Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббирования к корпоративной публичной политике // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4 (71). С. 100–104.

A.S. Tuzovskiy

Regional legislatures as a platform for competing business interests: from incongruent practices to corporate public policy

Presented a look at the interaction of business structures and regional legislatures in Russia through the prism of organizational ecology. The necessity of converting incongruent practices resulting from conflicts of interest or competitive environment into corporate public policy is substantiated.

Keywords: business structure, regional parliament, corporate public policy.

И.Б. Фан

Представительство как символический феномен

Анализируется степень реализации функции представительства интересов общества в российских парламентах разных уровней. Показано, что парламента осуществляют законотворческую деятельность в интересах элит. Однако вопросы легитимности власти требуют символического поддержания видимости представительства.

Ключевые слова: представительство, парламентаризм, демократия, законотворчество, символическая политика.

Идея представительства формально юридически выражена в Конституции РФ, федеральном и региональном законодательстве. Периодически формируются представительные органы государственной власти на федеральном и региональном уровнях. Но специфика выборов в России, а также повседневная, рутинная деятельность парламента – количество законопроектов, разработанных преимущественно по инициативе администрации президента и правительства или администрации субъектов Федерации, качество законов, принятых за последние 20 лет, недоверие населения к парламентариям – все это свидетельствует о том, что законодательные органы не выполняют функцию представительства интересов разных социальных групп и не выражают «общую волю». Становится очевидным, что Федеральный парламента воплощает в политических решениях (законах) интересы верхушки государственного аппарата, силовых структур, крупного бизнеса. Парламенты в субъектах РФ реализуют интересы региональных «элит».

Смысл и значение представительства не акцентируются в официальном дискурсе, однако его абсолютное отрицание повлекло бы нежелательное признание смерти парламентаризма и демократии, легитимирующих нынешний политический порядок. Отсюда необходимость имитации наличия представительства парламентами разных уровней. Это же характерно и для политических партий и других политических институтов в России. Представительство стало элементом «чисто» символической политики. Анализ законотворческой деятельности российского пар-

ламенты показывает, что, начиная с 2003 г. развитию российского парламентаризма препятствовали формально-правовые и неформальные ограничения. Е. Шульман называет следующие симптомы деградации законотворчества: элитистский, закрытый характер парламентской работы, монополизация процесса выработки и принятия политических решений властными группами; отсутствие реального публичного согласования интересов разных социальных групп при выработке законов; публичное утверждение законов, заранее подготовленных внутри элитных групп. При этом конфликтность между разными элитными группами пронизывает процесс выработки решений. «Единая Россия», составляющая большинство в Государственной Думе РФ, «служит механизмом, работающим на властное и ресурсное обеспечение политической элиты в обмен на полную поддержку цели Путина – концентрации власти в руках президента» [1. С. 49].

Вся совокупность межэлитных согласований происходит в непубличной сфере – на закрытых заседаниях комиссий или рабочих групп. Политический смысл данного процесса состоит в том, что внутриэлитная дискуссия о формулировках того или иного закона становится процессом перераспределения власти и ее основных ресурсов. Введение президентской системы правления и отсутствие процедурного консенсуса привели к «полному подчинению представительной власти властью исполнительной» [2. С. 470]. Политические и правовые новации в России последних двадцати лет существенно изменили не только процедуры формирования политических институтов, они привели к обесцениванию понятий «демократия», «выборы», «представительство». Осуществлена подмена демократического (плюралистического) представительства «представительством» президентским и губернаторским. Фактически осуществлены контрреформы: исполнительная власть экспроприировала функции законодательной власти, подчинила власть судебную, лишила полномочий органы местного самоуправления, то есть сконцентрировала власть, лишив другие ветви власти реальной самостоятельности. В качестве символа «Общей воли» общественному сознанию предъявлены президент и правящая партия. Однако такая символическая поли-

тика скорее скрывает реальную фрагментацию социальных и политических интересов.

В работе Ф. Манова осмысливается переход от монархического правления к демократии, при этом французский парламент рассматривается как политическое тело, символически представляющее народ, т.е. в качестве демократической фикции [3. С. 125]. Автор выявляет истоки демократического представительства в представительстве монархическом и критикует несовершенства современных демократий. Примечательно рассмотрение автором планов расположения мест в европейских парламентах. Расположение мест в российских парламентах свидетельствует, что законодательная власть в России выступает в качестве «собрания холопов при самодержце» (В.О. Ключевский). Символическая и имитационная роль российского парламента выявляется даже в расстановке мебели: президиум, т.е. место спикера как «местоблюстителя», временно замещающего царя, возвышается над рядами депутатских мест, что детерминирует роль депутатов исключительно как исполнителей монаршей воли. В соответствии с традициями российской политической культуры, это задает правила поведения депутатов и реальную степень их самостоятельности. Напрашиваются неутешительные выводы о перспективах эволюции парламентаризма и демократического представительства в российской политике.

Литература

1. Шульман Е. Законотворчество как политический процесс. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. 184 с
2. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Агентство «Издат. сервис», 2004, 544 с.
3. Манов Ф. В тени королей: Политическая анатомия демократического представительства / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 172 с.

I.B. Fan

Representation as a symbolic phenomenon

The degree of realization of the function of representation of the company's interests in the Russian parliaments of different levels is analyzed. It is shown that parliaments carry out legislative activity in the interests of elites. However, questions of the legitimacy of power require symbolic maintenance of the visibility of representation.

Keywords: representation, parliamentarism, democracy, lawmaking, symbolic politics.

П.Я. Фельдман, И.В. Федакин

**Специфика взаимодействия профессиональных союзов
с региональными органами законодательной власти
(на примере Томской области)**

Осуществляется компаративный анализ федеральных и региональных практик, обеспечивающих политическое представительство интересов профсоюзов в органах законодательной власти. Авторы приходят к выводу о том, что опыт взаимодействия Федерации профсоюзных организаций Томской области с региональным парламентом может рассматриваться в качестве образцового в масштабах всей страны.

Ключевые слова: законодательная власть, законодательная инициатива, профсоюзы, лоббизм, группы интересов.

Благодаря своему федеративному устройству современная Россия представляет собой уникальный объект для политологического анализа региональных особенностей законотворческого процесса. Каждый субъект Федерации обладает собственными традициями взаимодействия властных институтов с группами интересов, выступающими от имени тех или иных частей общества. Региональное измерение российского парламентаризма характеризуется высокой степенью приближенности к нуждам и проблемам конкретных предприятий, социальных групп, местных и локальных сообществ. Именно поэтому законодательные органы субъектов Федерации ориентированы на артикуляцию и координацию «низовых» общественных инициатив. Особый интерес в данном контексте представляют механизмы, обеспечивающие политическое представительство, согласование и учет интересов наемных работников (профсоюзов) региональными парламентами. Соответствующий опыт Законодательной Думы Томской области является достаточно репрезентативным, поскольку в настоящем регионе представлены крупные промышленные предприятия из практически всех отраслей отечественной экономики.

Прежде всего, следует отметить, что российские профессиональные союзы, не являясь субъектами политической борьбы и

не стремясь к обретению власти, воздействуют на процесс реализации государственной политики со стороны посредством широкого спектра лоббистских механизмов и технологий. Отсутствие права законодательной инициативы в Федеральном Собрании РФ тред-юнионы компенсируют за счет инкорпорирования своих представителей в Государственную Думу РФ и тесного взаимодействия с профильными комитетами. Так, 8 депутатов нижней палаты парламента представляют членские организации Федерации независимых профсоюзов России, при этом в Думе функционирует неформальная межфракционная группа по взаимодействию с профдвижением «Солидарность», куда входят представители всех фракций. Модель «глубокой включенности» в законотворческий процесс позволяет профсоюзам оперативно транслировать свою позицию на уровень Федерального Собрания, однако не гарантирует учета их требований представителями власти. Наиболее ярким примером безуспешной реализации лоббистской кампании тред-юнионов может служить пенсионная реформа 2018 г., которую они так и не смогли заблокировать.

В отличие от нижней палаты российского парламента, в Законодательной Думе Томской области профсоюзы могут выступать инициаторами правотворческого процесса [1]. Следует отметить, что за последние 10 лет Федерация профсоюзных организаций Томской области 20 раз воспользовалась своим правом законодательной инициативы. Как следствие, был принят целый ряд общественно значимых законов (прежде всего, «О социальном партнерстве» и «О ветеранах труда»). Немаловажным фактором является допуск профсоюзов к публичному обсуждению и согласованию регионального бюджета (опять-таки, столь глубокой интеграции объединений наемных работников в бюджетный процесс не отмечается на федеральном уровне). Из 10 предложений тред-юнионов к проекту главного финансового документа Томской области на 2019–2021 гг. 9 были полностью учтены законодателями [2]. Столь тесное взаимодействие профсоюзов с региональными парламентариями, по мнению председателя областной Законодательной Думы О.В. Козловской, поз-

воляет «даже в самые беспокойные времена... слышать и слушать друг друга, находить компромиссы» [3].

Следует, однако, заметить, что половина из 14 членов Комитета ГД РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов являются профсоюзными лидерами регионального и федерального уровня, тогда как в соответствующем комитете Томской Законодательной Думы действующие руководители профсоюзных организаций не представлены. На основании данного наблюдения можно заключить, что для профсоюзов Томской области не характерна тактика инкорпорирования своих представителей в региональную систему законодательной власти. Как показывает практика, данное обстоятельство несколько не снижает эффективность воздействия томских объединений наемных работников на региональный законодательный процесс (заметим, что все 8 представителей профсоюзов в Государственной Думе РФ проголосовали за пенсионную реформу, вопреки официальной позиции их организаций). Таким образом, региональный опыт свидетельствует о том, что внешнее воздействие профсоюзных организаций на законодательный процесс зачастую оказывается более эффективным, чем формирование собственного думского лобби.

В целом же опыт взаимодействия профессиональных союзов Томской области с институтами законодательной власти может рассматриваться в качестве образцового примера социально-партнерской практики, дополняемой эффективным функционированием региональных трехсторонних комиссий, экспертных советов и общественных палат. Очевидно, что подобное сотрудничество положительно сказывается на уровне социальной защищенности и качестве жизни граждан.

Литература

1. Статья 63 Устава (Основного Закона) Томской области // Законодательная Дума Томской области. URL: <https://duma.tomsk.ru/document/view/35> (дата обращения: 10.02.2019).

2. Ответ Законодательной Думы Томской области на предложения профсоюзов к проектам бюджета Томской области на 2019–2021 гг. // Федерация профсоюзных организаций Томской области. URL: <http://fpoto.tomsk.ru/index.php/vlast-otvechaet-profsoyuzam> (дата обращения: 10.02.2019).

3. Оксана Козловская поздравила Томскую областную федерацию профсоюзов со 100-летним юбилеем // Законодательная Дума Томской области. URL: https://duma.tomsk.ru/news/news_zdto/oksana_kozlovskaja_pozdravila_tomskuju_oblastnuju_federaciju_profsojuzov_so_100-letnim_jubileem (дата обращения: 10.02.2019).

P.J. Feldman, I.V. Fedyakin

The specifics of the interaction of trade unions with regional legislative authorities (on the example of the Tomsk region)

The article provides a comparative analysis of federal and regional practices that ensure the political representation of the interests of trade unions in legislative bodies. The authors conclude that the experience of interaction between the Federation of Trade Union Organizations of the Tomsk Region and the regional parliament can be considered as a model example of effective communication.

Keywords: legislative power, legislative initiative, trade unions, lobbying, interest groups.

О.А. Харусь

**Социокультурные характеристики сибирских депутатов
Государственной думы как индикатор электоральных
настроений в начале XX в.**

Анализируется социокультурный облик сибирских парламентариев в начале XX в. Выявлены типичные для депутатского корпуса страны в целом и специфичные для представителей региона характеристики. Определены ключевые мотивы и динамика электоральных предпочтений избирателей в Сибири.

Ключевые слова: парламентарии, электорат, Сибирь.

Важной составляющей процесса формирования гражданского и правового сознания в России начала XX в. стали выборы в Государственную думу. Избирательные кампании и их итоги как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне получили основательное освещение в научных трудах. Однако при анализе результатов предвыборной борьбы исследователи, как правило, смещают акцент на определение партийно-политических ориентаций кандидатов, одержавших победу над конкурентами, а сами результаты трактуют, прежде всего, как показатель «расстановки партийно-политических сил». Между тем есть основания полагать, что большинство избирателей руководствовались не столько симпатиями к определенной политической партии, сколько субъективными представлениями о том, кому из претендентов на депутатское кресло можно доверить отстаивание их интересов. В этой связи анализ социокультурных характеристик сибирских парламентариев приобретает особое значение для выявления настроений электората в регионе, оценки их динамики и специфики на общероссийском фоне.

Эмпирическая база для реализации исследовательского замысла сформирована на основе уточнения и систематизации широко представленных в научных публикациях разрозненных сведений о сибирских депутатах Государственной думы первых

четырёх созывов. Для реконструкции социокультурного облика парламентариев был разработан формуляр, охватывающий такие персональные характеристики, как: Ф. И. О., дата и место рождения, национальность, вероисповедание, уровень образования, род занятий, опыт общественной деятельности, политическая ориентация. Такой набор переменных определяется пониманием социокультурного облика как совокупности признаков, характеризующих положение представителей определенной группы людей в обществе, их социальные связи, ценностные ориентации, одним из ситуативных компонентов которых являются и политические предпочтения.

По результатам исследования были выявлены следующие характерные черты социокультурного облика сибирских парламентариев.

1. В составе сибирских депутатов явно преобладали лица в возрасте до 40 лет (66,7% – в I Думе; 70% – во II; 54,6% – в III; 63,6% – в IV). В этом отношении сибиряки заметно выделялись на общем фоне депутатов, большинство из которых были старше 40 лет.

2. Национальный и конфессиональный состав сибирских парламентариев не отличался своеобразием: абсолютное большинство в их среде составляли русские (I Дума – 86,6%; II – 80%; III – 91%; IV – 100%) и православные (I Дума – 93,3%; II – 80%; III – 91%; IV – 100%).

3. Показатели относительной численности лиц с высшим и с самым элементарным образованием в составе сибирских депутатов и депутатского корпуса России в целом являются вполне сопоставимыми. Общей тенденцией являлось очевидное повышение образовательного уровня депутатов каждого последующего созыва по сравнению с предыдущим. Высшее, неоконченное высшее и среднее образование имели 46,7% сибирских депутатов I Думы; 70% – II; в III и IV Думах этот показатель составил 81,9%.

4. Своеобразие состава сибирских парламентариев по роду основных занятий заключалось, прежде всего, в отсутствии в их числе помещиков и рабочих, а также в весьма скромном пред-

ставительстве священнослужителей. Если первые две особенности определялись объективными факторами (специфика социально-экономического развития региона, отсутствие в Сибири самостоятельной рабочей курии), то третья, вероятно, была обусловлена «состоянием умов» избирателей края. Повышенный градус оппозиционного настроения по отношению к правительству вполне мог распространяться и на служителей церкви, оказывавших поддержку политике центральных властей. Избрание А.И. Бриллиантова депутатом II Думы от Енисейской губернии и В.В. Климова депутатом III Думы от Томской губернии едва ли можно относить на счет уважения к духовному сану. Оба священнослужителя были известны избирателями как активные участники общественной жизни и убежденные сторонники реформирования социального устройства (А.И. Бриллиантов примыкал к эсерам, позднее стал членом этой партии и фракции социалистов-революционеров в Думе, В.В. Климов вошел во фракцию прогрессистов).

5. Высокие показатели относительной численности депутатов Сибири, являвшихся членами культурно-просветительных, профессиональных, благотворительных организаций (в I Думе – 6,7%; во II – 35%; в III – 73%; в IV – 63,6%), а также занимавших выборные должности в органах местного самоуправления и сословных организациях (в I Думе – 33,3%; во II – 35%; в III – 27,3%; в IV – 36,4%), вероятно, объяснялись как известностью этих лиц в широких кругах населения, так и желанием избирателей делегировать в представительное учреждение людей, имевших определенный опыт общественной деятельности.

6. Лидерами и победителями предвыборного марафона в Сибири неизменно оказывались кандидаты, придерживавшиеся либеральных (на выборах I Думы – 40%; II – 20%; III – 45,45%; IV – 54,55%) и революционно-демократических ориентаций (на выборах I Думы – 20%; II – 45%; III – 45,45%; IV – 45,45%). Избрание депутатом I Государственной думы от Томской губернии члена «Союза 17 октября» Е.С. Ерлина стало единственным

эпизодом поддержки консервативно настроенного кандидата электоратом Сибири.

7. В составе сибирских парламентариев были довольно широко представлены уроженцы региона: в I Думе – 7 (46,7%), во II – 13 (65%), в III – 4 (36,4%), в IV – 7 (63,6%). Некоторые депутаты к моменту избрания прожили в Сибири более 15 лет: в первой Думе – 1, во второй, третьей и четвертой – по двое в Думе каждого созыва. Однако место рождения и длительность проживания кандидатов в Сибири, по-видимому, не имели решающего значения для определения предпочтений выборщиков. Депутаты III Думы Н.В. Некрасов и Н.К. Волков к моменту избрания прожили в Сибири менее 5 лет, что не помешало им стать едва ли не самыми активными поборниками интересов региона в Думе. Не случайно на выборах в IV Государственную думу избиратели в очередной раз отдали им свои голоса, а Н.К. Волков повторно был избран председателем сибирской парламентской группы.

Предпринятый анализ социокультурных характеристик сибирских парламентариев позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, более высокий образовательный уровень депутатов III и IV Государственной думы по сравнению с их предшественниками, а также заметное увеличение в рядах победителей на выборах числа лиц, известных активным участием в общественной жизни, свидетельствуют об изменении предпочтений избирателей в пользу кандидатов, обладавших большими интеллектуальными ресурсами и определенным опытом общественной деятельности. Во-вторых, более молодой на общем фоне депутатского корпуса состав сибирских парламентариев, как и приверженность их либеральным и демократическим ценностям, можно объяснить особенностями доминировавших в регионе общественных настроений: осознание неравноправного статуса Сибири в Российской империи питало критическое отношение к политике правительства, а стремление к преодолению этого статуса и понимание всей сложности отстаивания интересов региона перед центральной властью побуждали делегировать соответствующие полномо-

чия людям достаточно зрелым, но при этом обладавшим необходимой энергией и амбициями.

В целом динамика социокультурных параметров корпуса депутатов Сибири в I–IV Государственных думах свидетельствует о поступательном процессе развития парламентской культуры в России начала XX в., одним из проявлений которого стало усиление рациональных мотивов в настроениях и поведении электората.

O.A. Kharus

Social and cultural characteristics of the Siberian deputies of the State Duma as an indicator of electoral sentiments at the beginning of the 20th century

Socio-cultural image of the Siberian members of parliament at the beginning of the 20th century is analyzed. The author highlights the features that were typical for the deputy corps in the whole country and the features that were specific for the deputies from Siberia. Key motives and dynamics of the electoral preferences of the Siberian voters are identified.

Key words: *parliamentarians, voters, Siberia.*

Е.В. Хахалкина

Противостояние парламента и кабинета в Великобритании на фоне Брекзита¹

Дается краткая характеристика парламентской системы Великобритании с упором на особое место в ней Палаты общин. Показано, что выборы 2017 г. привели к созданию «подвешенного парламента», существование которого осложняет переговорные позиции Т. Мэй по Брекзиту и создает угрозу ее отставки и проведения повторного референдума о членстве страны в ЕС.

Ключевые слова: «подвешенный парламент», Палата общин, Брекзит.

Парламентская система в Великобритании является одной из старейших в мире. На сегодняшний день парламент Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии является высшим законодательным органом в самой стране и в так называемых заморских территориях.

Парламент состоит из двух палат: верхней – Палаты лордов и нижней – Палаты общин. Верхняя палата состоит из лордов духовных (высшее духовенство англиканской церкви), лордов светских (пэры) и лордов по апелляциям, многие из которых унаследовали свою власть. Палата общин избирается всеобщим тайным голосованием и состоит из 650 членов.

Власть монарха в существующей политической системе Великобритании с течением времени свелась преимущественно к представительским функциям. Полномочия Палаты лордов в результате серии реформ в XX в. существенно ограничены. Палата общин остается важнейшим элементом власти наряду с кабинетом министров. Правительство Великобритании отчитывается перед нижней палатой, хотя ни премьер-министр, ни члены правительства не избираются Палатой общин.

В теории острый конфликт между нижней палатой и кабинетом министров представляется маловероятным по причине до-

¹ При финансовой поддержке гранта Президента РФ по теме: «Национальная идентичность в условиях открытых границ ЕС (на примере отдельных стран Евросоюза)» на 2018–2019 гг. (МД-4122.2018.6).

минирования одержавшей победу и сформировавшей правительство партии, однако в последние два года наблюдается уникальная ситуация.

23 июня 2016 г. в Великобритании состоялся референдум о так называемом Брекзите (от англ. Britain – Британия и exit – выход) – выходе страны из Европейского союза. Поддержали Брекзит 52% населения (против 48%). Такие результаты голосования привели к отставке премьер-министра Консервативной партии Д. Кэмерона и назначению на эту должность министра внутренних дел Т. Мэй.

В марте 2017 г. начинаются переговоры о выработке условий выхода Великобритании из Европейского союза. 31 марта 2019 г. было обозначено как дата Брекзита.

Новый кабинет с тем, чтобы усилить позиции партии тори внутри страны и в парламенте, инициирует проведение внеочередных выборов в парламент. 8 июня 2017 г. жители Соединенного Королевства сделали свой выбор, в результате которого Консервативная партия не только не получила новые депутатские места, но даже потеряла часть прежних. Тори получили 318 мест против 331 места в 2015 г., Лейбористская партия получила 262 места против 232 в 2015 г., 35 мест получила Шотландская национальная партия, 12 мест – Либеральные демократы, 10 мест – Демократическая юнионистская партия (ДЮП) и др.

Таким образом, в связи с тем, что ни одна партия не получила абсолютного большинства, возник так называемый подвешенный парламент. Консерваторы, взвесив все «за» и «против», были вынуждены сформировать однопартийное правительство меньшинства при поддержке ДЮП Северной Ирландии.

В ноябре 2018 г. британской делегации во главе с Т. Мэй удалось согласовать в Брюсселе соглашение о выходе Великобритании из Европейского союза, которое было вынесено на голосование в Палате общин. В январе 2019 г. парламентарии отклонили этот документ.

В настоящее время Лондон находится в процессе определения новых условий взаимоотношений с ЕС, под вопросом остается сам Брекзит. 12 марта 2019 г. Палата общин повторно от-

вергла согласованное с Брюсселем соглашение о выходе Соединенного Королевства из ЕС. Ранее парламент отказался одобрить выход без сделки. 15 марта Палата общин согласилась перенести дату выхода из ЕС на 30 июня 2019 г. 21 марта Евросоюз выразил готовность поддержать эту идею в случае, если Палата общин, наконец, одобрит достигнутую сделку о Брекзите. Однако тем временем в СМИ появилась информация о «заговоре» против Т. Мэй в Кабинете и ее скорой отставке [1]. 23 марта 2019 г. по стране прошла демонстрация в пользу проведения повторного референдума [2].

29 марта парламент Великобритании в третий раз отверг проект соглашения. Как видно, сложилась патовая ситуация. Разрешение возникшей коллизии будет связано либо с отставкой Т. Мэй и проведением новых парламентских выборов, либо с повторным референдумом о членстве страны в Европейском союзе. И тот и другой сценарии развития событий откладываются на неопределенное время выход страны из Евросоюза.

Литература

1. Foster M. Theresa May “facing Cabinet plot” to replace her David Lidington or Michael Gove // PoliticsHome. URL: <https://www.politicshome.com/news/uk/political-parties/conservative-party/news/102752/theresa-may-facing-cabinet-plot-replace-her> (дата обращения: 06.05.2019).

2. Hundreds of Thousands march in London to demand new Brexit Referendum // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-britain-eu-march/hundreds-of-thousands-march-in-london-to-demand-new-brexit-referendum-idUSKCN1R40C6> (дата обращения: 06.05.2019).

E.V. Khakhalkina

Confrontation between Parliament and Cabinet in the UK in connection with Brexit

The article gives a brief description of the parliamentary system of Great Britain with an emphasis on the special place in it of the House of Commons. It is shown that the 2017 elections led to the creation of a “suspended Parliament”, the existence of which complicates T. May’s negotiating positions on Brexit and threatens her resignation and the holding of a repeated referendum on EU membership.

Keywords: suspended Parliament, House of Commons, Brexit.

**Потенциал молодых депутатов законодательных
(представительных) органов как молодежных политических
лидеров (на примере регионов Юго-Западной Сибири)¹**

Анализируются степень представленности молодежи в органах законодательной власти регионов Юго-Западной Сибири и влияющие на нее факторы. Показана зависимость данного показателя от кадровых стратегий партий. Доказывается низкий потенциал молодых депутатов как политических лидеров в молодежной среде.

Ключевые слова: органы законодательной (представительной) власти, депутаты, молодежь, политические лидеры, регионы Юго-Западной Сибири.

Законодательные органы власти регионов традиционно имеют второе определение – представительные органы, что указывает на их двойственную функцию не только как центра принятия решений, но и механизма трансформации различных общественных интересов в политические решения и стратегии развития. И хотя в современной политике социальное представительство интересов заменилось функциональным, эта модель вряд ли применима для молодежи как сегмента общества.

Молодежь – особая социальная категория, в первую очередь из-за подвижности своего персонального состава. В отличие от социально-профессиональных и гендерных групп, имеющих относительно устойчивые интересы и длительность существования, молодость – относительно короткий период в жизни человека, когда он формирует свое мировосприятие и способы адаптации к окружающей реальности. Поэтому молодежь быстрее других групп улавливает тренды общественного развития. В связи с этим можно утверждать, что не представителям молодежи сложно в полной мере понять ее проблемы и предложить

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

приемлемые для молодежи пути их решения. А потому возрастает роль молодых парламентариев в проведении молодежной политики или учете интересов данной социальной группы при разработке и реализации других политических решений.

При этом необходимо уточнить, что под «молодыми парламентариями» мы понимаем депутатов региональных законодательных собраний в возрасте до 35 лет (на 2018 г.), а не депутатов молодежных парламентов, депутатский статус которых носит скорее номинальный характер в силу совещательных полномочий последних.

Анализ возрастных характеристик депутатского корпуса регионов Юго-Западной Сибири показал, что во всех исследуемых регионах доля молодежи среди депутатов крайне незначительна. Наибольший показатель она имеет в Алтайском крае (23,5% депутатов в возрасте до 35 лет, в том числе 9% – до 30 лет), далее по убыванию следуют Кемеровская (15 и 6,5%), Томская (9,5 и 2%) Омская (9 и 7%) и Новосибирская (4 и 1%) области. Данная ситуация объясняется как условиями формирования законодательных собраний (совмещенные выборы 2016 г. в Алтайском крае, Омской и Томской областях), так и возрастной структурой региональных, в частности партийных, элит (Новосибирская и Кемеровская области).

Так, совмещение выборов региональной и федеральной legislatur, например в Алтайском крае, привело к смещению акцентов в электоральной тактике партий. Если прежде выборы депутатов Госдумы РФ, предшествовавшие региональным выборам, рассматривались как своеобразная проба сил, то с 2011 г. избирательные кампании федерального и регионального уровня, несмотря на совмещенность, а точнее благодаря ей, стали изолированными событиями. Региональные отделения партий и бизнес фактически утратили контроль над процессом формирования списков на выборах депутатов Государственной Думы РФ и были вынуждены переключаться на региональные выборы. При этом с 2011 г. на региональных выборах в Алтайском крае применяется пропорциональная избирательная система с обязательным делением на региональные группы. В ее основу была

заложена модель горизонтальных списков, привязанных к одномандатным округам. В этих условиях списки кандидатов в депутаты Законодательного собрания довольно сильно различались по принципам формирования: если у «Единой России» (ЕР) они охватывали определенные сегменты региональной и местной политических элит, а также включали новых кандидатов (участников проекта «Молодежная команда «Единой России»), то у КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» (СР) составлялись явно по остаточному принципу, что в конечном итоге повысило процент молодежи среди претендентов на депутатские мандаты.

Характер распределения молодых депутатов по фракциям во многом коррелируется с социальным составом партийных элит (таблица).

**Распределение депутатов в возрасте до 35 лет по фракциям
законодательных (представительных) органов регионов
Юго-Западной Сибири, %**

Регион	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР
Алтайский край	13	25	56	–
Кемеровская область	10	50	100	–
Новосибирская область	–	6	25	25
Омская область	–	–	50	50
Томская область	6,5	–	20	–

Источник: [1–8].

Так, наиболее молодыми по составу во всех регионах являются фракции ЛДПР, что обусловливается как общей партийной установкой на омоложение руководящих кадров, так и региональной спецификой. Также обращает на себя внимание рост доли молодежи во фракциях КПРФ, наглядно отражающий идущие в партии изменения – омоложение состава и руководства при сохранении значимой доли старых партийных активистов. Неожиданным является крайне незначительный процент молодежи в томской легислатуре – ее присутствие во фракции «Единой России» обычно связано с партийными квотами, а во фракции ЛДПР коррелируется с возрастными особенностями

областного отделения партии, что несколько противоречит бренду «университетской столицы Сибири».

Наименьший процент молодежи традиционно демонстрируют фракции «Единой России» и «Справедливой России», на кадровые стратегии которых повлияло выполнение данными партиями функции «лифта» для групп интересов. И хотя тренд перехода партий от воспитания и рекрутирования элит к «лифту», носит глобальный характер, в России он связан, прежде всего, с зависимостью данных партий от исполнительной власти.

В то же время, как показывает анализ деятельности региональных legislatures, даже присутствие в них молодежи не способствует усилению внимания к проблемам данной социальной группы. Молодые депутаты позиционируют себя как представители партий и групп интересов, рассматривая молодежь в основном как электоральный ресурс.

В свою очередь молодежь эта ситуация также хорошо осознается. Так, в ходе проведенного в октябре 2018 г. массового опроса молодежи Алтайского края и Новосибирской области молодых депутатов представительных органов к молодежным политическим лидерам отнесли только 10,5% респондентов в Алтайском крае и 12% – в Новосибирской области.

В целом можно сделать вывод, что в современной российской молодежной среде, в том числе в регионах Юго-Западной Сибири, отсутствуют спрос и предложение на внутреннюю институционализированную общественно-политическую коммуникацию по поводу решения проблем молодежи. Молодые парламентарии не воспринимаются молодежью как ее представители и, в свою очередь, не стремятся выполнять данную функцию, что переводит вопросы молодежного политического лидерства в формат неопределенности или политической деструкции.

Литература

1. Постоянные депутатские объединения АКЗС седьмого созыва // Алтайское краевое Законодательное Собрание. URL: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions7/> (дата обращения: 28.04.2019).

2. Депутаты совета народных депутатов Кемеровской области // Совет народных депутатов Кемеровской области. URL: <http://www.sndko.ru/deputaty-soveta/> (дата обращения: 28.04.2019).

3. Фракции Законодательного Собрания Новосибирской области // Законодательное Собрание Новосибирской области. URL: <http://znsno.ru/640/> (дата обращения: 28.04.2019).

4. Единая Россия // Законодательное Собрание Омской области. URL: <http://www.omsk-parlament.ru/?sid=2903> (дата обращения: 28.04.2019).

5. КПРФ // Законодательное Собрание Омской области. URL: <http://www.omsk-parlament.ru/?sid=2904> (дата обращения: 28.04.2019).

6. ЛДПР // Законодательное Собрание Омской области. URL: <http://www.omsk-parlament.ru/?sid=2905> (дата обращения: 28.04.2019).

7. Справедливая Россия // Законодательное Собрание Омской области. URL: <http://www.omsk-parlament.ru/?sid=2906> (дата обращения: 28.04.2019).

8. Фракции Законодательной Думы Томской области // Законодательная Дума Томской области. URL: <https://duma.tomsk.ru/fraction> (дата обращения: 28.04.2019).

Ya.Yu. Shashkova

Potential of young deputies of legislative (representative) bodies as political leaders of youth (on the example of the regions of South-Western Siberia)

The degree of youth representation in the legislative bodies of the regions of South-Western Siberia and the factors influencing it are analyzed. The dependence of this indicator on the personnel strategies of the parties is shown. The low potential of young deputies as political leaders among young people is proved.

Keywords: legislative (representative) power, deputies, youth, political leaders, Regions of South-Western Siberia.

Эффективность функционирования системы молодежных парламентов в современной России

В современности первоочередным и значимым условием для формирования гражданского общества является активное участие молодежи в политическом процессе страны. Активизация данных процессов происходит путем учреждения системы молодежных парламентских структур и их эффективного функционирования.

Ключевые слова: молодежные парламенты, политическое участие, гражданское общество.

Для успешных и эффективных реформ в государстве, развития современного гражданского общества всегда значимы участие и заинтересованность в этом молодых граждан. Именно их активное участие в этом, взаимодействие с властью в рамках имеющихся демократических институтов и инструментов позволяют молодежи быть причастными к делам государства, решениям, реформам. Наличие молодых граждан, умеющих плодотворно и грамотно взаимодействовать с прочими силами общества для достижения общих целей и интересов, является одним из главных условий функционирования гражданского общества. Безусловно, все это должно закрепляться в правовых нормах и основываться на них.

Сложность состоит в том, что сам механизм, позволяющий молодежи принимать участие в национальной политике, недостаточно развит и практически не отработан в реальности. Об этом свидетельствует незначительная доля молодежи в законодательных органах субъектов РФ и в законодательных органах местного самоуправления. При этом важность и необходимость сотрудничества органов государства с общественными институтами для решения вопросов молодежи крайне велики. В этих условиях и приоритетах развитие молодежного парламентского движения становится перспективным направлением для решения данного вопроса.

Молодежный парламентаризм главным образом базируется на возможности самоорганизации молодежи. В этом движении

можно проследить хороший потенциал. При этом применяются различные организационно-правовые формы: молодежные палаты, ассамблеи, правительства, советы и иные. Молодежные парламенты призваны и наделены соответствующими полномочиями – для выступления от имени всей молодежи, взаимодействия с органами власти, для активизации выражения позиции и мотивирования молодежи. Создание системы молодежных парламентов является предпосылкой формирования элементов политического участия в молодежной среде. Проводя исследования проблем молодежного парламентаризма, ученые в основном считают, что молодежь большей частью аполитична [1. С. 18]. При этом отстаивать и защитить свои права может только политически активная молодежь.

В России молодежный парламентаризм развивается параллельно со становлением демократического государства и гражданского общества. Численность молодых людей, активно участвующих в политизированных молодежных объединениях, по мнению социологов, составляет на данный момент от 2 до 20% [2. С. 11]. Данный показатель варьируется в зависимости от конкретного субъекта РФ. Важным шагом в развитии молодежного парламентского движения стало создание Молодежного парламента при ГД ФС РФ и Молодежной парламентской ассамблеи при СФ ФС РФ. Стоит отметить, что во многих регионах именно молодежные организации оказали существенное воздействие на разработку и принятие законов субъектов РФ о молодежной политике [3. С. 5]. Кроме того, молодежные парламентские структуры являются хорошим кадровым резервом регионов.

В целом молодежный парламентаризм дает реальную возможность молодежи напрямую поучаствовать в обсуждении законопроектов, затрагивающих их права и интересы, заявить о своих проблемах, находиться в диалоге с властью, формировать собственную активную гражданскую позицию. Важно, чтобы инициатива возникновения таких институтов шла от молодых людей, а государственные структуры только содействовали этому. Молодежное парламентское движение является одной из

самых эффективных форм взаимодействия молодежи и органов государственной власти. А это важная предпосылка стабильности и эффективности общества в процессе его развития.

Литература

1. Юсов С.В. Организационно-правовые основы создания и деятельности молодежных парламентов в Российской Федерации. М.: РЦОИТ, Крона, 2009. 146 с.
2. Фурсов О.Б. Молодежный парламентаризм в современной России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Н. Новгород, 2006. 22 с.
3. Молодежный парламент. Практический опыт регионов. М., 2014.

K.O. Shkatulov

The effectiveness of the functioning of the system of youth parliaments in modern Russia

In modern times, the primary and significant condition for the formation of a civil society is the active participation of young people in the political process of the country. The activation of these processes occurs through the establishment of a system of youth parliamentary structures and their effective functioning.

Keywords: youth parliaments, youth, political participation, civil society.

Власть в контексте межклановой борьбы: опыт Украины

Рассматривается один из аспектов современного Украинского кризиса. Показаны политические процессы Украины, связанные с борьбой олигархических кланов за господство. Основной акцент сделан на проблеме власти, ее слиянии с бизнес-группами, какие риски и опасности это несет.

Ключевые слова: кризис, властные структуры, неопатримониализм, олигархические кланы.

Формирование неопатримониального режима на Украине происходит во второй половине 90-х гг., когда вокруг президента Л. Кучмы образуется крупная бюрократическая группа [1]. Неопатримониализм понимается как использование политической власти в собственных интересах правящими группировками, соединение власти и собственности, комплектование государственного аппарата не по законодательно регулируемым принципам и не по правилам карьерного продвижения, монополия центральной власти в руках одного политического центра, клиентарно-патронажные отношения во власти [2]. В такой ситуации государство оказалось ослабленным, что вынудило президента искать опору и поддержку у наиболее сильных олигархических кланов. Каждый из кланов связан друг с другом патрон-клиентскими отношениями. Крупнейшими кланами второй половины XX – начала XXI в. были: днепропетровские бизнес-кланы В. Пинчука и И. Коломойского, киевская бизнес-группа Г. Суркиса и В. Медведчука, харьковская А. Ярославского и Э. Галиева, донецкие группы Р. Ахметова, В. Гайдука и С. Таруты [Там же. С. 167–174].

Олигархические кланы распространяли свое влияние, приватизируя существующие политические партии для отстаивания своих интересов в Верховной Раде, продвигая своих представителей на государственные посты, входя в окружение президента. При этом до 2002 г. межклановые отношения носили достаточно мирный характер, не было острых конфликтов и войн за переде-

лы собственности. На наш взгляд, этому способствовал тот факт, что роль арбитра в распределении благ в политической системе Украины исполнял президент Л. Кучма. Однако к концу второго президентского срока стало очевидно, что сложившаяся политическая система начала давать сбои. Некоторые бизнес-группы второго порядка (Ю. Тимошенко, П. Порошенко, Е. Червоненко) решили выйти из-под патронажа президента, так как не получали равного с более крупными группами доступа к экономическим и политическим благам. Эти бизнес-группы второго порядка заручились поддержкой национал-демократов, избирателей и Запада. Сначала их силами был организован «кассетный скандал», а затем «оранжевая революция».

Результатом событий 2004–2005 гг. стал распад неопатримониального режима, основанного на гегемонии президента. Произошел своеобразный захват государства бизнес-группами второго порядка. Но ситуация, при которой бизнес-группы получали определенные блага в политике и экономике страны, сохранилась, изменились лишь ключевые игроки, случилось «восстание миллионеров против миллиардеров» [3. С. 36].

После устранения сильного президента бизнес-группировки начали борьбу за влияние. Были устранены крупные политические кланы. Так, потеряли свое влияние часть донецкого клана, киевский клан. Пришедшие к власти «оранжевые» произвели чистку политической элиты, заменив их представителями нового поколения. «Новые» люди были ориентированы только на личную прибыль, в отличие от прежней элиты, которая помимо корыстных интересов, тем не менее, служила государству. С тех пор политическая жизнь Украины представляла собой борьбу олигархических кланов за господство. Таким образом, с исчезновением признанного лидера период мирного существования бизнес-групп закончился, сменившись конфронтацией.

Особое недовольство украинских финансово-промышленных групп (ФПГ) вызвало активное создание президентом В. Януковичем собственной бизнес-группы и продвижение ее интересов. Все ведущие ФПГ (группы Р. Ахметова и Д. Фирташа, Ю. Бойко, С. Левочкина, И. Коломойского) пожелали свергнуть прези-

дента, видя в его действиях угрозу собственной безопасности. Бизнес-группы объединились с массовым недовольством, вызванным отказом от подписания Соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом и силовыми акциями против сторонников евроинтеграции. Массовая протестная мобилизация, которая получила название «Евромайдан», и поддержка западных государств, привели к свержению и бегству В. Януковича и к краху украинского государства.

Таким образом, власть Украины, сросшаяся с олигархическими кланами, оказалась основоположником современного кризиса. Основными причинами кризиса стали традиции отношений патронажа и клиентелы, отсутствие здоровой политики, раскол государства на русско-культурный восток и украино-культурный запад, зависимость украинского государства от внешних влияний и отсутствие независимости парламента.

Литература

1. Козлов С.В. Украинский неопатримониальный режим: от «оранжевой революции» к «Евромайдану» // Политэкс. 2014. Т. 10. № 1. С. 31–43.
2. Швырков А.И. Украина: закономерности распада // Полития. 2014. № 2. С. 34–47.
3. Касьянов Г.В. Украина 1991–2007: очерки новейшей истории. Киев: Наш час, 2008. 480 с.

R.V. Shkuta

The political power in the context of inter-clan fighting: The experience of Ukraine

One aspect of a recent Ukraine crisis is considering. The political processes of Ukraine, related to the struggle of oligarchic clans for supremacy are shown. The main topic is focused on the problem of the political power, integration with business groups and what risks and dangers it has.

Keywords: crisis, power structures, neopatrimonialism, oligarchic clans.

Формирование законодательных собраний российских регионов в контексте нового электорального цикла

Анализируются результаты выборов 2018 г. в законодательные собрания субъектов Российской Федерации в сравнении с предшествующими. Осуществляется оценка конкурентности партийно-фракционного состава избранных региональных парламентов. Выделяются тенденции, характерные для текущего электорального цикла. Ключевые слова: выборы, законодательные собрания, политические партии.

Анализ состояния партийной системы, как правило, концентрирует внимание на результатах общенациональных выборов, парламентских партиях и деятельности их фракций в федеральном органе законодательной власти. Вместе с тем выборы в региональные парламенты и деятельность партий в составе их депутатского корпуса представляют не меньший интерес. В силу асинхронности своего проведения, эти выборы служат более гибким индикатором общественных настроений и состояния партийной системы.

Региональные выборы, прошедшие осенью 2018 г. в 16 субъектах Федерации, преподнесли немало сюрпризов. Несмотря на явное преимущество в узнаваемости и иных ресурсах, кандидаты, выдвинутые «Единой Россией» (ЕР), потерпели поражение на выборах губернаторов четырех регионов. Списки «партии власти» оказались на 2-м месте на выборах в законодательные собрания Хакасии, Иркутской и Ульяновской областей. Списки кандидатов от ЛДПР вышли на 2-е место в Забайкалье, Архангельской и Кемеровской областях, опередив КПРФ. В четырех регионах непарламентские партии обошли «Справедливую Россию». Случайны ли эти результаты? Можно ли свести их только к проявлению ситуативных факторов, вроде печально известной пенсионной реформы? Чтобы ответить на эти вопросы, проанализируем данные электоральной статистики, разме-

щенные на сайте ЦИК РФ [1]. В качестве точки отсчета используем 2012 г, когда была проведена реформа партийного и избирательного законодательства, и начался электоральный цикл, завершившийся в 2016 г.

Активность участия партий в выборах-2018 была самой низкой с 2012 г.: в среднем, они выдвинули 6,4 списка на регион (для сравнения, в 2013 г. в этих же регионах было выдвинуто 17,2 списка) [2. С. 199]. Зато реальный уровень конкуренции на выборах, измеряемый эффективным числом электоральных партий (ЭЧП_э) по формуле Г.В. Голосова [3. С. 213], оказался самым высоким: от 1,5 в Калмыкии до 3,8 в Архангельской области, а в среднем по всей группе регионов – 2,8. И то и другое отражает среднесрочную тенденцию: количество выдвинутых списков с 2012 г. с небольшими колебаниями постоянно снижалось, а среднее значение ЭЧП_э, наоборот, росло.

Результативность парламентских партий на выборах в законодательные собрания заметно различается. ЕР в 2018 г. показала самый низкий средний результат – 41,8% действительных голосов (от 27% в Хакасии до 70% в Калмыкии). Но сама тенденция на снижение голосования за нее проявилась намного раньше. Свой исторический максимум (66,5%) «партия власти» набрала в 2014 г., с тех пор голосование за нее только уменьшалось. Результат 2018 г. для КПРФ наиболее высокий – в среднем 23,1% голосов (от 10,3% в Кемеровской области до 37,4% в Ульяновской). Достижение ЛДПР скромнее – 15% голосов (в 2016 г. она обошла коммунистов с 17,1%). Зато обе эти партии в 2018 г. набрали почти вдвое больше голосов, чем на предыдущих выборах. Показатели «Справедливой России» (СР) выросли ненамного: с 6,9% в 2013 г. до 8,7% [2. С. 200].

Состав избранных в 2018 г. заксобраний наиболее конкурентный за 2012–2018 гг.: впервые среднее количество представленных в них партий достигло 4,5 (в 2013 г. было 3,7), диапазон эффективного числа парламентских партий – от 1,2 в Кемеровской области до 3,7 в Хакасии (среднее значение составило 2). Впервые средний по всей группе регионов уровень представительства ЕР опустился до 59,8% мест, а партии парламент-

ской оппозиции добились ощутимого прироста: КПРФ – до 20,3%, ЛДПР – до 9,2%, СР – до 6,4% [2. С. 204]. Но и эти результаты не выбиваются из общей динамики: доля мест ЕР и раньше снижалась, а показатели КПРФ и ЛДПР постепенно росли.

Таким образом, на самом деле новый электоральный цикл пока не демонстрирует принципиально новых тенденций в формировании региональных парламентов. Несмотря на снижение активности партий, уровень конкуренции между ними продолжает расти. Это очевидно на электоральном уровне, но все заметнее сказывается и на фракционном составе заксобраний. А это значит, что факторы, обусловившие такие результаты выборов, носят гораздо более глубокий и постоянный характер.

Литература

1. Сведения о проводящихся выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.vyborgy.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 12.02.2019).

2. Любарев А.Ю., Шпагин С.А. Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах в 2012–2018 гг. // Политическая концептология. 2018. № 4. С. 189–207.

3. Голосов Г.В. Сравнительная политология: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 462 с.

S.A. Shpagin

Formation of legislative assemblies of Russian regions in the context of a new electoral cycle

Results of elections of 2018 to legislative assemblies of territorial subjects of the Russian Federation in comparison with previous are analyzed. Assessment of competition of party and fractional structure of the elected regional parliaments is carried out. The trends characteristic of the current electoral cycle are allocated.

Keywords: elections, legislative assemblies, political parties.

А.И. Щербинин

Парламент как театр: фрейм и образ

Анализируется фрейм парламента как театра. Показаны истоки театральности в парламентаризме, топология парламента, влияние его образа на коммуникацию и легитимность решений.

Ключевые слова: парламент, театр, фрейм, образ, коммуникация, легитимация.

Видимо, первым, кому удалось соединить тему театра и парламента, был Аристофан, положив эту коллизию в основу комедии «Женщины в народном собрании». Именно там, переодевшись мужчинами, женщины приходят в народное собрание и на этой «сцене» разыгрывают политическую пьесу, цель которой заключается в том, чтобы передать власть в Афинах именно женщинам. Думаю, что сегодня в ряде стран такая постановка вопроса имела бы все шансы возглавить политическую и медийную повестки дня.

Что касается выбора научного подхода, то вначале обратимся к идеям одного из основоположников теории фреймов. Ирвин Гофман, в юности мечтавший о карьере кинорежиссера, не случайно в своей базовой работе «Представление себя другим в повседневной жизни», где были сформулированы «шесть драматургических принципов», в числе прочих выделил театральный фрейм. В целом метафора театра позволила ему включать перформансы как формы социальности «исполнителей» в разряд феноменов, когда реальность конструируется, имея в основе множество вариантов, определяемых сценариями «спектаклей». Когда личные мотивы и сценарии поведения укладываются в рамки «фреймов», это позволяет избегать непредсказуемости ситуаций. Стоит упомянуть, что ближайшими предшественниками своей теории Гофман называет У. Джеймса и А. Шюца. Он показывает, как на основе их разработок у Г. Бейтсона в «Теории игры и фантазии» появляется категория «фрейм» применительно к игре [1. С. 67].

Не менее известны в социальных науках леворадикальные взгляды на общество как на спектакль, принадлежащие Э. Ги Дебору. «Общество спектакля» – это не просто иная реальность, конституирующая «наличную модель преобладающего в обществе образа жизни», это псевдомир, где «специализация образов мира оказывается завершенной в ставшем автономном мире образов, где обманщик лжет самому себе. Спектакль вообще, как конкретная инверсия жизни, есть автономное движение неживого» [2. С. 23–24]. У Гофмана и Дебора нетрудно обнаружить пересечение категорий: *обман, фабрикация, спектакль, игра, театр*. Применение фрейм-анализа, в частности – при исследовании парламента как театра в «Человеческой комедии» О. де Бальзака («Депутат из Арси», «Комедианты неведомо для себя» и др.), достаточно продуктивно.

Более значимыми для проработки фрейма театра представляются работы классиков психологии масс Г. Лебона и Г. Тарда. При демонстрируемом расхождении они интересны тем, что рассматривают и парламент, и театр, и, что немаловажно, позволяют проследить генетическую сущность парламента, его, казалось бы, скрытые толщей лет истоки. В дополнении к этим работам будут использованы теория карнавала М. Бахтина, антропология смены и возвращения к истокам В. Тэрнера. Театральный фрейм неубедителен без обращения к сравнению архитектурных форм и топологии театра (А. Папакостас, П. Бурдые, авторы книги «Парламент» Д. Ван дер Вегт и М. де Лара). Использование публицистических и художественных произведений необходимо для показа театральной природы парламента, его игровой формы коммуникации. В работе используется феноменологический подход применительно к основной идее статьи, методы визуальной антропологии, сравнения.

Вслед за Лебоном и Тардом, показавшими неосознанную силу человеческой стихии, автор предлагает взглянуть на истоки парламента как представительной (*deputy*) формы демократического правления. Когда М. Фуко необходимо было сравнить власть-господство и дисциплинарную власть, то для первой он отмечал периодическую необходимость властителя появляться

перед подвластными, как бы воспроизводя основополагающий факт завоевания, победы, установления господства-подчинения. В этом моменте реактуализации уже кроется элемент театра. Суверен, по Фуко, при помощи техник церемонии, ритуала, рассказа с необходимыми атрибутами как бы разыгрывает вместе с подданными драму истоков власти. Фуко видит в этом озабоченность власти-господства по поводу своего угасания, прекращения [3. С. 60]. По нашему же мнению, эта потребность насущна для обеих сторон, стремящихся выйти из под покрова абстрактных институтов и продемонстрировать свою жизненность, политическую и физическую телесность.

С этой точки зрения любые выборы имитируют возвращение к истокам, когда не метафорически, а технически власть в момент голосования принадлежит народу. Они являются естественным воплощением архаической площадной демократии. Удивляющая почему-то практически каждый раз исследователей «карнавальность» / театральность выборов как раз соответствует природе легитимации (или перелегитимации) [4]. На наш взгляд, торы статьи «Выборы как театр», вышедшей в издании Американской ассоциации политической науки в 2016 г., предпосылая своему исследованию аналогичные работы лишь за 2011–2013 гг., очевидно ограничивают себя и хронологически, и библиографически. Именно к разряду оценки выборов как театра можно отнести трактат «Краткое наставление по соисканию» Квинта Туллия Цицерона, книгу Ф. Кента [5, 6], но в большей степени интересны работы культурантропологов. Например, В. Тэрнер, развивая взгляды А. ван Геннепа на обряды перехода [7], пишет следующее о выборах вождя, который у племени ндембу символизирует и власть, и иерархию, и территорию. Выборы начинаются с его символической смерти, так что следующим символическим актом становится избрание прошедшего через политическую смерть и последующий обряд поношения и принижения – «в ночь накануне вступления в должность вождь – просто раб», которого оскорбляют и словесно, и телесно, поручают разную черную работу и т.п. [8. С. 173–175]. Как видим, с одной стороны, наказания, связанные с обрядом пере-

хода – возвращением власти народу, весьма далеки от «наказов кандидату», все усилия которого заключаются в том, чтобы в короткий период выборной кампании опуститься до народа и выслушать их критику власти. С другой стороны, критика в адрес кандидата имеет глубокую архаическую основу, включая и процедуру перелегитимации.

Выборы не случайно были названы нами имитацией возвращения к истокам, своего рода «народным театром». О собственном возврате мы говорим, когда в ходе революционных волнений или противостояния президентской и парламентской ветвей парламент сам как бы возвращает власть народу, подключая к борьбе энергию масс. Именно это сегодня делает Гуайдо в Венесуэле, а пять лет назад этот акт был разыгран на киевском майдане. Майдан в Киеве становился не только репрезентатором всего народа при революционной смене власти, он претендовал на контроль над новой властью, сохраняя при этом функционал и атрибутику революционного карнавала. Носители новой «правды» революции, явленной в ее спектакле, с недоверием относятся к парламентским процедурам, как писал Э. Канетти: «Бюллетени, как и договоры, для них просто клочки бумаги. Если они не омыты кровью, то ничего не стоят; для таких людей важны только те решения, при которых пролилась кровь» [9. С. 69]. Карнавал, по Бахтину, с его осмеянием старой правды и старой власти, фактически является первоформой политического театра, площадной формой, где еще нет лимитированности пределами сцены, где актеры и публика еще не отделены рампой – право на речи и реплики имеют и те, и другие. Площадь создает власть.

Г. Лебон одной из форм толпы называл парламентские собрания, где разнородная масса проявляет общие для феномена толпы черты: «...односторонность идей, раздражительность, восприимчивость к внушению, преувеличение чувств, преобладающее влияние вожаков» [10. С. 240]. Тард допускал существование в парламентах «агрегатного состояния» массы в виде толпы, замечая, что фактически «театральная публика – сидячая толпа, т.е. полутолпа... Но это различие не всегда существовало.

Еще в 1780 году... партер стоял в главных театрах, и едва только начинали говорить о том, чтобы публика партера садилась. Можно подумать, что, садясь, партер стал умнее; то же случилось с политической и судебной аудиторией у народов, которые начинали с парламентов на площадях, составленных из воинов или старцев, стоящих под оружием, а кончили собратьями, заключенными в дворцах и сидящими в курульных креслах и на стульях» [11. С. 387].

Замкнутый в помещение, парламент длительное время искал свою форму. А. Папакостас, описывая шведский риксдаг, сделал предположение, что и внешне, и по внутреннему дизайну парламенты Нового времени строились по типу оперных театров – именно там зритель мог видеть не только сцену, но и друг друга (за исключением закрытых лож аристократии) [12. С. 90–95].

Следует отметить пограничье революции и порядка, когда масса не слишком интересуется коллизиями сцены – ее сцена в этот момент вся страна. В этот период масса это и коллективный актер, и коллективный политик – спектакль творится на глазах, а любые кулуарные политические решения прямо враждебны революционному сценарию. Мне кажется, автор романа «Бальзак без маски» Пьер Сирио не случайно соединил в двух параграфах завершающую волну революции 1848 г. и стремление как можно скорее обустроить парламентские выборы: «В Париже, ниспровергнувшем государственную власть, больше не было ни читателей, ни омнибусов, ни карнавала, ни газет, печатавших романы. Читатели превратились в зевак. Они довольствовались уличными зрелищами и даже получали наслаждение от потасовок... Когда люди проникаются жгучей ненавистью, они теряют интерес к литературе. Бальзак понимал, что политика надолго подменила собой литературу. Лишь несколько театров не закрыли свои двери перед публикой. Но и театр балансировал на краю пропасти. Политические сюжеты таили в себе опасность. Буржуазные драмы потеряли актуальность» [13]. Неслучайно в этот момент именно газетами «овладела навязчивая идея выборов в Учредительное собрание» – выборов как паллиатива народной власти и как регламентации политического спектакля.

Мы обращаемся к теме медиа, далеко не второстепенной в сравнительном анализе театра и парламента. Фактически институционализированный и замкнутый даже в псевдооперные архитектурные формы парламент – учреждение, оторванное от своих истоков, закрытое и непрозрачное в процедурах и решениях. Единственным каналом связи с народом могли бы стать протоколы заседаний, впервые в практике конституционно введенные 210 лет назад шведским риксдагом [12. С. 94]. Этому же способствовало и решение в ряде законодательных собраний о допуске граждан на заседания. Однако выходы депутатов к публике, отчеты на округах могли представить только часть общей картины парламентской жизни. И здесь незаменимой стала газета, которая фокусировала внимание читателей на какой-либо проблеме, различных мнениях, позиции фракций и т.п. В парламентах до прессы, по справедливому замечанию Г. Тарда, не было общенационального мнения, лишь местные разнородные мнения [11. С. 308–309]. Помимо коммуникативной и генерализирующей функции прессы, она сыграла ведущую роль в процессе перехода к системе всеобщего голосования, формирования парламентского большинства, но самое главное – это утверждение «суверенитета парламентов... Они могли стать равными королю, затем выше его только тогда, когда воплотили национальное сознание» [11. С. 310].

С коммуникативной точки зрения, Тард бесспорно прав: если бы не было прессы, в палатах и кулуарах власть бы изнашивалась, и она не претерпела бы изменений, став рутинной, добавим мы. Однако не все так просто, газета с исключительно отчетами скучна. Бальзак очень образно показал, как в глазах сельской Франции власть и пресса превращаются во внешнее, безликое: «Во Франции для двадцати миллионов жителей закон – просто лист белой бумаги. Этим объясняется, почему Муш употреблял слово “бумага”, желая сказать “власть”. Многие мэры кантонов (не говоря уже о мэрах сельских общин) завергивали виноград или крупу в “Вестник законодательных распоряжений”» [14. С. 335].

Что касается парламентских баталлий, то в этом Тард не видит большого зла, хотя и перекалфицирует парламентскую публику в толпу, используя метафору двуглавого чудовища. Зло в единодушии, считал он [11. С. 372]. Фактически об этом пишет и Лебон, когда признает, что парламент как лучшая форма народного самоуправления может быть опасен лишь в двух случаях – насильственной растраты финансов и возрастающего ограничения личной свободы [10. С. 249]. Собственно говоря, данное единодушие может образоваться при попустительстве прессы, что маловероятно, или же когда пресса, цитируя шекспировского Ричарда II, собирается сама «сыграть роль короля», игнорируя реальные вопросы взаимосвязи народа и его парламентских репрезентантов. В этом канале связи с обществом имманентно кроется немалое зло «единомыслия», конструируемое по схеме «читатель выбрал газету, газета выбрала себе читателей, произошел взаимный подбор, отсюда взаимное приспособление» [11. С. 369].

Казалось бы, на фоне современной сетевой коммуникации, микротаргетирования и манипуляций предостережение Тарда, что следует бояться «человека одной газеты» выглядит наивно. Но таков каждый из нас, заключает Тард, а Б.Н. Чичерин сетует на то, что «редкий читатель дает себе труд перечитывать журналы различных направлений; огромное большинство держится одного органа, а потому не имеет возможности взглянуть на вопросы с разных сторон, отличить правду от лжи» [15. С. 63]. Из посредника между властью и народом, т.е. *медиа*, средства массовой коммуникации превращаются в средства влияния, и, не удовлетворяясь скромным эпитетом «четвертая власть», во власть доминирующую: «Общественное мнение, вскормленное журнализмом, естественно отражает на себе его недостатки: оно является поверхностным, односторонним, непрактическим» [Там же. С. 64].

Как и в театральном мире, парламентская жизнь должна быть подана драматически, чтобы заслужить внимание публики, на этом держатся медиа, в этом нуждаются и парламентарии. И хотя, по поговорке, театр начинается с вешалки, все-таки

главным в нем является зал. В этом плане уникальным исследованием стала вышедшая в 2016 г. книга голландских архитекторов Дэвида Мюлдера ван дер Вегта и Макса Коэна де Лары «Парламент», целью которой стало сравнение форм главного зала национальных legislatures с типом политического режима. Как написано в аннотации к изданию, «парламент это пространство, где политика буквально формируется. Здесь коллективные решения принимают форму в определенной обстановке, где отношения между политическими акторами организованы через архитектуру. Архитектура пространств политического собрания не только выражение политической культуры, она сама также формирует эту культуру» [16]. Книга стала итогом работы, начатой в 2010 г. по изучению двусторонних отношений между пространством и политикой методами документирования и сравнения пленарных залов парламентов всех 193 стран – членов ООН. Собранные и систематизированные формы были ранжированы по Индексу экономической демократии (в отчете за 2014 г.). Эта классификация и ранжирование придают публикации не только свежий взгляд в, честно говоря, уже изрядно состарившуюся тематику исследований по парламентаризму. Однако есть и другая сторона, связанная с опасностью подогнать формы под определение и ранг режима, исходя из места в The Economist Democracy Index.

Начнем с самой совершенной формы – круга, которая отражает равноправие всех членов и, следовательно, репрезентирует саму идею равноправия и демократии. Такая форма наименее распространена. Хотя с точки зрения метафоры «театра», *circle* – это и форма цирка – *circus*, и в целом наиболее распространенная форма организации зрелищ. В парламентской практике примером ее может служить зал заседаний Европарламента, и здесь посылка, и вывод авторов совпадают: форма круга и демократия. Однако, если мы посмотрим на подписанный Сталиным проект Дворца Советов Б.М. Иофана, то увидим, что главный зал заседаний, предназначенный для форумов депутатов трудящихся СССР, имеет такую же идеальную форму круга.

Форма «две скамьи» типична для двухпартийных парламентских систем, где ради победы своей, партийной позиции, дискуссия превращена в полемику (от греч. πόλεμο – война). Достаточно посмотреть заседания британского парламента, к примеру, на позиции (и позы) Т. Мей и Дж. Корбина, чтобы понять, как форма гармонически сочетается с коммуникативной политической игрой. В качестве исключения можно назвать «двухпартийный» зал Палаты представителей Конгресса США, который представляет собой форму «подковы». По логике соотношения формы зала и характера коммуникации у нижней палаты парламента США в «вершине» подковы есть поле соприкосновения и сотрудничества.

Самой распространенной формой является «полукруг», и он более всего подходит к установлению аналогии с театром. По Бурдые, который придавал большое значение топологии в политике, наряду с лево-правым делением, существенное значение имеет место, которое мы назовем «сцена». Именно там следят за «сценарием» заседания, там режиссируют выступления, выносят на обсуждение и голосование, имеют власть продлить или прекратить монологи, призвать к порядку парламентскую публику. Возле этой сцены время от времени возникают потасовки, что подогревает зрительский интерес. За некоторыми депутатами национальных «парламентских театров» прочно закрепилось амплуа нарушителей порядка.

Наконец, тип «классной комнаты», по классификации ван дер Вегта и де Лары, где при типичном, добавим мы, «рядном» интерьере зала центральное место принадлежит председателю палаты. Согласно голландским архитекторам – авторам исследования, это «учитель». Учительское место не только у всех на виду, но и возвышается над залом. «Учителю» с большой буквы дозволено быть и руководителем страны, и депутатом: «Как орел среди орлят/ Самый первый депутат./ Он войдет – и люди встанут,/ И «ура» и «славу» грянут./ Это он – народный гений,/ Полководец и солдат,/ Нас ведет, как вел нас Ленин,/ Двадцать восемь лет назад!» (С. Михалков). Данная форма более всего соответствует авторитарным режимам. На наш взгляд, она

совершенно не приспособлена для дискуссий – трудно общаться глядя в затылок впереди сидящему депутату или разворачиваться на сто восемьдесят градусов. Так что сакраментальное «парламент – не место для дискуссий» вполне подходит к форме, где можно учить, отдавать распоряжения, в конце концов, командовать рядами единомышленников. С точки зрения театрального фрейма – это театр если не «одного актера», то, во всяком случае, театр, чьи постановки монологичны. В силу этого «главным действующим лицам» – руководителям фракций (реже комитетов) в кулуарах приходится разъяснять представителям медиа, что сегодня ставили и какова роль актера / актора. Итак, мы снова возвращаемся к роли медиа в восприятии парламента как театра, а через этот фрейм – к его воздействию (образному и содержательному) на социальные и политические процессы в стране. Конечно, хотелось бы иметь идеальный парламент, но это выходит за предметное поле данной статьи, цель которой было реконструировать парламент как институт и парламент как образ через фрейм театра.

Литература

1. Гофман И. Представление себя другим в каждый день повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
2. Ги Дебор Э. Общество спектакля. М.: Изд-во «Логос», 2000. 184 с.
3. Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 году. СПб.: Наука, 2007. 450 с.
4. Chou M., Bleiker R., Premaratna N. Elections as Theater // Academia.Edu. URL: https://www.academia.edu/21279460/Elections_as_Theater (дата обращения: 04.03.2019).
5. Марченко Г.И. Квинт Цицерон как политический консультант // ОНС. 2010. № 4. С. 82–90.
6. Кент Ф. Политические нравы Соединенных Штатов. М.: Госиздат РСФСР – Московский рабочий, 1930. 206 с.
7. Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Вост. лит., 2002. 198 с.
8. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. 277 с.
9. Щербинин А.И. Революционный спектакль: опыт и современная постановка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (27). С. 65–73.

10. Лебон Г. Психология толп // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. С. 13–121.
11. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М. Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1999. С. 257–408.
12. Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция. М.: ВЦИОМ, 2016. 224 с.
13. Сирио П. Бальзак без маски // RuLit. URL: <https://www.rulit.me/books/balzak-bez-maski-read-309589-230-231.html> (дата обращения: 25.02.2019).
14. Бальзак Оноре де. Крестьяне // Бальзак Оноре де. Собр. соч. в 10 т. Человеческая комедия. Т. 9. Этюды о нравах; Сцены сельской жизни. М.: Худ. лит., 1986. С. 206–501.
15. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Б. и., 1899. 810 с.
16. Van der Vegt David Mulder, de Lara Max Cohen. Parliament. Publisher Xml: Imprint unknown, 2016. 448 p.

A.I. Shcherbinin

Parliament as a theater: the frame and the image

The frame of parliament as a theater is analyzed. The origins of theatricality in parliamentarism, the topology of parliament, the influence of its image on communication and the legitimacy of decisions are shown.

Keywords: parliament, theater, frame, image, communication, legitimization.

Н.Г. Щербинина

От публичной сферы парламентской демократии к медиареальности постдемократии¹

Исследуется роль массмедиа в формировании общественного мнения путем сравнения коммуникативных сфер парламентской демократии и постдемократии. Показана трансформация феномена общественного мнения от репрезентативной формы к медийной конструкции.

Ключевые слова: публичная сфера, общественное мнение, публики, медиадемократия, медиареальность.

Тема данного исследования гипотетически содержит в себе идею различия политико-коммуникативных миров, которые противопоставляются в контексте трансформации самой демократической формы. Отсюда цель статьи состоит том, чтобы, рассматривая публичную сферу и медиареальность под углом зрения политико-коммуникативного подхода, выявить в сравнительном аспекте роль массмедиа в конструировании феномена общественного мнения как атрибута демократии вообще.

Категорию публичной сферы ввел Ю. Хабермас, понимая ее наподобие медиаплощадки, на виртуальном пространстве которой в европейских странах начало формироваться общественное мнение еще в XVIII в. и достигло своего расцвета в веке XIX. То есть речь у него шла об исторически конкретном явлении, а именно о буржуазной публичной сфере. Для Хабермаса важным оставалось значение рационального начала, понимаемое в духе Просвещения, которое он соединил с политическим основанием легитимации власти и коммуникативным контекстом. Потому публичная сфера выступила у него медийной средой подлинного осмысления и обмена мнениями в противовес пропагандистским фальсификациям и пиар-технологиям, позволяющим власти действовать без учета мнения широких слоев населения [1]. Вывод Хабермаса о постепенной деградации явлений публично-

¹ Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФФ № 19-011-31231 «Политическая социализация молодежи в университетских городах».

сти сам по себе обоснован, но понятие публичной сферы применимо лишь в теоретической плоскости. Потому релевантной нам представляется оценка значения категории публичной сферы, данная Ф. Уэбстером. Он полагает, что концепция Хабермаса представляет собой «идеальную модель», адекватную пониманию роли информации в обществе с точки зрения классической теории демократии, основанной на идее народного представительства. В таком нормативном контексте именно публичный характер информации приобретает за счет независимого источника, открытого обсуждения и рационально-критического способа ее интерпретации [2. С. 219–220]. На сегодняшний день под публичностью политической власти подразумевается не столько ее представленность для критики, сколько открытость для общественного внимания, что проявляется в наличии пространства и форм презентации.

И все же вникнем в сущность модели Хабермаса, ведь, несмотря на абстрактность понятия публичной сферы, имел место и некий коммуникативный опыт, создававший эффект публичности как раз в эпоху парламентской демократии. В дискурсе власти, говорящей об общественной справедливости, всегда присутствует некая игра замещений, когда власть выступает репрезентацией, а репрезентация – властью [3. С. 374]. Парламент же в своем дискурсе репрезентировал власть общества, преобразовывая ее в партийно-политические позиции. Потому интенция Хабермаса насчет значения парламентских дебатов была релевантна в определенной исторической ситуации. Дебаты и на практике, с одной стороны, отражали спектр общественных референций, а с другой – артикулировали их в виде политических идей, предлагаемых для восприятия и интерпретации обществом. Все эти двусторонние коммуникативные послы оказывались реально возможными потому, что осуществлялась регулярная публикация отчетов о парламентских дебатах. Хабермас полагал, что такое положение дел создавало предпосылку не только для открытого доступа к информации, но и для критического осмысления идеологических продуктов политической власти. Но, на самом деле, потенциальная возможность идейной

гражданской инициативы вряд ли формировала установку на реализацию всенародного рационального осмысления точек зрения. Тем не менее правомерно сделать вывод, что парламент не только в идеале, но и на практике был основной публичной аудиторией и главным публичным пространством в то время, когда еще не обнаружилось кризиса идейного представительства. Парламент являлся одновременно и сценой, на которой выступали ведущие политики. Он, тем самым, служил местом политической репрезентации: именно в парламенте обсуждались ведущие политические идеи, артикулировались точки зрения и значимые позиции, задавался тон последующих общественных дискуссий, наконец, формировались политические профессионалы с особым лидерским стилем.

Но при всем демократически-практическом значении парламентской публичности нельзя игнорировать тот факт, что новыми массмедиа стали газеты, породившие феномен организованных частных публичностей. По мнению Тарда, именно газеты создавали вокруг себя особые «публики», которые, в свою очередь, стали идеологически ориентированной кадровой основой для образования массовых партий. Публика, по Тарду, это ментальная совокупность разрозненных индивидов, объединенных средством коммуникации [4. С. 259]. Для публик, например читателей одной газеты, свойственно принципиально придерживаться одних идей, взглядов и оценок. Так появился «человек одной газеты», который черпал свои мнения из одного источника. Через газеты идеи проникали в массу, а за общим идейным влиянием газет стояли те, кого Тард называл «публицисты». Тард дал и первое определение общественного мнения, это более или менее унифицированное мнение всех членов общества одной страны и в одно время [Там же. С. 303]. Для него мнение общества, по сути, складывалось из интегрального мнения представленных СМИ публик или общественностей. Получалось, что общественное мнение суммируется из некоей совокупности коллективных и управляемых точек зрения. Если воспользоваться термином Г. Маркузе «одномерный человек», то характеристику «одномерности» (одинаковости и управляемости) мож-

но отнести и к индивидам, входящим в публики. Тем самым публичность как сфера социально-политической коммуникации разделилась на секторы, согласно идеологической направленности средств массовой коммуникации (СМК).

Относительно возросшего влияния средств именно массовой коммуникации Тард дифференцировал и парламенты: одно дело парламент до появления прессы и другое – после, когда парламенты обрели свой суверенитет и смогли воплотить общее мнение [4. С. 308–310]. Итак, с распространением СМК феномен публичности как таковой очевидно связывается с публиками, которые позиционировались согласно идейной принадлежности. Поскольку парламентские партии имели тот же способ идентификации, постольку массовые газеты смогли стать и рупором парламентских лидеров. Тем самым практическая логика коммуникации шла вразрез с представлением Хабермаса о диффузном характере происхождения общественного мнения. Напротив, с возникновением СМК общественное мнение стало формироваться путем целенаправленного влияния на сознание граждан.

Потому надо особо подчеркнуть, что общее мнение граждан в эпоху возникновения массмедиа инициировалось, в сущности, не «снизу» от публичной сферы с ее самостоятельной общественной дискуссией, а «сверху» от политической власти в широком смысле слова. Так совокупная публика у Тарда была четко дифференцирована и отдельные общественности были маркированы согласно различным интерпретациям основных политических понятий и идей, постулируемых и внушаемых в принципе. Возникла целая структура новой для того времени реальности общественного мнения, предполагающая борьбу за контроль над коллективным сознанием со стороны как «публицистов», так и политической власти в лице влиятельных лидеров. Интересно, что в приведенных объяснениях явления управляемого общественного мнения власть «публицистов», как возможность оказывать влияние, сугубо персонифицировалась, а ее ресурсы (особенно финансовые) не принимались во внимание. Конечно, борьба за воздействие на умы отдельных публик не исключала

возможности достижения общественного консенсуса, тогда выделялись общепризнанные идеи. В случае же нарастания раздора в обществе, напротив, артикулировались альтернативные идеи, которые вели непримиримую борьбу, олицетворенную политическими персонами. Отсюда политические лидеры фактически представляли идеи и вели речь об идеях, а идеологии были репрезентированы политическими организациями. И главными партиями-репрезентантами выступали парламентские партии, играя символическую роль народных представителей отдельных общественных групп, слоев и классов. Итак, особое значение эксклюзивного мнения гражданина, утверждаемое в доктрине публичной сферы Хабермаса, практически минимизировалось. Скорее всего, гражданин уступал свою критическую роль лидерам, которые осуществляли коллективное партийное представительство. Но все же гражданин мог ассоциироваться с партийной платформой, поддерживающей версию общей политики государства. То есть гражданин имел возможность, по крайней мере, выбирать, прибегая к операции мышления по типу связи с идеей. Хотя ассоциация совершалась не всегда с рационально созданной конструкцией, но часто с идеей-образом, эмоционально окрашенной.

И вот на смену парламентской демократии пришла постдемократия. Постдемократия нами понимается не в стадийном значении (в этом смысле одни считают ее временем «загнивания» демократии, другие – эпохой нового ее развития). Мы же используем политико-коммуникативный подход и, соответственно, рассматриваем постдемократию в плане превращения в медиадемократию. В период постмодерна окончательно определился характер политической власти, если рассматривать ее с маркетинговой точки зрения, и образовалась медиакратия [5. С. 210–211]. Данное сущностное соединение на основе общих целей институтов политической власти и медиа находит свое яркое выражение в сфере коммуникации. При этом политика не просто опосредуется медиа, но политическая власть превращается в коммуникативную структуру и конструкцию. Консолидированные власть и медиа совместно-политически конструируют

медиареальность, задавая единые смысловые фреймы и определяя то, что общество должно считать «правильным».

Если раньше гражданин хотя бы формально оказывался активным членом политической дискуссии в публичном поле в силу своей партийной «привязки», то с появлением новых, особенно визуально ориентированных средств массовой коммуникации, он превращается в откровенно-безучастного реципиента. Такой «наблюдающий» гражданин потребляет готовые медиаобразы и оценивает их с точки зрения категорий восприятия. Политическая коммуникация в условиях медиадемократии практически не представляет собой кругового обмена сообщениями, напротив, чаще наблюдается линейная трансляция заранее проинтерпретированной политической информации. Коммуникация как таковая подменяется информационным политическим контактом, когда обратная связь носит фиктивный характер. Ж. Бодрийяр писал, что медиа «производят некоммуникацию», т.е. создают условия, в которых невозможен обмен, а ответ в лучшем случае симулирован [6. С. 238]. К примеру, теленовости создаются по образцу убеждающего телемонолога и такая квазикоммуникация превращает индивидов в пассивных потребителей, в молчаливую массу. В данной связи уместно отметить и сопутствующее снижение медийной роли парламента. Согласимся с Н. Больцем, что вместо парламентской трибуны современные политики выступают перед камерой. И политические спектакли сегодня разыгрываются не в парламенте, а в медиа. В результате на смену политической репрезентации идей пришла «медийно-эстетическая презентация» лидеров-звезд [7. С. 57]. Итак, идеи, их обсуждение и репрезентация – все это ушло в прошлое, когда демократия была представительской.

Время постдемократии в информационном аспекте характеризуется и возрастанием роли политики постправды, которая реализуется в медиасреде. Термин «постправда» означает не столько новое состояние информационных феноменов, сколько откровенно циничное отношение к ним. Правда, под которой в период модерна понимали относительную и частную версию в

противоположность единственно верной объективной истине, изменила свой статус в информационно-коммуникационном процессе. Она превратилась в субъективную правду-истину, т.е. фактически уравнилась с эксклюзивной истиной в ее коммуникативной значимости. Потому истин в политической коммуникации сегодня позиционируется столько же, сколько и правд. Другими словами, все версии информационного описания действительности обладают одинаковым коммуникативным статусом. Истина больше не отражает действительности и не поддается верификации. Отсюда любая информация (даже ложная) имеет право на существование и безоговорочно принимается на веру. Дело даже не столько в доверии к источнику (газете, телеканалу, блогу), хотя и это важно, но в желании поверить в то, что импонирует. Такая установка сводит освоение информации к «чистому» эффекту восприятия, не сопровождающемуся критическим анализом. Как следствие, в постмодерне поиск истины заменяется актом выбора среди правд-версий, релевантных активному «пользователю». Пользователь не только «читает», но и достраивает образ воспринимаемого объекта и создает свой потребный «текст».

При торжестве медиадемократии заговорили и о сопутствующем появлении медиареальности, хотя, по нашему мнению, медиареальность существовала всегда. Медиареальность – реальность, созданная и представляемая медиа. Другими словами, перед нами разновидность искусственно сконструированной субъективной реальности, обладающей набором собственных медиатизированных значений. Потому сегодняшняя политическая медиареальность (как виртуальное пространство бытия медиадемократии) возникает за счет создания политических медиаконструктов, умышленно созданных медиафеноменов политического сознания. Политическая медиареальность – это своего рода промежуточный мир, не отражающий сущность политической объективной сферы, но представляющий ее в медиатизированной форме. А поскольку восприятие политических институтов возможно лишь опосредованно, то медиареальность гражданами принимается за действительность. Знание о политической

действительности, приобретаемое с помощью восприятия медиаконструктов, придает качество «реальности» самим медиафеноменам. В данной связи согласимся с философами-постмодернистами, что медиареальность (как гиперреальность, знаковая конструкция без референтов) – это единственная реальность в плане информационной доступности. В итоге в основе конструирования содержания актуального знания о политической сфере лежит действие по конституированию медиареальности, задающее картину политического мира.

Представление об актуальном мире политики моделируется с помощью медийной «повестки дня», перечня тем, которые подаются СМИ в качестве общественно важных. Повестка дня задает и темы для политической коммуникации, позиционируемые в качестве актуальных проблем, событий, фактов и т.п. В результате сегодня превалирует разговор на установленные темы, за продвижением которых и следят медиа. Медиа выносят сами темы на обсуждение (но не являются их творцами) и поддерживают споры на заданную тему. При этом политическая повестка предопределяет основное содержание медиаповестки, а общественная повестка в этом смысле оказывается второстепенной. В итоге медиаповестка, в плане влияния на общество в целом и гражданина в частности, оказывается центральной. Так, через медиаповестку политические темы приобретают свое медийное присутствие, и именно из ее текущего списочного состава общество черпает основное содержание своей повестки, лишь дополняя ее отдельными «наболевшими» проблемами. Политики же посредством медиа просто высказывают свои мнения насчет актуально представленных в СМИ тем, причем они не могут игнорировать медиаповестку и предопределенные властью смысловые фреймы. Политики, обозначая свое мнение в заданной рамке медийного вопрошания, занимаются самопрезентацией и, тем самым, позиционируются, что позволяет оценивать каждого политика. Вот такая композиция данных символических позиций и выдается сегодня СМИ за политикозлободневную структуру общественного мнения. То есть структура мнений уже не формируется на основании идентификации

публик с долговременно бытующими идеями, но обозначается согласно сиюминутной самоатрибуции лидеров в СМИ. Выражаемая политическая позиция – это по сути примитивное и ситуативное суждение, утверждение «за» / «против». Так, общественное мнение инсценируется в медиа и представляется в лицах.

Конечно, публикации продолжают свое существование. Во второй половине прошлого века в политике приобрела значение телепублика, отдающая предпочтение лидеру-кандидату на политический пост на основании ток-шоу. Лидерский отбор посредством простой оценки ток-шоу задается презентацией, а не репрезентацией, простой перцепцией, а не умозаключением на основе анализа концепции. Сегодня к обсуждению политических тем присоединились различные интернет-публики. Однако обратная связь и в коммуникации с помощью интернет в лучшем случае сводится к комментарию. И хотя конструктивного обмена мнениями по-прежнему не происходит, сам «разговор» все больше обретает статус медиума. При этом для политической коммуникации через СМИ (по типу ее организации в виде двустороннего обмена мнениями и информацией), мало что меняется. В подавляющем случае выходит разговор ради разговора, когда коммуникативный контакт становится важнее информационного посыла и смыслового обмена. То есть подлинная публичная сфера на интернет-площадке не формируется, хотя дискурс интернета имеет критический настрой как таковой.

Итак, в постмодерне публичная сфера деградирует окончательно. Информация становится настолько открыто рыночным феноменом, что политическая коммуникация приобретает развлекательную форму, а политики оформляются в виде торговых марок. Эстетический принцип такой медиапрезентации упрощает восприятие и сводит его к простой эмоции: «нравится» / «не нравится». Поскольку основной медиум в постсовременности все же разговор, форма его ритуализирована и инсценирована, будь то ток-шоу или прямая линия. Старая сложно-театрализованная парламентская площадка не годится для реализации упрощено-ускоренных медиаритуалов. Потому сцена

политического шоу окончательно перемещается в медиaproстранство. Сегодня политический лидер это не тот, кто символизирует стратегии, отправляет практики и уже не тот, кто разыгрывает сценарии. Это маркированный политиком человек, «известный известностью» в медиа за счет рассказывания своей «истории» и ответа на вопросы. Он не репрезентирует идею, не представляет идеологию, но обладает возможностью приобрести влияние с помощью обозначения позиции по отношению к обсуждаемой теме. Политики с высшими политическими статусами не только создают новостные поводы, интерпретируют медиафакты, но и задают темы. Однако сегодня политические лидеры все более теряют свою знаковую представительность. Их имиджи вступают в игру «пустых» знаков, не имеющих смысла, тем самым политическая сфера подвергается деконструкции.

Таким образом, реальность общественного мнения меняет свою сущность. Приходится признать, что общественное мнение как феномен сегодня репрезентировано медиа и персонифицировано политическими лидерами, которые продвинуты массмедиа. Среди этих лидеров-знаменитостей могут быть, конечно, и лидеры парламентских партий и фракций. Получается, что общественное мнение в целом (и в политической сфере тоже) подвержено медиатизации. Именно медиа делают общественное мнение реальным, интегральное мнение общества существует в медиа и посредством медиа. Не случайно бытует точка зрения, что не только общественное мнение, но и само общество медийно конструируется. Практически сегодня массмедиа создают эффект присутствия общественного мнения в медиареальности за счет пиара и брендинга политических лидеров.

Литература

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь мир», 2016. 344 с.
2. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

3. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
4. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. 416 с.
5. Бодрунова С.С. Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 9, вып. 3. С. 203–215.
6. Бодрийяр Ж. Реквием по медиа // К критике политической экономии знака. М.: Академический Проект, 2007. 335 с.
7. Больц Н. Азбука медиа. М.: Издательство «Европа», 2011. 136 с.

N.G. Shcherbinina

From the public sphere of parliamentary democracy to the media reality of post-democracy

The role of mass media in the formation of public opinion is studied by comparing the communicative spheres of parliamentary democracy and post-democracy. The transformation of the phenomenon of public opinion from a representative form to a media structure is shown.

Keywords: *public sphere, public opinion, public, media democracy, media reality.*

Ю.В. Яровикова

Концепция «мягкой силы» в деле межпарламентского сотрудничества: опыт российской дипломатии в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ)

Рассматриваются место и роль концепции «мягкой силы» в межпарламентском диалоге современных демократических государств. Анализ показывает, применяют ли международные организации «мягкую силу» в условиях кризисных ситуаций.

Ключевые слова: мягкая сила, межпарламентское сотрудничество, Совет Европы, Ассамблея, делегация.

На пороге третьего десятилетия нового века Россия начинает всерьез задумываться о международном позиционировании в качестве стратегического партнера и помощника в глобально развивающемся мире. На смену агрессивного этапа холодной войны пришла постиндустриальная информационная эпоха коммуникации и поиска компромиссов. Концепция биполярности с ее инструментами «жесткой силы» и принципом конфронтации потеряла всякую актуальность. Однако сила как важнейший внешнеполитический ресурс не утратила былого значения, она лишь поменяла вектор развития.

Несмотря на то, что послание президента Федеральному Собранию 2019 г. в большей степени акцентирует внимание на внутренних социально-экономических перспективах, президент, подчеркивая важность решения вопросов внешней политики, напоминает, что приоритетным принципом остается открытость взаимодействия в выстраивании международного диалога и сотрудничества, а внешнеполитическая повестка имеет объединительный, взаимозависимый характер [1]. Кроме того, 9-й пункт об общих положениях Концепции внешней политики, принятой в 2016 г., утверждает использование инструментов «мягкой силы» для решения внешнеполитических вопросов [2].

Идея «мягкой силы» является своеобразной реакцией и ответом на те американские теории, которые считают жесткую силу

и мощь государства основополагающими факторами эффективного внешнеполитического развития и влияния. Сам термин получил широкое освещение в работах американского политолога Джозефа Ная, который определяет «мягкую силу» как способность оказывать влияние посредством принципов добровольного участия и симпатии, исключая возможность принуждения и оказания давления. Най, дабы избежать иных коннотаций, выделяет три ключевых элемента «мягкой силы»: культурную составляющую, где политическая культура тождественна культуре в целом; либеральную политическую идеологию, и внешнюю политику, которая осуществляется посредством дипломатии [3]. Таким образом, видно, что если государство своей генеральной линией избирает принцип «мягкой силы», то основу ее должны составить те внутривнутриполитические ресурсы, которые по своей природе исключают всяческое применение военной и экономической силы.

Совет Европы является примером многолетнего межгосударственного сотрудничества в сфере укрепления демократических институтов, прав человека и культурного взаимодействия, что говорит о ее направленности в сторону «мягкого» сотрудничества [4]. С 1996 г. одним из форматов участия России в СЕ выступает межпарламентское сотрудничество. Однако с 2014 г. участие российской делегации в ПАСЕ было приостановлено в связи с событиями на Украине. Находясь в числе главных партнеров, наряду с другими странами, Россия имеет максимальное представительство – 18 парламентариев и 18 заместителей. Однако апрельская сессия 2014 г. приняла Резолюцию о пересмотре полномочий российской делегации [5]. Также был поставлен вопрос об исключении России из состава Ассамблеи. На данный момент вопрос не является разрешенным, а российская делегация принимает участие в Ассамблее только в узком формате.

ПАСЕ официально придерживается антитоталитарной идеологии. Помимо призывов к общественному осуждению преступлений нацистского режима, Ассамблея проводит активную работу в сторону восстановления исторической справедливости

посредством обвинения коммунистических режимов [6]. Российская делегация, в свою очередь, не разделяет данных идей, выступая единым идеологическим фронтом («Единая Россия», «Родина», КПРФ).

Все это говорит о том, что деятельность ПАСЕ в отношении российской делегации и России в целом является дестабилизирующим фактором развития политической культуры. Сам факт того, что треугольник стран Прибалтийского региона (Балтия, Польша, Украина) придерживается политики русофобии и открыто заявляет об антироссийских настроениях, говорит о коренных разногласиях внутри самой организации. Возникает тенденция формирования внутреннего центра с собственными идеологическими приоритетами, что в конечном итоге обуславливает тенденцию идеологического размежевания.

Можно сделать вывод о том, что организация, допускающая внутреннюю дискриминацию прав национальных делегаций, не может претендовать на статус организации, использующей в своем арсенале концепцию «мягкой силы». Более того, лишение права голоса противоречит институту парламентаризма и разрушает межпарламентский диалог. И только в том случае, если Ассамблея сможет преодолеть внутренние разногласия, осмыслив собственную взаимозависимость и достигнув баланса сил, она будет способна следовать намеченной цели, не отвлекаясь на второстепенные задачи.

Литература

1. Послание Президента Федеральному Собранию 2019 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 25.03.2019).
2. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 25.03.2019).
3. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Smart Power Journal. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (дата обращения: 20.03.2019).

4. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) // Совет Федерации. URL: <http://council.gov.ru/activity/crosswork/dep/73/> (дата обращения: 28.03.2019).

5. Ассамблея Совета Европы решила не возвращать право голоса России // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/420759> (дата обращения: 28.03.2019).

6. О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов: Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1481 // Parliamentary Assembly. URL: <http://assembly.coe.int/nw/Home-EN.asp> (дата обращения: 24.03.2019).

Yu. V. Yarovikova

The concept of “soft power” in inter-parliamentary cooperation: the experience of Russian diplomacy in the Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE)

In the article is addressed the place and role of the concept of «soft power» in the inter-parliamentary dialogue of modern democratic states. The analysis shows the applicability of soft power in the activities of international organizations in the crisis situations.

Keywords: soft power, inter-parliamentary cooperation, Council of Europe, Assembly, delegation.

Научное издание

**ПАРЛАМЕНТАРИЗМ:
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

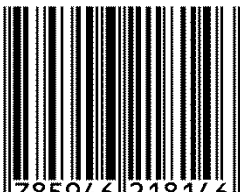
**Материалы IV Международной конференции,
посвященной 25-летию Законодательной Думы
Томской области
(Томск, 17–18 апреля 2019 г.)**

Редакторы Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 20.05.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 16,8. Усл. печ. л. 15,6. Авт. л. 20.
Тираж 200 экз. Заказ № 3798.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-814-6

9 785946 218146